

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
РЕСПУБЛИКИ КРЫМ
«КРЫМСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ»

**IV МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ,
ПОСВЯЩЕННАЯ 25-ЛЕТИЮ
ГБУ РК «КРЫМСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ»**

*Этнография Крыма XIX–XXI веков
и современные этнокультурные
процессы*

(г. Симферополь, 28–30 сентября 2017 года)

Материалы и исследования

ВЫПУСК 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО

АНТИКВА

Симферополь
2021

УДК 908 (477.75)
ББК 63.521/529 (2Рос-6Крм)
Э91

*К 25-летию Крымского этнографического музея
Рекомендовано к изданию научно-методическим советом ГБУ РК
«Крымский этнографический музей» (протокол № 8 от 23 августа 2021 г.)*

Редакционная коллегия:

Ю. Н. Лаптев – директор ГБУ РК «Крымский этнографический музей»
Л. А. Науменко – заместитель директора ГБУ РК «Крымский этнографический музей»

А. А. Павлун – научный сотрудник ГБУ РК «Крымский этнографический музей»
А. В. Хардина – методист по музейно-образовательной деятельности отдела информации и культурно-просветительной работы ГБУ РК «Крымский этнографический музей»

Научный редактор – В. Е. Науменко – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и всеобщей истории исторического факультета Института «Таврическая академия» Крымского федерального университета имени В.И.Вернадского

Э91 **Этнография Крыма XIX–XXI веков и современные этнокультурные процессы: материалы и исследования** : IV Международная научно-практическая конференция, посвященная 25-летию ГБУ РК «Крымский этнографический музей» (г. Симферополь, 28–30 сентября 2017 г.); вып. 4 / Крымский этнографический музей. – Симферополь : ООО «Антиква», 2021. – 252 с.

ISBN 978-5-6046758-4-7

IV Международная научно-практическая конференция «Этнография Крыма XIX–XXI веков и современные этнокультурные процессы» состоялась в Симферополе 28–30 сентября 2017 г. и была посвящена 25-летию Крымского этнографического музея.

Сборник посвящен проблемам этногенеза, этнической истории и традиционной культуре этнических общностей Крыма, современным этнокультурным процессам, проблемам музееведения и формирования коллекций.

В сборник включены доклады участников IV Международной научно-практической конференции.

УДК 908 (477.75)
ББК 63.521/529 (2Рос-6Крм)

ISBN 978-5-6046758-4-7

© Крымский этнографический музей, 2021
© Оформление. ООО «Антиква», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Абдураманова С. Н.

Крымскотатарское полотенце кыбырыз в собрании Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника 7

Алташкина О. Н.

Предметы утвари Ханского дворца в собрании Бахчисарайского музея-заповедника: Особенности и история комплектования 16

Баранова Е. М.

Экспозиционно-выставочная работа Крымского этнографического музея в 2009-2016 годах 26

Вибе П. П.

Изучение истории и культуры российских немцев в Омском государственном историко-краеведческом музее 33

Гайворонская О. Б.

Коллекция рождественских открыток из собрания Крымского этнографического музея 42

Гогунская Т. А.

Отклик полиэтничного населения Крыма на начало Первой Мировой войны 48

Демидович В. В.

Культурно-образовательные программы как один из видов деятельности Крымского этнографического музея 54

- Джемилева С. М.**
Думбелек – старинный музыкальный инструмент крымских татар (из коллекции ГБУ РК «Крымскотатарский музей культурно-исторического наследия») 60
- Дмитриев В. А.**
Кавказские и понтийские элементы в культуре причерноморских адыгов 64
- Ельяшевич В. А., Шайтанов С. И.**
Караимы Симферополя в первой половине XIX века: К истории возникновения общины 71
- Кашовская Н. В.**
О фамильной ономастике караимов (По материалам музейной эпиграфики ГМИР)..... 81
- Керимова А. Т.**
К истории изучения крымскотатарской свадьбы..... 89
- Киселева Н. В.**
Оценка межнациональной ситуации в Республике Крым в опросах общественного мнения..... 94
- Кондратюк Г. Н.**
Крымские татары в этнических процессах межвоенного периода в Крымской АССР (20-30-е годы XX века) 105
- Конкин Д. В.**
Проблема налогообложения крымских татар в контексте работы Таврического комитета (1819 год) 117
- Ледяева М. В., Газизуллин И. Р.**
Этнография в музее: Истоки формирования фондовых коллекций по культуре многонационального Поволжья 123
- Манаев А. Ю.**
История крымской реставрации во второй половине XX века: Проекты и исследования Е. И. Лопушинской 130
- Марусенко М. А., Марусенко Н. М., Самарина М. С.**
Русский язык в Крыму: История возвращения 138
- Миронова Н. В.**
Традиционные русские головные уборы конца XIX – начала XX веков из фондов Крымского этнографического музея 152
- Науменко Л. А.**
Формирование коллекции Крымского этнографического музея 160
- Николаева Е. Н.**
К вопросу о комплектовании музейных коллекций предметами современной церковной культуры (На примере собрания ГМИР) 168
- Павлун А. А.**
Культовые предметы западных христиан в Крыму: Краткий обзор коллекции Крымского этнографического музея 175
- Прохоров Д. А.**
Караимская коллекция ГБУ РК «Крымский этнографический музей» 182
- Сейдалиев Э. И., Сейдалиева Д. Э.**
Детская гигиена в традиционной культуре средневекового тюркского населения Крыма (О редкой группе глазурованной керамики из раскопок золотоордынского Солхата) 190

Сластникова Л. А. Крымскотатарские керамисты начала XXI века (Краткий обзор).....	199
Сухарев М. В. Этноконфессиональные процессы в постукраинском Крыму	206
Таратухина Е. Е. Знаки счастливой судьбы на женских рубахах Воронежской губернии конца XIX – начала XX веков (По материалам коллекции ГБУ РК «Крымский этнографический музей»).....	213
Черняева Е. В. Популяризация этнокультурного наследия Северо-Западного Крыма и г. Евпатории в работе Евпаторийского краеведческого музея.....	222
Чубукчиева Л. З. Институт гарема в Крымском ханстве	230
Шаврова Н. А. Женские пояса Рязанской губернии конца XIX – начала XX веков из коллекции Крымского этнографического музея.....	238
Список сокращений	246
Сведения об авторах	248

С. Н. Абдураманова

КРЫМСКОТАТАРСКОЕ ПОЛОТЕНЦЕ КЪЫБРЫЗ В СОБРАНИИ БАХЧИСАРАЙСКОГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО И АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

Аннотация. Бахчисарайский музей-заповедник является обладателем обширной коллекции образцов декоративного ткачества, относящегося к культуре крымских татар. Полотенца къыбрыз выполняли как бытовую, так и декоративную функцию: применялись в быту, являлись частью свадебного приданого, использовались в качестве украшений жилого пространства. В статье приведены краткие сведения о технике, сырье, орнаментации полотенца, затронуты вопросы символики орнаментальных мотивов.

Ключевые слова: Крым, крымские татары, декоративное ткачество, полотенце къыбрыз, орнамент.

Среди национальных ремесел крымских татар, развивающихся в настоящее время, ткачество является одним из самых трудоемких и дорогостоящих по причине высокой стоимости инструментов и приспособлений, ограниченной сырьевой базы, недостатка научно обоснованных знаний о его технологических процессах.

Къыбрыз – декоративные полотенца, выполненные в технике закладного ткачества *атма къыбрыз* (ковровая техника). По мнению У. А. Боданинского, это название произошло от турецкого наименования острова Кипр (Kıbrıs), откуда привозили краски для окрашивания пряжи [3, с. 25]. Коллекция декоративных полотенцев, выполненных в закладной технике, в фондах Бахчисарайского заповедника насчитывает 88 единиц, среди которых собственно полотенце къыбрыз – 80 единиц. В инвентарных книгах предметы описаны кратко, часто отсутствует информация о времени, месте

изготовления и источнике поступления. Автором статьи выполнена работа по исследованию и систематизации коллекции, дано полное описание техники ткачества и орнаментов (об основных результатах этого исследования см. : Абдураманова С. Н. Къыбрыз. Закладное ткачество крымских татар в коллекции Бахчисарайского музея-заповедника: каталог / С. Н. Абдураманова. – Белгород: КОНСТАНТА, 2017. – 148 с. : ил. – (Серия «Бахчисарайская коллекция»)).

Техника *атма къыбрыз* (с кр.-тат. – кипрское тканое полотно) является одной из четырех ткацких техник в декоративно-прикладном искусстве крымских татар, которая была широко распространена в горных и прибрежных районах Крыма. В степных районах полуострова ее использовали мало: «*Степная татарка дает лишь понять, что техника «къыбрыз» ей знакома, между тем как южнобережная и горная женщины щеголяют мастерством этой выделки*» [10, с. 74]. В общепринятой номенклатуре данный вид декоративного ткачества соотносят с закладным или ковровым ткачеством [9, с. 33].

Яркий геометрический рисунок изделий – двусторонний и подчеркнuto декоративный, формировался за счет особенностей техники. Цветные нити отделялись друг от друга отверствиями *чильтер*. Нить утка укладывалась так плотно, что основа не просматривалась. Орнаментальная полоса в целом очень плотная и износостойкая.

В ковровой технике ткали декоративные полотенца для украшения жилища, которые получили название *къыбрыз*. При этом «ковровым» делали только концы изделия, центральное же полотно оставляли гладким. Небольшие скатерти и салфетки для посуды ткали сплошным орнаментом, без однотонного центра. Рисунок располагали вертикальной, горизонтальной и диагональной линиями. Для получения более крупных изделий узкие полосы соединяли между собой вязаным либо плетеным кружевом *коллем* [6, с. 16].

Символика орнаментов в крымскотатарском искусстве до настоящего времени остается дискуссионным вопросом в историографии. Искусство крымских татар развивалось и обростало традициями, испытывая культурные внешние влияния – малоазийские, арабские, персидские, византийские. Об эклектизме как одной из

важных особенностей крымскотатарского искусства писал в свое время М. Гинзбург [5, с. 210].

Орнаментальная полоса полотенца *къыбрыз*, на первый взгляд, воспринимается как сугубо геометрическая композиция. Однако, богатый орнамент, объединяющий растительные, зооморфные, антропоморфные, архитектурные и иные декоративные элементы, лишь геометризovan и подчинен особенностям техники исполнения. Такая эволюция орнамента в условно-орнаментальный знак наблюдается в целом в ковроткачестве [8, с. 176]. Рисунок сформирован наложением горизонтальных, вертикальных и диагональных линий. Диагональное построение орнамента является одним из самых распространенных. Реже встречается вертикальные или горизонтальные композиции. Орнамент имеет четкую структуру и общее трехчастное деление. Прямоугольное поле, расположенное от края до края, состоит из ритмично повторяющегося рисунка. По краям его ограничивают два узких бордюра с мелким линейным орнаментом. Иногда бордюры продолжают основной орнамент. Между бордюром и основным узором проложена узкая цветная полоса в технике перетыки (*атма албаи*).

Центральной частью полотенца является гладкое полотно, вытканное в технике *атма* или *атма ёлакъ*, часто с полосками из неокрашенной нити иного происхождения (хлопок с коноплей, лен, крапива). Полоски отличаются оттенками и толщиной; иногда встречаются вкрапления неочищенной костры.

В результате анализа декоративных форм изделий нами выделены растительные, геометрические, зооморфные, антропоморфные, геральдические сюжеты, знаки с охранительными свойствами (талисманы). Многие названия, которые встречаются в ковроткачестве и вышивке, зафиксированы в довоенных фондовых книгах музея-заповедника: *навра* (краб), *къыскъач* (клевень или рак), *таракъ* (гребень), *сельби* (тополь), *пексмет* (сухарь), *базиргян софрасы* (базарный прилавок), *йылдызлы бакълава* (пахлава в форме звездочки), *деве бойну* (шея верблюда), *къошма бакълава* (пахлава с добавкой), *бакълава ичинде хач* (пахлава с крестиком в центре), *бота козьлю бакълава* (пахлава в форме глаза верблюжонка) (Рис. 1), *йылан* (змея), *сув* (вода), *налбанд тезья* (наковальня), *къыркъаякъ* (сороконожка) и др.

Узорная полоса на полотенцах повторяет не только технику, но и орнаментальное наполнение тонких безворсовых ковров *килим*, широко распространенных в Крыму. Орнаментальные мотивы анатолийских ковров повторяются в крымском ткачестве, что говорит об их значительном влиянии [12; 16]. Заимствование ковровых орнаментов отмечалось еще У. А. Боданинским [3]. *Килим* – это едва ли не самый популярный вид ковров среди анатолийских тюрок, основу которых еще с XI-XIII вв. составляли племена огузов и туркмен. Родовые знаки (тамги) этих народов сохранились в ткачестве. В крымских *кыбырзах* также возможно проследить древние родовые знаки [2], выполняющие здесь декоративную функцию: *таракъ* (гребень), *къазаякъ* (гусиная лапка), *хач* (крест), *ок-яй* (лук и стрелы), *сенек* (вилы), *Сулейман йылдызы* (шестилучевая звезда, печать Сулеймана), *нал* (подкова) и пр.

Часто изображения служили оберегами. Натальный амулет *дувалыкъ* (*амайыл*, *тылсым*) в форме треугольника был призван, к примеру, защищать обитателей дома от дурного глаза. Усиливали это действие вписанные в фигуру маленькие треугольники или мотив *козь* (глаз), который изображался в виде точки, круга, квадрата, маленького крестика в центре фигуры или заполнял поле изделия. Мужскую силу, храбрость и достаток символизировал мотив *къоч бойнузы* (рога барана). Близок к нему *къыскъач* (клешни краба или рака).

Женские мотивы – *сулюк* (пиявка) и антропоморфный *элибеллинде къыз* (девушка с руками на талии в ковровом ткачестве анатолийских турок), прообразом которой является тюркская богиня Умай. Вариации S-образного мотива, называемые у крымских татар *сулюк* (пиявка) и *арслан агъыз* (пасть льва), в различных районах Анатолии имеют несколько названий, среди которых *çaktak* (огниво), *kariboşatan* (освободившаяся от бремени женщина), а также *sülüik* (пиявка) [14, с. 182]. Образ женщины-богини Умай – один из излюбленных на женских предметах (Рис. 2). Возможно, ткани с таким орнаментом использовались в практике *эбанай* (повитуха) для привлечения высших сил божества в родовспоможении, как и в шаманской практике среднеазиатских вышивок [4]. Богиня Умай в трехрогой короне и ее сопровождающие символы воды – центральные мотивы в орнаменте на тканых головных крымскотатарских покрывалах *марама* [1, с. 18-19]. Мотив *бере-*

кет (достаток или изобилие) символизировал семейную гармонию [13, с. 107].

Один из древнейших тюркских мотивов, отражающих традиционное мировоззрение – *аят агъач* (древо жизни), изображался в виде тополя, кипариса, растительной ветви с цветами или плодами, трилистника, вазона с цветущим кустом и т. д. [15, с. 1454]. Антропоморфный мотив с женской символикой *индже бель* (тонкая талия) в анатолийских килимах называется *кюре* (серьга) и символизирует готовность девушки вступить в брак. Его вариация – мотив *сач багъы* (подвеска для волос замужней женщины) [11, с. 37].

Анатолийский ромб с крючками *pitrak* (репейник) и крымскотатарский *навра* (краб) символизирует семейный достаток и охраняет от сглаза. Ромб с двумя противоположно направленными лопастями, *базирган софрасы* (прилавок торговца на базаре) по У. А. Боданинскому [9, с. 2], а также ромбовидная фигура в форме рыбы [9, с. 47] встречаются на туркменских коврах.

Аналогии крестообразным мотивам находим среди клейм византийского периода: *хач* (крест), *къабакъ урлугъы* (семечко тыквы), *налбанд тезья* (наковальня), *эки тарафлы балта* (двусторонний топор) [7, 132-139]. В эту же группу можно отнести и якоревидную фигуру – знак правящей династии Аршакидов [8, с. 173].

К гребневидным мотивам относятся *сельби* (тополь), *къыркъ-аякъ* (сороконожка), *таракъ* (гребень, один из атрибутов богини Умай), *деве бойну* (шея верблюда). Среди зигзагообразных мотивов встречаются *сулюк* (пиявка), *бурма сув* (водяная воронка) или *чеи-ме* (водяной источник), *сув* (вода), *раф аягъы* (стойка полки для посуды), *йылан* (змея), *мал* (овечья шкура [9, с. 117]). Часто мастера один и тот же мотив называли по-разному, в зависимости от сходства с каким-либо бытовым предметом, животным, растением и т.д. К примеру, треугольник *учькоше* превращался в *къыйыкъ* (треугольное печенье), а ромб *эшкенар* в *кобек* (пупок, центр) или *бакълава* (ромбовидное печенье).

Коллекция декоративных полотенцев *кыбырыз* из фондов Бахчисарайского музея-заповедника является богатым наследием крымскотатарского искусства, достойным серьезного научного изучения. Материалы этих исследований, безусловно, могут быть использованы и в современном крымскотатарском декоративном ткачестве.

Литература

1. Абдураманова С. Н. , Акчурина-Муфтиева Н. М. Коллекция женских головных покрывал в фондах Бахчисарайского историко-культурного заповедника // II Бахчисарайские научные чтения памяти Исмаила Гаспринского «Исмаил Гаспринский и мусульманский мир России»: материалы научно-практической конференции (г. Бахчисарай, 23–25 сентября 2014 г.). – Симферополь, 2014. – Вып. 1. – С. 17–22.
2. Акчокраклы О. Н. Татарские тамги в Крыму // Известия Крымского педагогического института. – 1927. – Кн. 1. – С. 32–47.
3. Боданинский У. А. Археологическое и этнографическое изучение татар в Крыму. – Симферополь, 1930. – 31 с.
4. Гюль Э. В. Забытые лакайцы – волшебный мир степных аллюзий (к истории лакайской вышивки) // San'at. – 2012. – Вып. 3. – Режим доступа: URL: <http://sanat.ogexsa.com/2012-rus/2012-3-2/sanat-zabytye-lakajtsy-volshebnyj-mir-ste/>.
5. Гинзбург М. Татарское искусство в Крыму // Забвению не подлежит. . . (Из истории крымскотатарской государственности и Крыма). Научно-популярные очерки / сост. Н. Ибадуллаев. – Казань: Татарское книжное издательство, 1992. – С. 209–217.
6. Изидинова С. Р. Об искусстве орнаментального тканья крымских татар. – Севастополь: ЭКОСИ-Гидрофизика, 1995. – 40 с.
7. Лосев А. Ф. Мифология греков и римлян. – М. : Мысль, 1996. – 975 с.
8. Пугаченкова Г. А. Искусство Туркменистана. Очерк с древнейших времен до 1917 г. – М. : Искусство, 1967. – 328 с. : ил.
9. Рославцева Л. И. Узорное ткачество народов Крыма в собрании Государственного музея Востока. Каталог коллекции. – М. : Издательство ГМВ, 2013. – 184 с. : ил.
10. Чепурина П. Я. Орнаментальное тканье крымских татар // ИТОИАЭ. – 1929. – Т. 3(60). – С. 72-77.
11. Aydın Ö, Özdemir E. K. İzmir Atatürk müzesi deposunda bulunan cicim örneklerinin benzer yöre örnekleriyle karşılaştırılması. Sanat Dergisi. – S. 35–46. – Режим доступа: URL: <http://dergipark.gov.tr/ataunigsfd/issue/2596/33389>.
12. Erbek M. Çatalhöyük'ten günümüze Anadolu motifleri. – Режим доступа: URL: http://dipnotkitap.net/DENEME/Anadolu_Motifleri.htm.
13. Güldür M. , Şentürk Z. Hakkâri kilimciliği üzerine bir araştırma // Kalemisi. – 2015. – Cilt 3. – Sayı 6. – S. 101-117.
14. Kırzioğlu N. G. Altaylar'dan Tuna Boyuna Türk Dünyası'nda Ortak Motifler. Türksoy Yayınlan No. 3. – Ankara, 1995. – 200 s.

15. Ölmez F. , Yurteri S. Türk Dokumalarında Ağaç Motifi // 38. ICANAS. International Congress of Asian and North African Studies: papers. – Ankara, 2007. – Vol. 3. – p. 1445–1470.

16. Özyurt Ü. The language of kilim of Anatolia. Dervish Brothers. – Konya, 2016. – 26 p.

S. N. Abduramanova

CRIMEAN TATAR KYBRYZ TOWEL IN THE COLLECTION OF BAKHCHISARAY HISTORICAL AND CULTURAL AND ARCHAEOLOGICAL MUSEUM-PRESERVE

Abstract: *The Bakhchisarai Museum-Preserve is the owner of an extensive collection of samples of decorative weaving related to the culture of the Crimean Tatars. Kybryz towels performed both household and decorative functions: they were used in everyday life, were part of a wedding dowry, and were used in the decoration of living space. The article provides brief information about the techniques, raw materials, ornamentation of towels, the issues of symbolism of ornamental motifs are raised.*

Keywords: *Crimea, Crimean Tatars, decorative weaving, kybryz towel, ornament.*

Рис. 1. Къыбрыз. Полотенце. Крым, конец XIX в. (?). Хлопок, лен, атма (полотняное), атма къыбрыз (закладное), атма албаиш (перетька), атма ёлакъ (полоса). Коллекция БИКАМЗ.

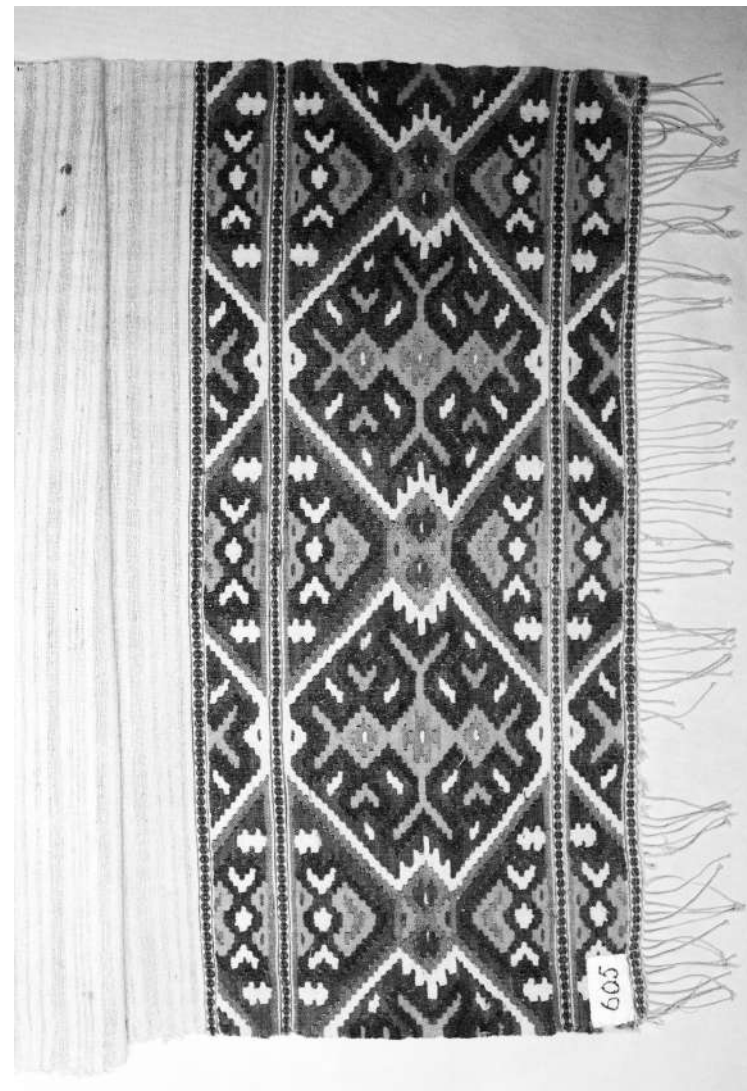

Рис. 2. Къыбрыз. Полотенце. Крым. XIX в. Хлопок, лен, атма (полотняное), атма къыбрыз (закладное), атма албаиш (перетька), атма ёлакъ (полоса). Коллекция БИКАМЗ.

О. Н. Алпашкина

**ПРЕДМЕТЫ УТВАРИ ХАНСКОГО ДВОРЦА
В СОБРАНИИ БАХЧИСАРАЙСКОГО
МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА:
ОСОБЕННОСТИ И ИСТОРИЯ КОМПЛЕКТОВАНИЯ**

Аннотация. Статья представляет краткую информацию об уникальной коллекции из собрания Бахчисарайского историко-культурного и археологического музея-заповедника, положившую начало его сегодняшнему фонду – коллекции предметов утвари Ханского дворца. Данные предметы стали первыми экспонатами в собрании Бахчисарайского музея тюрко-татарской истории и культуры, созданного в 1917 г. Среди них – мебель, предметы культа и быта, изобразительного и декоративно-прикладного искусства, ковры, детали одежды и прочие изделия, созданные в XVIII-XIX вв. турецкими, крымскими, иранскими, русскими и западноевропейскими мастерами.

Ключевые слова: Бахчисарайский музей, Бахчисарайский Ханский дворец, предметы утвари Ханского дворца.

Безусловно, далеко не все из музейных предметов, о которых пойдет речь в данной публикации, являются личными вещами правителей Крымского ханства или же членов их семей (Рис. 1). Последний хозяин Бахчисарайского ханского дворца, хан Шагин Гирей, еще до момента присоединения Крыма к Российской империи в 1783 г. вывез практически все, что представляло наибольшую ценность, поскольку начал строительство нового дворца в Феодосии. Кроме того, перед приездом в Бахчисарай российской императрицы Екатерины II в 1787 г. дворцовое имущество было заранее пополнено привезенными из Турции, а также закупленными в Крыму и Москве предметами убранства (Рис. 2). В Государственном архиве Крыма хранится опись дворцового имущества от 1804 г. Согласно ей, «...имущество дворца состояло из 686 предметов, в их числе: подушки сшитые из бархата, атласа и сукна, «тюфяки»

(миндеры), различные ткани, хрустальные люстры, столы мраморные и деревянные «ломберные оклеенные красным деревом», а также столики, картины «перьями и шелками шитые» [6, с. 49]. Правда, довольно скоро количество этих предметов сократилось, и писатель Н. Берг, бывший переводчиком в годы Восточной (Крымской) войны 1853-56 гг., так писал об этом: «Исчезли мавританские рогожки, мраморные столы, разукрашенные зеркала, фарфоровые шандалы, хрустальные люстры, гардероб ханских жен...» [6, с. 49].

Кроме того, в 1912 г., незадолго до учреждения Бахчисарайского музея, в Ханском дворце появилась небольшая коллекция предметов прикладного искусства крымских татар, собранная А. Г. Котовым, Н. П. Кондаковым и А. Г. Иваненко, членами комиссии по реставрации Ханского дворца, работавшей в конце XIX – начале XX вв.¹ Наконец, спустя еще четыре года свою лепту в формировании коллекции внесли члены историко-археологического кружка при Ханском дворце².

Таким образом, устоявшееся, на сегодняшний день, определение предметов «утвари Ханского дворца» условно можно классифицировать следующим образом:

- личное имущество крымских ханов;
- предметы дворцовой обстановки, доставленные в Бахчисарай к приезду Екатерины II после 1783 г.;
- предметы из коллекции членов комиссии по реставрации Ханского дворца в 1897, 1900-1908 гг.;
- предметы из коллекции Татарского историко-археологического кружка при Ханском дворце, существовавшего с 1916 г.

Нам доступна только часть информации о составе данной группы музейных ценностей. Основная причина заключается в том, что целый пласт сведений, особенно касающихся легенд предметов, не

¹ А. Г. Котов, Н. П. Кондаков и А. Г. Иваненко – члены комиссии по реставрации Ханского дворца в Бахчисарае, работавшей сначала в 1897 г., а затем в течение 1900-1908 гг. Последний был также полицмейстером г. Бахчисарая.

² Татарский историко-археологический кружок с марта 1916 г. являлся отделом Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. Инициатором и председателем кружка стал художник и краевед У. А. Боданинский, впоследствии первый директор Бахчисарайского музея.

попал в современные книги учета музея-заповедника. И вот здесь бесценными источниками для исследования стали инвентари 1920-х и 1940-х гг., а точнее, их сохранившаяся часть.

Из всех предметов, записанных в эти книги, к предметам утвари Ханского дворца мы отнесли 275 единиц хранения [1]. И хотя не все из них сопровождается краткая запись «из имущества Ханского дворца», сделанная в музейных книгах учета, с большой долей вероятности, можно утверждать, что это именно так. Сведения об этих изделиях очень скудны. Как правило, указано их название на крымскотатарском языке, в отдельных случаях, датировка и назначение. Причем, на наш взгляд, нередко атрибуция ошибочна, что совсем не удивительно, так как необходимых знаний сотрудникам музея в те годы не доставало. Довольно скоро после создания музея, в 1920-1930-е гг., 18 предметов ханской утвари были исключены из его собрания, шесть из них были украдены, остальные изъяты; и это вся доступная нам информация. Еще девять предметов были похищены нацистами в период Великой Отечественной войны, о чем сотрудниками был составлен подробный акт. В 1944-1945 гг. только 160 предметов были переписаны в новые инвентарные книги. Отметим, что при этом директором музея М. Г. Кустовой не было указано происхождение 59 из них, вместо чего была сделана пометка «данных нет». И это при том, что в 1920-е гг. М. Г. Кустова работала с сотрудниками музея в тесной связи, была членом Общества краеведения, и, наверняка, была знакома с музейной коллекцией. Чем это можно объяснить: замалчиванием информации или отсутствием доступа к старым книгам? Так или иначе, но установить это, на сегодняшний день, не представляется возможным. К сожалению, и из этих 160 предметов в 1960-1970-е гг. больше половины были исключены из музейного собрания. Два предмета было похищено, остальные 82 комиссионно списаны в 1975 г. В акте списания данные действия были аргументированы непрофильностью, низким художественным уровнем и плохой сохранностью предметов.

В современные книги поступлений музея-заповедника в 1977 г. попало всего 88 предметов утвари Ханского дворца, причем в записях об их «дворцовом» происхождении содержится множество ошибок и путаницы. В итоге, только 36 из них были правильно

атрибутированы, а три предмета были «снабжены» этой легендой ошибочно.

В ходе нашего исследования, все предметы коллекции тщательно изучались, была установлена принадлежность к ней уже имеющихся 54 предметов, 13 из которых удалось идентифицировать лишь с помощью фотографий из альбома И.В. Болдырева «Фотографии съ Бахчисарайского дворца», изданного в 1880 г.³ Также были выявлены и поставлены на учет еще 13; обнаружены 19 единиц, списанных, но не утилизированных. В итоге, в настоящее время установлено наличие 120 предметов утвари Ханского дворца. Отдельно следует упомянуть музейные ценности, происходящие из Большой Ханской мечети, являющейся неотъемлемой частью дворцового комплекса. Два из них – именные подсвечники одного из крымских ханов, также отнесены к предметам дворцовой утвари.

Коллекцию достаточно сложно систематизировать, ведь после эпохи Крымского ханства, как уже отмечалось выше, Ханский дворец обставлялся довольно стихийно: привозилась и приобреталась на месте мебель, как европейская, так и восточная, посуда, драпировочные ткани и прочее. Поэтому, исходя из принципов систематизации музейных ценностей, все предметы условно были сгруппированы в следующие разделы:

1. Изделия из текстиля.
2. Изделия из стекла и фарфора.
3. Предметы мебели.
4. Зеркала.
5. Изделия из металлов.
6. Прочие изделия.

Изделия из текстиля. Это самый большой раздел, большую часть предметов которого можно условно разделить на две группы – ковры и пристенные подушки.

Ковроделие представлено предметами, классифицированными по таким критериям, как: а) регион, б) назначение, в) техника исполнения, г) характер изображений.

В результате, мы имеем в коллекции ковры:

³ Данное издание стало результатом работ по масштабной фотосъемке Бахчисарайского Ханского дворца, инициированных критиком и искусствоведом В. В. Стасовым (1824-1906) и осуществленной фотографом И. В. Болдыревым в 1880 г.

- а) из Ирана, Турции и Туркменистана;
- б) настенные, постилочные и *намазлыки* (ковры для молитвы);
- в) тканые, плетеные и валяные;
- г) «вазовые» и с изображением *михраба*.

Пять изделий имеют иранское происхождение. В основном это *дивар-халысы*, то есть настенные ковры. Они изготовлены из сукна и шелка, имеют плохую сохранность, но, тем не менее, убедительно подтверждают устоявшееся для многих понятие: персидский ковер – образец высокого искусства и непревзойденного мастерства. Турецкое ковроткачество представлено также пятью шелковыми коврами. Это настенные ковры и *намазлыки*.

Довольно часто на коврах встречается изображение в его основании одной или нескольких ваз. Их называют вазами бессмертия, и, по сути, они являются вариацией сцены «древа жизни» [2]. «Вазовые» ковры персидские мастера стали ткать с XVII в. Их родиной считается город Керман. Как правило, изображение *михраба* на коврах показывает приверженность Исламу, и такой ковер не всегда предназначен для совершения молитвы. На коврах изображены и другие предметы, связанные с религиозными культурами. В частности, лампада, символизирующая распространение благой вести о бесконечности и безграничности света [2].

В этом же разделе представлены покрывало и чехлы для настенных подушек, являющихся неотъемлемой составляющей восточного интерьера. Последних в коллекции насчитывается 24, и все они имеют османское происхождение. Предметы декорированы вышивкой, в которой преобладает растительный орнамент, но встречаются астральные и геометрические сюжеты. Расцветка ткани основы традиционна для османского текстиля этого периода: глубокий красный фон, на котором сверкает серебряный узор. Столь же популярным цветом основы был зеленый. Датированы эти изделия концом XVIII в. Это время, когда османское искусство вышивки претерпело европейское влияние и начал формироваться стиль турецкого рококо; наряду с металлизированной нитью тогда же стали использовать цветные шелковые нити [3].

В раздел изделий из текстиля также включены различные занавеси и накидки, *ламбрекены* для каминов, имеющие предположительно российское происхождение, и несколько отрезков тканей и фрагментов верхнего платья.

Изделия из стекла и фарфора. Эта часть коллекции состоит из фарфоровой, керамической и стеклянной посуды и утвари.

Изделия из стекла представлены работами мастеров России, где стекольное производство на уровне заводов и мануфактур берет свое начало с XVII в. Наиболее интенсивное его развитие пришлось на первую половину XVIII в., расцвет же художественного стеклоделия относится к началу XIX в., когда заводы стали выпускать настоящие произведения искусства: *жирандоли*, массивные вазы, декоративность которых подчеркивалась позолотой. Именно подобного рода предметы присутствуют в коллекции предметов утвари Ханского дворца.

В этом же разделе миниатюрные вазы и подсвечники из костяного стекла работы венецианских мастеров XVIII в., фарфоровые изделия мастеров Англии и России. Посуда знаменитой Мейсенской мануфактуры также составляет часть утвари Ханского дворца. Известно, что во второй половине XVIII в. в Европе наиболее популярным был фарфор, производимый в г. Мейсене. Около 40% этой продукции поставлялось в Россию.

«Восток» в настоящем разделе представлен посудой турецкой и иранской работы XVIII в. Считается, что в период XVII-XVIII вв. иранские мастера подражали китайским; тогда же в Иране процветало изготовление изделий из цветного стекла. Характерный для иранской посуды синий цвет использовался как в стекле, так и в глине, столь же характерным было изображение животных. Из изделий турецких гончаров отметим кофейные чашечки и несколько кувшинов, изготовленных в гончарном центре Чанаккале, керамика которого имеет свои особенности. В частности, она отличается необычной формой сосудов, украшенных скульптурным декором.

Предметы мебели. Среди изделий, имеющих «восточное» происхождение, отметим два столика типа *курсю*. Такие многогранные столики были очень популярны в интерьерах жилищ у многих народов Крыма и Турции. Им присущи стройность, лаконичность, геометричность форм. Напротив, отделка изделий отличается пышностью, часто столики украшены инкрустацией либо *интарсией*. Таким же образом были декорированы настенные ящики. Схожим с данной техникой является *хатам* – искусство инкрустации по дереву, распространившееся в Персии в эпоху Сефевидов в XIV-XVIII вв.

В данный раздел коллекции также включены обеденный и салонный столы, предположительно работы русских мастеров, и кровать, атрибутированная как царское ложе императрицы Екатерины II. Ряд специалистов, правда, отрицают идею ее подлинности. К примеру, известный писатель и этнограф Е. Марков, побывавший в Бахчисарайском дворце и описавший свои впечатления в знаменитых «Очерках Крыма» в 1872 г., отметил, что кровать, по всей вероятности, была сделана в Симферополе.

Зеркала. В этот раздел мы включили девять настенных зеркал, которые, судя по записям сотрудников музея, были изготовлены в Венеции в XVIII в. Действительно, именно за венецианскими мастерами с начала XV в. прочно удерживалась первенство по производству зеркал, активно поставлявшихся в Европу и на Восток. Но бахчисарайские зеркала вряд ли имеют венецианское происхождение. Скорее, их можно атрибутировать как изделия турецких и русских мастеров конца XVIII-XIX вв. Оснащение подобными зеркалами дворцов и усадеб в Российской империи было традиционным.

Изделия из металлов. Этот раздел коллекции является довольно многочисленным и состоит из предметов тюркской XVIII-XIX вв. Он включает разнообразные сосуды, мангалы, подсвечники и иные предметы бытовой и культовой утвари мастеров Крыма, Турции и России, большей частью, утилитарные. Исключение составляют несколько декорированных подносов и сосудов, в отделке которых преобладает растительный орнамент: плоды граната, кипарисы и пальмы, всевозможные соцветия и побеги, «турецкие огурцы», розетки и пр. Геометрический орнамент представлен изображениями медальонов, ромбов, треугольников и окружностей, а также символов из разных культурных традиций, к примеру, гексаграмм и различных стилизаций меандрового орнамента. На поверхности изделий часто встречается эпиграфический или каллиграфический орнамент, являющийся важнейшим признаком мусульманского искусства. Как правило, надписи являются стихами, благопожеланиями и цитатами из Корана [5]. В ходе исследования были сделаны и некоторые открытия. Так, на одном из предметов Н. Абдульваповым была прочитана надпись, в которой, вероятно, указано имя кефинского муфтия *Эбу эс-Сууд эфенди*, занимавшего свою

должность в период первого правления хана Менгли II Гирея. Помимо этого, согласно отдельным документам из кадиаскерских тетрадей, бахчисарайским кадием в 1731 и 1738 гг. также был *Эбу эс-Сууд эфенди*. Возможно, речь идет об одном и том же человеке [1, с. 160]. Отметим также, что именно настоящий раздел представляет особый интерес для исследователей, поскольку на ряде предметов сохранились надписи, в том числе подтверждающие их принадлежность крымским ханам [1, с. 147, 159; 4, с. 151].

Прочие изделия. В данный раздел отнесены предметы, систематизировать которые, ввиду их разноплановости, достаточно сложно. К примеру, это портретная живопись. Портрет российской императрицы Екатерины II, по сути, является одной из многочисленных копий ее парадного портрета кисти А. Рослина, созданного в 1776-1777 гг. и хранящегося в Государственном Эрмитаже. Портрет, аналогичный портрету императора Николая I, хранящемуся в Бахчисарайской музейной коллекции, представлен в одном из антикварных салонов г. Москвы со ссылкой на то, что он находился в комнате штаба командующего российской армии генерала артиллерии князя Горчакова и был вывезен из Севастополя, а потом эвакуирован русскими 8 сентября 1855 г. [1, с. 172]. Также настоящий раздел коллекции знакомит с элементами восточного костюма, среди которых женская шапочка типа *фес*, опахало и деревянные подставки для женской обуви *налын*.

Пока не удастся проследить судьбу 81 предмета утвари Бахчисарайского Ханского дворца из довоенных инвентарных книг. Вероятнее всего, часть из них попала в музейный «этнографический склад»; такая пометка часто упоминается на страницах старых инвентарей. В собрании музея-заповедника, на сегодняшний день, действительно, хранится множество предметов, история поступления которых пока еще не установлена. Поскольку отсутствующие вещи также описаны довольно скудно, к тому же нет их изображений, установить историю и местонахождение таких предметов до сих пор достаточно проблематично.

Литература

1. Алпашкина О. Н. Предметы утвари ханского дворца в собрании Бахчисарайского музея-заповедника: каталог. – Симферополь: Антиква, 2017. – 220 с.: ил. – (Серия: Бахчисарайская коллекция).
2. Бидерманн Г. Энциклопедия символов. – М.: Республика, 1996. – 335 с.
3. Всеобщая история искусств. Т. 1 / ред. Р. Б. Климов. – М.: Искусство, 1956. – 920 с.
4. Зайцев И. В. Три заметки к эпиграфике крымских Гиреев // Эпиграфика Востока. – 2008. – Т. XXVII. – С. 147-154.
5. Медные и бронзовые (латунные) изделия Ирана второй половины XIV – середины XVIII века: каталог коллекции / А. А. Иванов; Государственный Эрмитаж. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. – 304 с.: ил.
6. Эминов Р. Р. Первый национальный музей крымских татар // Восточный архив. – 2011. – №24. – С. 48-64.

O. N. Alpashkina

THE KHAN PALACE HOUSEHOLD ITEMS IN THE COLLECTION OF BAKHCHYSARAI MUSEUM-PRESERVE: THE HISTORY AND PECULIARITIES OF THE COLLECTION

Abstract. *The article presents a brief overview of the unique collection of artifacts of the Bakhchysarai historical, cultural, and archaeological museum-preserve. This collection has laid the foundation for the today's archive – the collection of household items of the Khan Palace. These items were the first exhibits in the Bakhchysarai Khan Palace Turkic-Tatar history and culture collection was created in 1917. The collection includes furniture, household and cult items, items of fine and applied arts, carpets, clothing parts, and other artifacts created in XVIII-XIX cc. by the Turkish, Crimean, Iranian, Russian, and West-European craftsmen.*

Keywords: *Bakhchysarai Museum, Bakhchysarai Khan Palace, household items of the Khan Palace.*

Рис. 1. Общий вид Ханского дворца. Фото И. В. Болдырева, 1880 г. БИКАМЗ.

Рис. 2. Внутренние покои Ханского дворца. Фото И. В. Болдырева 1880 г. БИКАМЗ.

Е. М. Баранова

ЭКСПОЗИЦИОННО-ВЫСТАВОЧНАЯ РАБОТА КРЫМСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ В 2009-2016 ГОДАХ

***Аннотация.** В статье отражены результаты экспозиционно-выставочной деятельности Крымского этнографического музея в течение двух периодов в истории Крыма – в 2009-2013 гг., когда полуостров находился еще в составе Украины, и в 2014-2016 гг., когда он был включен в состав Российской Федерации. В работе описаны тематика, характер, особенности и основные направления деятельности музея в это время. Работа приурочена к 25-летию со дня основания Крымского этнографического музея, торжественный юбилей которого широко отмечался в 2017 г. рядом знаковых событий.*

***Ключевые слова:** выставка, экспозиция, этнография, музей, выставочный проект, межмузейный обмен, декоративно-прикладное искусство.*

Крымский этнографический музей был основан в 1992 г. на правах филиала Крымского республиканского краеведческого музея (с 2006 г. – ГБУРК «Центральный музей Тавриды»). С сентября 2009 г. музей работает как самостоятельное юридическое лицо.

Экспозиционно-выставочная деятельность является одной из важных составляющих работы Крымского этнографического музея. Создание выставок и экспозиций позволяет повысить доступность и значимость собственных музейных коллекций, а также ввести в научный и культурный оборот памятники, находящиеся в частных собраниях [14, с. 429].

В период нахождения Крыма в составе Украины с 2009 по 2013 гг. Крымским этнографическим музеем были организованы и проведены на своей базе либо на внешних площадках 94 выставки. Большая часть из них носила характер декоративно-прикладных выставок, в

том числе персональные выставки крымских мастеров, фотографов и художников: выставка декоративно-прикладного искусства крымских татар «Золотая колыбель» («Алтын бешик»), выставка работ Симферопольской студии «Мелодия шелка», работы Гильдии кожевников Крыма «Мир кожи», персональные выставки художников: О. П. Румбах «Женщина – ангел, цветок и дитя...», О. Н. Чистяковой «Творенье рук, и сердца, и души...», Н. Ф. Грищенко «Лоскутное шитье», выставка картин и работ члена Национального союза мастеров народного искусства Ларисы Кружко «Золотая шкатулка русского искусства» и многие другие [2, с. 5].

В рамках мероприятий, посвященных 150-летию переселения эстонцев в Крым, в 2011 г. состоялось открытие фотовыставки «Эстонцы – 150 лет в Крыму», где было представлено более 100 фотографий конца XIX – середины XX вв. из фондов Крымского этнографического музея и архива Крымского эстонского общества культуры. Фотоматериал познакомил посетителей с хозяйственной деятельностью, образованием, праздниками, обрядами крымских эстонцев.

В апреле 2012 г. к 20-летию создания творческой общественной организации «Ассоциация крымскотатарских художников» в музее открылась выставка «Мелодии колыбели», на которой были представлены работы профессиональных художников, скульпторов, графиков, художников декоративно-прикладного искусства, дизайнеров, художников театра и кино, искусствоведов [8, с. 8].

Примером презентаций этнографических коллекций национально-культурными обществами Крыма служит выставка Крымской республиканской Федерации караимов «След малого, но гордого народа» [3, с. 20], открытие которой состоялось 5 сентября 2012 г. в рамках Дней культуры крымских караимов [9, с. 10].

Среди выставок по программе межмузейного обмена хочется отметить выставку 2012 г. «Эстонский национальный костюм», организованную совместно с Эстонским национальным музеем г. Тарту. На ней были представлены комплексы национальной эстонской одежды и ее отдельные составляющие, отражающие жизнь и традиции эстонского и других финно-угорских народов. Еще один подобный проект – выставка «Южнобережные узоры» из фондов Ялтинского историко-литературного музея, экспозиция которого была создана к 120-летию Ялтинского историко-литературного музея и

приурочена к 20-летию Крымского этнографического музея. На выставке позиционировались предметы конца XVIII – начала XX вв., связанные с орнаментальным искусством крымских татар Южного берега Крыма.

В 2013 г. совместно с Волынским областным домом культуры (Украина) в выставочном зале Крымского этнографического музея состоялось торжественное открытие семейной выставки члена Национального союза мастеров народного искусства Украины Оксаны Пузняк «Волынские узоры». На ней были представлены работы, выполненные Оксаной Пузняк, ее матерью Мирославой Тимошук, сестрой Тамарой Домбровской и дочерью Зореславой Пузняк, в числе которых национальные региональные костюмы, свадебные обрядовые рушники, изделия из бисера [1, с. 6].

С момента вхождения Крыма в состав России в Крымском этнографическом музее активизировалась работа по выставочному обмену. Одним из главных его стимулов в Республике Крым является государственная программа «Развитие и сохранение объектов культурного наследия Республики Крым на 2015-2017 гг.», принятая Постановлением № 32 Совета министров Республики Крым от 9 февраля 2015 г. [13, с. 27].

С 2014 по 2016 гг. Крымским этнографическим музеем были организованы и проведены еще 88 выставок. Особо следует отметить ряд крупных проектов в рамках программы межмузейного обмена, в том числе открытую 31 октября 2014 г. в рамках Года культуры в России интерактивную выставку «Гимн России» Всероссийского музейного объединения музыкальной культуры имени М. И. Глинки. В пределах одного экспозиционного пространства были соединены современные мультимедийные технологии с подлинными документами разных эпох и редкими экспонатами, предоставленными крупнейшими государственными музеями, архивами и частными коллекционерами, масштабно показывающими историю Государственного гимна Российской Федерации и его предшественников – гимнических и торжественных мелодий разных столетий [12, с. 8].

Целью выставки «Народы Крыма» из фондов Российского этнографического музея является презентация участия петербургской гуманитарной науки в изучении многообразной этнической культуры народов Крыма. На выставке в Крымском этнографическом музее демонстрировались предметы быта, музыкальные инструменты

и комплексы костюмов народов Крыма из музейного собрания Российского этнографического музея.

«Кружева вологодские, ненаглядные» – еще один совместный выставочный проект Крымского этнографического музея и Вологодского государственного музея-заповедника и входящего в его структуру Музея кружева. Открытие выставки было запланировано в рамках подписанного в октябре 2014 г. главой Республики Крым Сергеем Аксеновым и губернатором Вологодской области Олегом Кувшинниковым Соглашения о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве между регионами. Это выставка-рассказ о наиболее известном традиционном промысле Вологодской области – искусстве кружевоплетения.

Результатом соглашения о сотрудничестве между Омским государственным историко-краеведческим музеем и Крымским этнографическим музеем стала презентация в июне 2015 г. Межрегионального музейно-выставочного проекта «Азиатская Россия», где нашли отражение особенности этнической культуры народов Западной Сибири конца XIX – первой половины XX вв. Они представлены через демонстрацию предметов охоты, кочевого быта, костюма, духовной культуры и верований, традиционной игрушки, уникальных фотографий. На выставке присутствовали и уникальные предметы из коллекции культуры русских старообрядцев Алтая, в том числе праздничная традиционная одежда, первые поступления казахской коллекции, предметы шаманского культа сибирских народов, предметы одной из крупнейших в России коллекций по этнографии русских немцев, оружие и украшения народов Кавказа и Западной Сибири, а также предметы декоративно-прикладного искусства [5, с. 8].

В том же 2015 г. в рамках программы межмузейного сотрудничества в Крымском этнографическом музее была открыта выставка «Связь времен» как часть проекта «И похожие, и разные...» Мемориального комплекса жертвам репрессий (Республика Ингушетия). Этот проект был задуман с целью реализации Указа Президента РФ от 7 мая 2012 г. №597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики». Его задачей стало стремление ярко показать национальное своеобразие каждой из культур народов России, подчеркнув их общие черты. Главная цель выставки – дать полное и достоверное представление о традиционной культуре ингушского народа.

Выставочный проект 2016 г. «Долгий плат на плечах...» из фондов Музея истории русского платка и шали (г. Павловский Посад, Московская область) был посвящен предметам из коллекции Владимира Федоровича Шешенина, члена клуба коллекционеров произведений искусства при ГМИИ им. А. С. Пушкина, который явился инициатором создания этого музея и стал его первым директором в 2002 г. Вниманию посетителей выставки были представлены платки и шали российских мануфактур конца XIX – XX вв.: шерстяные набивные и тканые, шелковые и полшелковые, ситцевые головные и памятные, а также уникальные шерстяные набивные панно и шелковые тканые портреты советского времени [10, с. 13]. Они были выполнены как Павлопосадской платочной мануфактурой, так и привезены из Архангельской, Вологодской, Нижегородской, Тульской областей, Республики Дагестан [4, с. 8].

В том же 2016 г. состоялось открытие выставки «Декоративно-прикладное искусство казанских татар: история и современность» из фондов Национального музея Республики Татарстан (г. Казань). Музейная коллекция показывает своеобразие культуры татарского народа, национальные традиции и искусство мастеров разных эпох. Образцы исторического и современного искусства демонстрируют эстетическое своеобразие и орнаментальный строй татарского национального искусства, преемственность традиций народных промыслов [6, с. 8].

Наряду с выставками по программе межмузейного обмена Крымский этнографический музей в российский период своей истории продолжает организовывать выставки частных коллекций в рамках проекта «Мое хобби». Примером такого сотрудничества стало открытие выставки «Красота традиций: русский народный костюм» из частной коллекции Сергея Глебушкина (г. Москва) в рамках мероприятий, посвященных фестивалю «Великое русское слово». Сергей Анатольевич Глебушкин – известный в России собиратель и исследователь русского народного костюма, лауреат Всероссийских и Международных конкурсов и фестивалей фольклора [11, с. 12]. Его коллекция включает костюмные комплексы XIX-XX вв., собранные в этнографических экспедициях в разных регионах России. Большую ценность и уникальность коллекции придают праздничные головные уборы золотного и серебряного шитья, украшенные жемчугом и бисером. Все это многообразие было представлено посетителям в период работы выставки в Крымском этнографическом музее с 6 июня по 30 сентября 2016 [7, с. 8].

Кроме перечисленных выставок и проектов в музее в 2014-2016 гг. проходило множество художественных и персональных выставок, фотовыставки, выставки новых поступлений и одного экспоната, выставки в рамках культурно-образовательных мероприятий.

Литература

1. «Волынские узоры» в Этнографическом музее // Литературная газета + Курьер культуры: Крым-Севастополь. – 2013. – №19. – С. 6.
2. Гусарова М. Сокровища золотой шкатулки // Крымское время. – 2012. – №11. – С. 5.
3. Гусарова М. «След малого, но гордого народа» // Крымское время. – 2012. – №96. – С. 20.
4. Ефремова С. В каждой нитке небесная тянется высь, домотканым, цветастым узором // Крымские известия. – 2016. – №75 – С. 8.
5. Ефремова С. Встреча с родиной предков // Крымские известия. – 2015. – №161 – С. 8.
6. Ефремова С. Казанская красавица: браслеты с бирюзой, платье с воланами и шаль // Крымские известия. – 2016. – № 221 – С. 8.
7. Ефремова С. Нет живописней русского наряда! // Крымские известия. – 2016. – №105. – С. 8.
8. Зорина Е. Мелодия колыбели // Крымские известия. – 2012. – №91. – С. 8.
9. Зорина Е. Прикоснуться к прошлому: подчас трагичному, подчас счастливому // Крымские известия. – 2012. – №167. – С. 10.
10. Кокошко Г. Подари мне платок // Крымские известия. – 2016. – №16. – С. 13.
11. Кострова К. Сшей мне Матушка красный сарафан // Крымское время. – 2016. - №25. – С. 12.
12. Портов Ю. Мы путешествовали в исторической машине времени. Но эта музыка всегда оставалась с нами // Крымские известия. – 2014. – №218. – С. 8.
13. Чернявская Е. Единое музейное пространство. Где в Симферополе музейный перекресток и чем удивляют столичные экспозиции // Крымская газета. – 2016. – №106. – С. 27.
14. Юренева Т. Ю. Музееведение: Учебник для высшей школы. – М.: Академический проект, 2003. – 560 с.

E. M. Baranova

EXPOSITION AND EXHIBITION WORK CRIMEAN ETHNOGRAPHIC MUSEUM IN 2009-2016

Abstract. *The article reflects the results of the exposition and exhibition activities of the Crimean Ethnographic Museum during two periods in the history of the Crimea – in 2009-2013, when the peninsula was still part of Ukraine, and in 2014-2016, when it was included in the Russian Federation. The paper describes the theme, nature, features and main activities of the museum in these periods of time. The writing of this article is dedicated to the 25th anniversary of the founding of the Crimean Ethnographic Museum, the solemn anniversary of which was widely celebrated in 2017 by a number of significant events.*

Keywords: *exhibition, exposition, ethnography, museum, exhibition project, intermuseum exchange, decorative and applied art.*

П. П. Вубе

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ В ОМСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОМ МУЗЕЕ

Аннотация. *Статья посвящена деятельности одного из старейших в Сибири музеев по изучению истории и культуры российских немцев. Автор рассматривает процесс формирования немецкой коллекции музея с конца XIX в. до наших дней и ее использование в экспозиционной и научно-исследовательской деятельности. Особое место отведено международным партнерским проектам музея с участием коллег из Германии, Канады, США. Итоги работы Омского государственного историко-краеведческого музея нашли свое воплощение в музейных каталогах, сборниках статей и документов, фундаментальной коллективной монографии «История и этнография немцев в Сибири» и альбоме-каталоге «История российских немцев в собрании Омского государственного историко-краеведческого музея».*

Ключевые слова: *Омский государственный историко-краеведческий музей, немцы в Сибири, коллекция, выставка, каталог.*

Формирование коллекции. Омский государственный историко-краеведческий музей (далее – ОГИК) был основан в 1878 г. как музей Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества. В конце XIX – начале XX вв. в музее были заложены основы немецкой коллекции. Преимущественно это фотографии, подготовленные для участия во Всероссийской промышленной и художественной выставке в Нижнем Новгороде в 1896 г. и Первой Западно-Сибирской сельскохозяйственной, лесной и торгово-промышленной выставке в Омске в 1911 г.

В советское время коллекция бессистемно пополнялась единичными предметами. Но большой блок фотографий и документов из следственных и судебных органов поступил в музей в 1960-70-е гг.

в связи с подготовкой антирелигиозной выставки «Идеологические диверсии империализма». Для ее организации в 1968 г. из Омского областного суда были переданы материалы, изъятые во время обыска у сестер Гармс из Омска, которых судили за активную религиозную деятельность. А в 1969 г. фотокорреспондент газеты «Омская правда» К. Рудаков передал музею 74 снимка по судебному процессу, проходившему в ноябре 1968 г. над Р.К. Завадской (урожденной Тиссен), членом общины последователей Совета церквей евангельских христиан-баптистов (ЕХБ), а также над руководителями Петровской общины последователей Совета церквей ЕХБ П. Г. Дерксом и Я. Ф. Винсом в феврале 1969 г. Оба судебных заседания были, что называется, показательными и проводились в с. Солнцевка Исилькульского района. На снимках запечатлены как обвиняемые, так и члены суда, свидетели.

В конце 1970-х гг. музейная выставка была обновлена. В музей передали «вещественные доказательства» вины подсудимых: духовную и миссионерскую литературу, изданную за рубежом, тетради с записями духовных текстов, письма, открытки, самодельные закладки для книг, фотографии молитвенных домов, помещений для собраний, членов общин.

Планомерная работа по формированию немецкой коллекции в ОГИК началась в начале 1990-х гг. В течение ноября 1993 – мая 1994 гг. П. П. Вибе и И. В. Черказьяновой были собраны сотни документов и предметов, которые и составили основу выставки «Немцы в Сибири», открывшейся 5 июня 1994 г. [9]. Сборы проводились в селах Азовского немецкого национального района, Исилькульского, Любинского, Марьяновского, Таврического и Шербакульского районов Омской области.

В августе 1995 г. при поддержке Международного союза немецкой культуры была проведена первая Международная этнографическая экспедиция по сбору материалов среди немцев на территории Омской области (Исилькульский, Москаленский и Азовский районы). Члены экспедиции – сотрудники музея П. П. Вибе и И. В. Черказьянова, исполнительный директор Института германских и восточно-европейских исследований доктор А. Айсфельд (г. Гёттинген, Германия), студенты ОмГПУ М. В. Бауэр и Е. В. Попова.

В последующие годы полевые историко-этнографические исследования немецких поселений Омской области и архивных матери-

алов, касавшихся истории сибирских немцев, продолжались. Были изучены фонды архивов Москвы, Санкт-Петербурга, Томска, Тобольска, Омска, Алматы. Появились первые публикации по истории немецких колоний в Сибири [5; 6; 7; 16].

Расширилась и география экспедиционных сборов. Так, в 1999 г. состоялась экспедиция в Павлодарскую область Республики Казахстан. Работа проводилась в селах Константиново и Розовка. В 2000 г. в связи с подготовкой выставки «Депортация» сотрудники музея организовали экспедиции в Тарский, Знаменский, Исилькульский, Полтавский, Шербакульский районы Омской области, а также в Северо-Казахстанскую область, во время которых были собраны материалы о депортированных немцах, трудармейцах и спецпоселенцах.

В это же время в музей поступили, пожалуй, самые интересные предметы. Жительница с. Миролюбовка Л. Г. Нейфельд передала музею пианино, типичную для немецкого быта кровать и очень редкий предмет – гладильный станок, изготовленный в XIX в. в Германии и принадлежащий семье переселенцев. В 1920-е гг. его хозяин эмигрировал в США, а станок приобрели родители Л. Г. Нейфельд. Хозяйка и жители села долгие годы пользовались им, поэтому она с большим трудом согласилась передать станок в музей. Теперь этот предмет – настоящее украшение экспозиции.

В 1997 г. жительница Москаленского района А. Г. Валл передала в музей шкаф, изготовленный в 1861 г. в Молочанском меннонитском округе на юге России. Этот предмет уникален: разборный, изготовлен без единого гвоздя, что позволяло транспортировать его на большие расстояния. Шкаф был получен А. Г. Валл в наследство от родителей, перевезен в Сибирь в начале XX в. и до передачи в музей исправно служил своей хозяйке. Анна Гергардовна также передала в дар музею фотоколлаж, выполненный известным омским фотографом А. А. Антоновым в 1913 г. и запечатлевший учителей и проповедников Александровской меннонитской общины близ Омска.

В 2002 г. состоялась поездка в д. Неудачино Татарского района Новосибирской области, где меннониты проживают общиной. Участники экспедиции – члены Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев П. П. Вибе, С. В. Баах, Л. И. Сенникова (Штрек) встретились с А. Я. Штеффеном, который подарил музею настенные часы с боем. Переданный экземпляр он изготовил по образцу известных часов Крёгера, оригинал которых хранился

в их семье. Глава Неудачинской меннонитской общины Г. Г. Нейфельд рассказал об истории своего села. Музейная коллекция в результате работы экспедиции пополнилась еще одним уникальным экспонатом – прессом для изготовления колбасы (США, начало XX в.).

В июне 2005 г. сотрудниками ОГИК была обследована бывшая колония Чукреевка, основанная в 1902 г. меннонитами, выходцами из Таврической и Екатеринославской губерний России. Ныне это окраина г. Омска. Цель экспедиции – историко-этнографический сбор среди немецкого населения, изучение истории поселения, межэтнических отношений, материальной и духовной культуры. Тогда же была собрана значительная коллекция в Исилькульском районе Омской области. Семьи Рогальских, Фризен, Регер передали в музей домашнюю утварь, предметы интерьера, женское рукоделие, духовную литературу. Г. А. Рогальская и Ф. Ф. Фризен любезно предоставили для копирования семейные фотографии конца XIX – первой половины XX вв., что позволило пополнить музейную коллекцию цифровыми копиями редких фотографий, иллюстрировавших судьбы немцев-колонистов Поволжья, Крыма и Сибири. Еще одна большая экспедиция по сбору материалов немецкой коллекции состоялась в июне 2012 г. Сотрудники музея вновь выезжали в Исилькульский и Москаленский районы Омской области.

Выставочная деятельность. В 1994 г. на основе собранных материалов открылась выставка «Немцы в Сибири» – первое полноценное представление немецкой коллекции ОГИК. Выставка работала более пяти месяцев и имела большой общественный резонанс. Позднее она неоднократно экспонировалась в других городах: в краеведческом музее г. Славгород Алтайского края (июнь – август 1995 г.), в Российском этнографическом музее г. Санкт-Петербург (июль 1996 г.), в краеведческом музее г. Новосибирск (октябрь 1996 г.), в Российско-немецком доме в г. Москве (июль 2000 г.). Многие годы планшетный вариант выставки «Немцы в Сибири» с успехом представлялся в районных музеях Омской области, учебных заведениях и на других выставочных площадках г. Омска.

В ноябре 1996 г. в ОГИК открылась этнографическая экспозиция «Азиатская Россия», рассказывающая о культуре и быте народов, населяющих Омскую область. Большой комплекс был отведен немцам; в 2010 г. его обновили и дополнили новыми экспонатами, собранными в более позднее время. В июне 2015 г. выставка «Азиатская

Россия» из фондов ОГИК экспонировалась в Крымском этнографическом музее в г. Симферополе. С 2019 г. немецкая коллекция представлена в новом масштабном экспозиционном проекте ОГИК «Этническая панорама Сибири».

Никого не оставила равнодушным выставка «Депортация» (2000 г.). Ее экспозиционное пространство решено в виде лагерного барака – с неструганным полом и нарами. На этом мрачном фоне подлинные предметы истории депортированных семей из Поволжья, Крыма, Западной Украины, Прибалтики вызвали у посетителей одну мысль – не допустить повторения подобного. По окончании работы выставки ее передвижной вариант экспонировался в районных музеях Омской области. Выставка получила большой общественный резонанс.

В 2012 г. в музее открылась выставка «Немцы в контексте истории народов Азиатской России», а в 2014 г. предметы из музейной коллекции удачно дополнили передвижную выставку «Немцы в российской истории», подготовленной МСНК в рамках празднования 250-летия переселения немцев в Россию. В 2017 г. по заказу Лютеранской церкви Сибири была подготовлена выставка «На том стою, и не могу иначе...», посвященная 500-летию Реформации. Ее основу составила коллекция ОГИК по истории и культуре российских немцев.

На этих выставках экспонировался ряд предметов и документов, ранее не представленный широкому кругу посетителей. Собранные за два десятилетия немецкая коллекция позволила музею наиболее полно и глубоко проиллюстрировать основные этапы истории российских немцев, их хозяйственную деятельность, культуру и быт.

Международные партнерские проекты ОГИК музея. Первым опытом международного сотрудничества музея была упомянутая уже Международная историко-этнографическая экспедиция 1995 г. В 1999 г. в Запорожье проходила международная научная конференция «Хортица-99: Меннониты в царской России и Советском Союзе» (Khortitsa-99. New Sources and Perspectives on Mennonites in the Russian and Soviet Empires), в которой принимали участие ученые из Канады, США, Германии, Украины, России. В рамках конференции работала международная выставка по истории меннонитских колоний в царской России и Советском Союзе. ОГИК, как участник этого проекта, представил свою передвижную выставку «Менно-

ниты в Западной Сибири». Участие в проекте способствовало укреплению творческих связей музея с учеными Канады и США.

В 2000 и 2001 гг. профессор Университета Торонто Х. Дик посетил ОГИК. В ходе этих визитов был проведен анализ фондов омских архивов, обследованы некоторые населенные пункты Омской области, основанные меннонитами, намечен план совместных действий в рамках международного проекта *Mennonites in the Soviet Union, 1914–1956: A Multi-Volume Documentary History*, в котором принимали участие исследовательские центры, университеты, архивы и музеи Канады, Германии, Парагвая, России, Украины и США.

В 2000 г. ОГИК совместно с Немецким культурным центром им. Гёте и Международным союзом немецкой культуры провел международный научно-практический семинар «Комплектование и использование материалов по истории и этнографии российских немцев». На семинар прибыли научные сотрудники из музеев Архангельска, Саратова, Волгограда, Новосибирска, Санкт-Петербурга и других городов России. В качестве экспертов на семинаре присутствовали коллеги из Германии.

В 2002 г. сотрудники ОГИК П. П. Вибе и С. В. Баах приняли участие в информационной поездке сотрудников российских музеев по Германии. Работа проходила в музеях Нижней Саксонии. На встречах с германскими коллегами основной темой обсуждения стали вопросы перспективного сотрудничества музеев. Это взаимодействие было реализовано в 2006 г., когда ОГИК при поддержке Немецкого культурного центра им. Гёте провел Международный научно-практический семинар по проблемам создания историко-этнографических музеев под открытым небом. На семинаре выступили Михаэль Шимек, директор музея под открытым небом Бад Зибернхайм (Рейнланд-Пфальц) и доктор Карл-Хайнц Циссов, куратор Музея под открытым небом «Клоппенбург» (Нижняя Саксония).

В 2000-е годы ОГИК музей активно поддерживал контакты с учеными Канады и США, а его сотрудники неоднократно становились стипендиатами программы «Хортица-99».

Издательские проекты. В 1997 г. ОГИК был издан первый в России каталог, посвященный этнографической коллекции российских немцев. В нем были представлены не только описания, но и

изображения предметов, указатели владельцев, мастеров, сотрудников музея, собиравших коллекцию [12].

Каталог «Этнографические коллекции районных музеев Омской области», подготовленный группой авторов под руководством П. П. Вибе в 2009 г., включал, в том числе, и немецкие предметы. Это издание в 2010 г. было удостоено престижной музейной премии им. И.Е. Забелина.

В 1998 г. был создан интернет-каталог «История и культура немцев Сибири: по материалам архивных и музейных коллекций». Он состоял из нескольких объемных информационных блоков, каждый из которых представлял собой совокупность определенного вида исторических источников, позволяющих всесторонне и объективно показать историю и культуру немцев Сибири. В разные годы в ОГИК были подготовлены и изданы сборники статей и документов, монографии по истории немцев в Сибири [1; 3; 4; 13; 14; 15].

В 2009 г. была подготовлена и издана коллективная монография, в которой представлены результаты исследований ведущих российских специалистов, занимающихся изучением истории немцев в России [10]. В 2011 г. это издание также было удостоено премии им. И. Е. Забелина. В 2015 г. в ОГИК в рамках проекта «Антология омского краеведения» был подготовлен сборник статей, значительная часть которого посвящена истории и культуре российских немцев, а также деятельности музея по их сохранению. Издание сборника осуществлено при поддержке АОО «Международный союз немецкой культуры» [2].

В 2017 г. в ОГИК был издан альбом-каталог «История российских немцев в собрании Омского государственного историко-краеведческого музея», который включает наиболее интересные предметы немецкой коллекции музея [11]. Их описание содержит следующие сведения: наименование предмета, дата и место изготовления, краткое описание, материал, техника, размер, сведения о владельце, слатчике, способе и времени поступления в музей, а также номер по книге поступления. Это издание – своеобразный итог работы музейных работников по комплектованию, изучению и использованию немецкой коллекции. Он призван помочь глубже осмыслить историю народа, укрепить связи между людьми разных национальностей и конфессий, дать возможность исследователям использовать новые источники в своих научных работах. Сразу по-

сле выхода из печати альбом-каталог вызвал большой интерес у читателей и специалистов. Его презентация состоялась в конце апреля 2017 г. в г. Омск на открытии выставки, посвященной 500-летию Реформации, а в мае этого года – на международной научной конференции «Российские немцы – свидетельства их жизни и деятельности в постсоветских архивах» в университете г. Пассау (Германия).

Литература

1. Баах С. В. Трубецкое (краткий очерк истории села) / С. В. Баах, П. П. Вибе, Р. В. Гофман. – Омск: Наука, 2005. – 70 с.
2. Вибе П. П. Антология Омского краеведения. Т.2. Музееведение, региональная история и краеведение в современных исследованиях и практиках. – Омск: ОГИК, 2015. – 789 с.
3. Вибе П. П. Немецкие колонии в Сибири в условиях социальных трансформаций конца XIX – первой трети XX вв.: монография. – Омск: Наука, 2011. – 320 с.
4. Вибе П. П. Немецкие колонии в Сибири: социально-экономический аспект: монография. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2007. – 368 с.
5. Вибе П. П. Немцы на землях Сибирского казачьего войска // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – 1997. – № 5. – С. 152–159.
6. Вибе П. П. Основные районы немецкой крестьянской колонизации в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект: материалы Международной научной конференции. – М.: Готика, 1998. – С. 134–144.
7. Вибе П. П. Переселение немцев-колонистов в Степной край в конце XIX – начале XX вв. (на примере Акмолинской и Семипалатинской областей) // История немцев Центральной Азии: материалы Международной научной конференции. – Алматы, 1997. – С. 19–30.
8. Вибе П. П. История формирования и использования немецкой коллекции Омского государственного историко-краеведческого музея / П. П. Вибе, Т. М. Назарцева, И. В. Черказьянова // История российских немцев в собрании Омского государственного историко-краеведческого музея: альбом-каталог / сост. и науч. ред. П. П. Вибе. – Омск: ОГИК, 2017. – С. 6–21.
9. Вибе П. П. Выставка «Немцы в Сибири» в Омском государственном историко-краеведческом музее / П. П. Вибе, И. В. Черказьянова // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – 1996. – № 4. – С. 84–98.
10. История и этнография немцев в Сибири / сост. и науч. ред. П. П. Вибе. – Омск: Издательство ОГИК, 2009. – 751 с.

11. История российских немцев в собрании Омского государственного историко-краеведческого музея: альбом-каталог / сост. и науч. ред. П. П. Вибе. – Омск: Издательство ОГИК, 2017. – 302 с.

12. Каталог этнографической коллекции российских немцев в собрании Омского государственного историко-краеведческого музея / сост. И. В. Черказьянова; науч. ред. П. П. Вибе. – Омск: Издательство ОГИК, 1997. – 98 с.

13. Материалы по истории немецких и меннонитских колоний в Омском Прииртышье. 1895–1930 / сост. П. П. Вибе. – Омск: Издательство ОГИК, 2002. – 448 с.

14. Немцы в Сибири: сборник документов и материалов по истории немцев в Сибири. 1895–1917 / сост. П. П. Вибе. – Омск: Издательство ОГИК, 1999. – 360 с.

15. Немцы. Россия. Сибирь: сб. ст. / сост. и науч. ред. П. П. Вибе. – Омск: Издательство ОГИК, 1997. – 242 с.

16. Черказьянова И. В. Политика русификации в немецкой школе до-революционной Сибири // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – 1997. – № 5. – С. 160–171.

P. P. Vibe

STUDYING OF HISTORY AND CULTURE OF THE RUSSIAN GERMANS IN THE OMSK STATE MUSEUM OF HISTORY AND REGIONAL STUDIES

Abstract. The lecture is devoted to the activities of one of the oldest museums in Siberia, which deals with the history and culture of the Germans from Russia. The author considers the process of the foundation of the German collection of the Museum since the late 19th century until today, and their use in the exposure and research activities. The special place is allocated to the international partner projects of the museum with participation of colleagues from Germany, Canada, USA. The results of the museum's work have found their implementation in museum catalogs, collections of essays and documents, fundamental collective monograph "The history and ethnography of the Germans in Siberia" and the album-catalogue "The history of Russian Germans in the collection of the Omsk state museum of history and regional studies".

Keywords: the Omsk State Museum of History and Regional studies, Germans in Siberia, collection, exhibition, catalogue.

О. Б. Гайворонская

КОЛЛЕКЦИЯ РОЖДЕСТВЕНСКИХ ОТКРЫТОК ИЗ СОБРАНИЯ КРЫМСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Аннотация. В статье содержится история рождественской открытки, обзор коллекции рождественских открыток начала XX – начала XXI вв. из собрания Крымского этнографического музея. В научный оборот вводятся ранее неопубликованные материалы из фондов музея.

Ключевые слова: коллекция, музей, рождественская открытка.

Одним из важных духовных компонентов, объединяющим народы России, являются праздники. Рождество Христово – светлый добрый семейный праздник, ставший частью русской духовной культуры. В Рождество и святочные дни принято творить добрые дела: заботиться о стариках, сиротах, больных, помогать бедным, дарить подарки детям, а также посылать рождественские открытки родным и друзьям с хорошими пожеланиями.

Поздравительные рождественские открытки относятся к художественно-историческому наследию, которое тесно связано с историей повседневности [2, с. 165]. Они служат не только средством коммуникации, но и средством воздействия государства на людей, на их духовную культуру. Рождественские открытки являются также важным этнографическим источником, так как через иллюстрации, которыми они оформлены, раскрываются образ жизни и культурные традиции того или иного народа [1, с. 192].

Музейные фондовые коллекции определяют научно-исследовательскую, выставочную, просветительскую работу музея. Коллекции ГБУ РК «Крымский этнографический музей» формировались предметами материальной культуры народов Крыма. Для изучения темы «Праздники народов Крыма» интерес вызывает коллекция рождественских открыток начала XX – начала XXI вв. из фондов музея, которая сейчас насчитывает 48 единиц хранения.

История рождественской открытки начинается в 1794 г., когда в Англии художник Добсон послал своему другу к Рождеству поздравление с рисунком зимнего пейзажа и рождественского семейного праздника. В 1795 г. им же были разосланы отлитографированные открытки своим друзьям на Рождество. В 1800 г. один английский предприниматель успешно продал рождественские открытки. Это был первый случай торговли открытками. Таким образом, рождественские открытки получили популярность и востребованность среди населения. Первые рождественские открытки стоили дорого, поэтому их могли приобрести только состоятельные люди.

На открытках XIX в. обычно изображали младенца Иисуса Христа в яслях, Марию и Иосифа, Вифлеемскую звезду и ангела, возвестившего появление Спасителя. На открытках начала XX в. в странах Западной Европы и Англии также изображались малиновка, омела, плющ и др. На открытках из Германии были изображения горящих свечей, колокольчиков, подков, еловых веток с игрушками, свинок, гномов, ангелов. Изображения Святого Николая стали характерными для открыток конца XIX – начала XX вв. Он часто изображался в кругу детей, раздающий им подарки, а также идущий по заснеженной дороге с елкой и мешком за плечами.

В России в конце XIX в. появились первые поздравительные карточки. Одна из них датирована 1892 г. [4, с. 9]. Первые рождественские открытки в России были изданы в 1898 г. Петербургским попечительным комитетом о сестрах Красного Креста (община св. Евгении) для получения дополнительных средств на организацию курсов сестер милосердия, содержания больниц и амбулаторий. Это была серия из десяти открыток по рисункам известных художников Санкт-Петербурга: Елизаветы Бем, Ильи Репина, Николая Самокиша, Сергея Соломко, Елены Самокиш-Судковской, Михаила Виллие, Константина Маковского, Эмиля Визелеля, Валерия Овсянникова. Сюжеты рисунков посвящены Рождеству, поэтому это были, по сути, первые русские рождественские открытки. Тираж каждой открытки составлял 10 тысяч экземпляров. Рождественские открытки общины св. Евгении пользовались большой популярностью у населения, поэтому быстро раскупались.

Российские почтовые открытки не уступали по качеству зарубежным открыткам. Если деловые поздравительные открытки бы-

ли проще в оформлении, то частные открытки отличались богатством и разнообразием сюжетов и могли украшаться тиснением золота, блестками, имитацией снега борной кислотой. Они были глянцевыми, рельефными, с вклеенными кусочками шелка, гравюрными с золотым обрезаем, плюшевые. При оформлении зарубежных рождественских открыток чаще встречались мотивы реки, озера, моста, лодки, для российских – более популярны мотивы леса, дороги, изгороди.

Самые ранние по времени издания рождественские открытки в коллекции ГБУ РК «Крымский этнографический музей» относятся к началу XX в. Они были подарены музеем жителями Крыма, представителями разных национальностей и направлений христианства. Они были изданы в Германии (КП-231, ИИ-3; КП-1357, ИИ-73; КП-370, ИИ-80; КП-1938, ИИ-150; КП-2995, ИИ-187; КП-2998, ИИ-189; КП-3101, ИИ-192; КП-3002, ИИ-193; 429 нв; 1096 нв; 1099 нв; 1104 нв; 2161 нв) и в России (КП-1368, ИИ-78; КП-1897, ИИ-126; КП-1898, ИИ-127; КП-1925, ИИ-139; КП-1928, ИИ-142; КП-3099, ИИ-198; 578 нв; 680 нв; 3024 нв). Германские рождественские открытки конкурировали с российскими по разнообразию форм, материала и сюжетов: изображения горящих свечей, колокольчиков, подков, еловых веток с игрушками, свинок, гномов, мухоморов, свинок, ангелов, Св. Николая с подарками и др. Одна из ранних рождественских открыток, хранящаяся в фондах музея, была издана в Германии в начале XX в. (КП-3101, ИИ-200). На ней изображена городская улица с многоэтажными домами серого цвета, едущая карета и Св. Николай в одежде почтальона, который несет подарки к Рождеству (Рис. 1). На другой открытке того же времени, изданной в Германии (КП-2993, ИИ-185), изображен ангел, украшающий рождественскую елку. Много германских открыток начала XX в. бытовало у эстонцев Крыма. Интересна открытка (1104 нв), посланная из Симферополя в крымское эстонское поселение Курман-Кемельчи, ныне поселок Красногвардейское. На ней изображен св. Николай, который принес белокурой девочке, спящей в колыбели, рождественский подарок – куклу и кулек с яблоками.

Влияние западной культуры на жителей России было велико, в том числе и в художественном творчестве на почтовых открытках. В начале XX в. русские художники (Иван Билибин, Леонид Бакст,

Николай Рерих, Константин Маковасов, Александр Бенц и др.) остановили этот процесс поклонения творчеству Запада. Благодаря их рисункам, на рождественских отечественных открытках появились колядующие дети, православные храмы, мчащиеся тройки, зимние пейзажи в разных уголках России. На рождественских фотооткрытках изображались влюблённые пары, счастливые семьи, дети с рождественскими ёлками и ангелы. Интересна рождественская открытка, изданная в России в начале XX в. (КП-1928, ИИ-142), где изображен русский мальчик в зимней одежде, играющий на гармошке на фоне зимнего деревенского пейзажа. Внизу коричневой краской в две строки надпись: «Пришли Святки и въ конец загулял я молодець...» (Рис. 2).

После революции 1917 г. празднование Рождества стало считаться буржуазным пережитком и выпуск рождественских поздравительных открыток прекратился. Но обычай посылать праздничные поздравления продолжал существовать. Для поздравлений использовались иллюстрированные открытки, близкие по сюжетам.

В русском зарубежье в 20-х гг. XX в. рождественские открытки почти не выпускались. Известны лишь нью-йоркские рождественские открытки с религиозной тематикой Н. Пантюховой. В 30-е гг. XX в. в г. Шанхай (Китай) и г. Земун (Югославия) русскими эмигрантами была выпущена серия открыток, посвященная Рождеству. В 50-х гг. XX в. русскими издательствами США выпускались рождественские открытки [3, с. 29]. В России рождественские открытки начали возрождаться только в конце XX в. Часто это были репродукции со старинных открыток, созданных ещё до революции 1917 г.

В фонды ГБУ РК «Крымский этнографический музей» в 2007 г. крымским писателем, публицистом и филокартистом Александром Михайловичем Коноваловым были пожертвованы с дарственной надписью автора три открытки «С Рождеством и Крещением!», изданные в Симферополе в 2005 г. На этих открытках цветные фотоизображения собора свв. Петра и Павла, церкви трех Святителей и Свято-Троицкого женского монастыря в г. Симферополе. Авторы проекта и дизайна открыток – А. Коновалов и А. Носков. Фотографии для открыток сделаны В. Еременко. Это первые рождественские открытки, изданные в Крыму после революции 1917 г. Они ценны для истории тем, что

на них изображен крымский материал – православные христианские храмы г. Симферополя.

Коллекция рождественских открыток ГБУ РК «Крымский этнографический музей» небольшая, но интересная для исследований историков, искусствоведов и филокартистов. Она требует пополнения открытками разных лет и издателей, а также дальнейшего изучения и популяризации.

Литература

1. Гребенникова Т. Г. Коллекция поздравительных открыток в собрании Алтайского государственного краеведческого музея: аналитический обзор // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2018. – № 30. – С. 192-198.

2. Мозохина Н. А. Открытка в музее: проблемы формирования и экспонирования коллекций на современном этапе // Вопросы музеологии. – 2012. – № 1 (5). – С. 165-175.

3. Полчанинов Р. В. Рождественские открытки и карточки // ЖУК. – 2008. – № 4 (19). – С. 29-30.

4. Файнштейн Э. Б. В мире открытки. – М.: Планета, 1976. – 130 с.

O. B. Gaivoronskaya

COLLECTION OF CHRISTMAS CARDS IN THE COLLECTION OF THE CRIMEAN ETHNOGRAPHIC MUSEUM

Abstract. *The article contains the history of the Christmas card, an overview of the collection of Christmas cards of the early XX – early XXI centuries from the collection of the Crimean Ethnographic Museum. Previously unpublished materials from the museum's collections are introduced into scientific circulation.*

Keywords: *collection, museum, Christmas card.*

Рис. 2. КП-1928, III-142 Рождественская открытка с изображением юноши с гармонью. Российская империя, начало XX в. Из коллекции КЭМ.

Рис. 1. КП-3101, III-200 Рождественская открытка с изображением Св. Николая. Германская империя, начало XX в. Из коллекции КЭМ.

Т. А. Гогунская

ОТКЛИК ПОЛИЭТНИЧНОГО НАСЕЛЕНИЯ КРЫМА НА НАЧАЛО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Межнациональное согласие в Крыму на современном этапе выстраивается на основе существующих исторических традиций. Одним из таких примеров, малоизвестным и незаслуженно забытым, является период начала Первой Мировой войны и реакция полиэтничного населения Крыма на произошедший кризис. Архивные источники свидетельствуют об общественном консенсусе в Крыму по вопросу о войне на её начальном этапе. Никакие различия, ни этнические, ни конфессиональные, не стали препятствием для объединения всех сил для борьбы с внешним врагом.

Ключевые слова: Первая Мировая война, народы Крыма, 1914 год.

Межнациональное согласие в Крыму на современном этапе выстраивается на основе существующих исторических традиций. Опыт совместного проживания на полуострове народов, различных по языку, культуре, религии, является залогом успешной реализации концепции «процветание в единстве». Актуализация исторических событий, связанных с объединением сил представителей разных народов Крыма является важной составляющей в достижении позитивных результатов в данном процессе.

Одним из таких примеров, малоизвестным и незаслуженно забытым, является период начала Первой Мировой войны и реакция полиэтничного населения Крыма на произошедший кризис. В современной западной историографии развернулась дискуссия по поводу существования патриотического подъема в России и других воюющих странах в 1914 г. Часть авторов вводят понятие «миф 1914 года» и оценивают поведение населения воюющих государств как «кратковременную аффектацию» или «массовую истерию», либо вообще ставят под сомнение сам факт существования патриотического подъема как широкого общественного настроения. По мнению отечественных исследователей, подобная дискуссия является «отражением несовершенства традиционного методологи-

ческого аппарата исторических исследований, когда речь заходит об анализе социально-психологических феноменов»; взамен предлагается использование социологической методологии и конструктивистского подхода для изучения коллективных представлений [7, с. 18]. Данный подход не исключает неоднородности и неоднозначности коллективных представлений, присущих конкретному обществу в тот или иной период времени. Наиболее ярко принципиальная разница в восприятии событий описываемого периода обнаруживается в реакции городских и сельских жителей России. В то же время важно выделить особенности проявления патриотических настроений в полиэтничных и поликонфессиональных регионах Российской империи.

Архивные источники, действительно, свидетельствуют об имевшем место в Крыму общественном консенсусе по вопросу Первой Мировой войны на её начальном этапе. Жители Таврической губернии приняли энергичное участие в организации помощи и сборе пожертвований на нужды больных и раненых воинов русской армии. Не только в городах, но и в селах, многие из которых были моноэтничными по составу, возникли комитеты и кружки местных жителей, собиравшие средства на организацию лазаретов, помощь семьям призванных и сиротам, снабжение солдат теплой одеждой или подарки защитникам родины [6, с. 55]. Важным направлением деятельности органов местного самоуправления и земств стала организация медицинской помощи раненым воинам. С одной стороны, формировались специальные медицинские подразделения для отправки на фронт (первый лазарет, рассчитанный на 200 коек, был отправлен 12 сентября 1914 г.), с другой стороны, организовывались лазареты в городах Крыма.

Мобилизация на полуострове также проходила организованно и активно, в ней приняли участие представители всех этносов, проживавших в Крыму. Так, из призывников Таврической губернии была сформирована 13-я пехотная дивизия VII армейского корпуса, вошедшая в состав 8-й армии генерала А. А. Брусилова и начавшая свой боевой путь в ходе Галич-Львовской операции в августе 1914 г. Особо следует отметить, что Крымский конный полк, на 80 % состоявший из крымских татар, принимал участие в военных действиях с сентября 1914 г., отлично зарекомендовал себя и был представлен к награждению Георгиевским штандартом и Георгиевскими трубами.

Многие исследователи отмечают, что национальные части и в конце 1917 г. продемонстрировали большую стойкость к антивоенной пропаганде [2, с. 93]. В полной мере это относится к Крымскому конному полку, который практически не поддавался влиянию разношерстных политических агитаторов. Его офицеры и солдаты оставались верны присяге и подчинялись приказам только военного командования. Это был единственный полк среди полков русской кавалерии, которому довелось вернуться с полей Первой мировой войны в свои казармы мирного времени [3].

В течение первого полугодия войны на мобилизационные пункты пришли около 2500 крымских немцев. Им пришлось воевать под пристальным вниманием командиров и товарищей, но к 1917 г. не было зафиксировано ни одного факта предательства с их стороны. Добровольцами отправились на фронт представители малочисленных народов Крыма, в частности, в войне приняли участие около 500 кадровых офицеров и 200 солдат караимского происхождения.

Осенью 1914 г. Крым был объявлен прифронтовой зоной в связи с вступлением в войну Османской империи и обстрелами турецкой военной эскадрой крымских прибрежных городов. Тем не менее, мусульманское население Крыма единодушно выступило с поддержкой российского правительства и императора Николая II. В массовых манифестациях 1914 г. участвовали и крымские татары: «они с неподдельным энтузиазмом выражали преданность России. Особенно это чувство у татар достигло своего апогея, когда все узнали о предательском нападении Турции, под немецким влиянием, на беззащитные приморские города Крыма, в которых население также отчасти татарское. Они пришли в негодование от такой гнусности родного им по вере государства и выразили свой протест в устроенных по губернии манифестациях, участниками которых были исключительно татары. Одна из таких манифестаций имела место в Симферополе, где число манифестантов достигало нескольких тысяч человек» [6, с. 47].

Крымское духовенство вышло с ходатайством об открытии лазарета, который должен был содержаться за счет доходов с движимого и недвижимого имущества духовных учреждений. Под предводительством Сайде Ханум Муфти-заде был создан комитет для сбора пожертвований тёплыми вещами в пользу российских военнослужащих [1, с. 53]. В конце 1914 г., после побед над турками на Кавказ-

ском фронте, мусульманское духовенство провело торжественный молебен в Симферопольской соборной мечети. Молитва была совершена Таврическим муфтием во главе многочисленного магометанского духовенства, при участии мурз и представителей татарского населения губернии, в присутствии Таврического губернатора и других должностных лиц. После совершения молебна все присутствовавшие сделали общий фотографический снимок «на память потомству». Об этом событии была послана телеграмма губернатора на имя Императора и получен ответ с выражением высочайшей благодарности: «Передайте магометанскому духовенству и представителям татарского населения Таврической губернии Мою благодарность за молитвы, ценю их преданность Престолу и России и беззаветную службу Крымского Ея Величества полка» [6, с. 53].

Аналогичной татарскому была реакция немецкого населения полуострова. За время работы Губернского комитета по оказанию помощи больным и раненым воинам крымскими немцами было пожертвовано около 12 тысяч рублей. Помощь немцев фронту не сводилась к перечислению денежных средств; население также передавало вещи, продукты и проч. Например, колония Нейман пожертвовала 200 тысяч пудов пшеничной муки для армии, а меннониты колонии Спат перемолотили хлеб и засеяли поля, обрабатываемые членами семей мобилизованных крестьян. В лютеранских и католических церквях, в молитвенных домах меннонитов с началом войны и на протяжении 1914 г. проходили молебны о здравии Императора и всего царствующего дома, а также о даровании победы русской армии. Например, 26-го октября 1914 г. в кирхе г. Феодосии был отслужен молебен о даровании побед русскому оружию, на котором присутствовали солдаты-лютеране [5].

Данные архивных источников, прежде всего по линии Министерства Внутренних дел (рапорты уездных исправников и начальников жандармских управлений в августе 1914 г.), свидетельствуют о спокойном настроении инородческого населения в политическом отношении и полной готовности пожертвовать всем на благо Отечества: «с момента объявления мобилизации все население губернии, как один человек, забыв, кажется, всякие личные национальные и партийные счеты, объединились для выполнения каждым своего гражданского долга по отношению родины» [4, л. 183]. Ситуация в корне не изменилась и через несколько месяцев. В декабре 1914 г. Пере-

копский уездный исправник докладывает, что «немецкое население держится крайне осторожно, замкнуто и видимо не проявляет симпатий к Германии, пожертвования в пользу раненных и больных воинов и вообще нужд армии они делают охотно и больше других национальностей» [4, л. 266].

Несмотря на это, в столичных городах России с началом войны развернулась кампания по борьбе с «немецким засильем». В июле 1914 г. началась высылка иностранцев, подданных воюющих с Россией государств – германских и австрийских, росло недоверие во властных структурах и обществе к немцам, гражданам России. При этом мы не знаем данных о массовых случаях предательства и нелояльности немецкого населения Крыма, имевших русское подданство не в одном уже поколении.

Нужно отметить, что в Крыму далеко не все поддались антинемецким настроениям. Об этом свидетельствуют многочисленные публикации в газете «Южные ведомости». Авторы, будучи представителями других национальностей, выступили против ликвидации немецкого землевладения на полуострове и называли их последствия «губительными» для экономического состояния региона. На совещании земских гласных Таврической губернии и предводителей дворянства в Симферополе 25 октября 1914 г. было принято решение о формировании делегации в Петроград, уполномоченной ходатайствовать о смягчении и изменении мер, предполагаемых в законопроектах в отношении немецкого населения империи.

Таким образом, в 1914 г. в Крыму многонациональное население выступило с искренней поддержкой российского правительства в разразившемся военном конфликте. Никакие различия, ни этнические, ни конфессиональные, не стали препятствием для объединения всех сил для борьбы с внешним врагом. К сожалению, дальнейшая политика российского правительства не способствовала сохранению межнационального согласия на протяжении всего периода войны.

Литература

1. Абдуллин Х. М. Воинская служба крымских татар в Российской империи // Военно-исторический журнал. – 2007. – № 1. – С. 49-54. – Режим доступа: URL: <http://www.regiment.ru/Lib/C/14.htm>

2. Айрапетов О. Р. Участие России в Первой мировой войне (1914-1917): 1914. Начало. – М.: Кучково поле, 2014. – 640 с.

3. Андронов Е. Последний бой «эскадронцев» // Military Крым. – Режим доступа: http://warinform.com/?page_id=4979

4. ГАРК. – Ф. 26. – Оп. 3. – Д. 882.

5. Лаптев Ю. Н. Немцы Крыма в годы Первой мировой войны. – Режим доступа: URL: <http://ccssu.crimea.ua/crimea/etno/articles/nemvoin/>

6. Памятная книжка Таврической губернии за 1916 год. – Режим доступа: URL: <http://book-old.ru/BookLibrary/42001-Pam-kn-Tavrisheskoy-gub/1916.-Pamyatnaya-knizhka-Tavrisheskoy-gubernii-na-1916-god.html>

7. Юдин Н. В. Патриотический подъём в начале Первой мировой войны: конструктивистский ракурс // Вестник МГИМО. – 2014. – №4 (37). – Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/patrioticheskiy-podem-v-nachale-pervoy-mirovoy-voyny>.

T. A. Gogunskaya

RESPONSE OF THE MULTI-ETHNIC POPULATION OF THE CRIMEA TO THE BEGINNING OF THE FIRST WORLD WAR

***Abstract.** Interethnic concord in the Crimea at the present stage is built on the basis of current historical traditions. For instance little-known and undeservedly forgotten example is the period of the beginning of the First World War and the reaction of the multi-ethnic population of the Crimea to the crisis that occurred. Archival sources indicate a public consensus in Crimea on the issue of the war at its outset. No differences, neither ethnic nor religious, have become an obstacle to the alliance of all forces in order fight the external enemy.*

***Keywords:** The First World War, nations of the Crimea, 1914.*

В. В. Демидович

КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ КАК ОДИН ИЗ ВИДОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРЫМСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Аннотация. В статье рассматриваются возможности культурно-образовательной деятельности на современном этапе развития музейной педагогики в форме действующих в музее культурно-образовательных программ, и, в частности, способы реализации и воплощения на практике одной из них в Крымском этнографическом музее.

Ключевые слова: музейная педагогика, культурно-образовательная программа, коммуникация, системно-деятельностный подход

Культурно-образовательная деятельность современных музеев опирается на достижения музейной педагогики. На основе разработок в этой сфере строятся и воплощаются на практике культурно-образовательные программы, которые успешно действуют в музейной среде. Целью таких программ, прежде всего, является создание такого коммуникативного пространства, которое обеспечило бы удачное сотрудничество музейных педагогов, педагогов образовательных учреждений, руководителей творческих объединений и педагогов дополнительного образования [1]. Таким образом, музейное пространство размыкает свои границы, выходит за пределы «музейного здания» и открывает возможность взаимодействия с системой образования на всех его ступенях, от дошкольного возраста до студенчества. Создание таких программ выводит на новый уровень культурно-образовательную роль музея, открывает новые возможности приобщения аудитории к музею и его культуре, делает такое приобщение не случайным, а системным, что особенно важно в работе с детьми [5].

ГБУ РК «Крымский этнографический музей» как один из ведущих культурно-просветительских и научных учреждений Крыма ищет новые формы коммуникации с разными группами населения, в

том числе и с детской аудиторией. В связи с этим деятельность музея предполагает привлечение детской и подростковой аудитории, формирование у подрастающего поколения интереса к музейному пространству и музейной среде. Важную роль при этом играет культурно-образовательная деятельность музея.

В современном образовании на каждой из его ступеней активно внедряется системно-деятельностный подход обучения. Такой подход предполагает, что учащийся самостоятельно, в результате творческой активности, овладевает определёнными знаниями [3]. Возрастает при этом роль музея и, в частности, культурно-образовательных программ, которые вполне отвечают главным требованиям и идеям системно-деятельностного подхода, таким как воспитание гармоничной личности, формирование гражданской идентичности, развитие самостоятельных исследовательских способностей учащихся [2].

С целью приобщения детей к искусству, развития их творческих способностей в 2001 г. была разработана и утверждена единая региональная программа «Симферополь – культурная столица» по художественно-эстетическому воспитанию детей и молодежи, которая стала результатом сотрудничества общеобразовательных учреждений и учреждений культуры Крыма. Программа стала совместным проектом Министерства культуры и искусств Республики Крым, управления образования Симферопольского городского совета, Городского методического центра, Крымского театра кукол, Крымской государственной филармонии, Симферопольского художественного музея, Крымского этнографического музея. В рамках данной программы ГБУ РК «Крымский этнографический музей» ежегодно посещают учащиеся школ Симферополя и Симферопольского района, профтехучилищ и высших учебных заведений.

В настоящее время успешно реализуется разработанная ГБУ РК «Крымский этнографический музей» программа «Музейный сундучок», предназначенная для работы с детьми разных возрастов. Принимая участие в мероприятиях этой программы дети знакомятся с традициями, религией и бытом народов Крыма. Сотрудники в игровой форме рассказывают детям о различных бытовых предметах. Программа позволяет не только теоретически, но и на практике приобщиться к культуре народов Крыма. Каждое мероприятие включает

мастер-классы по изготовлению народных игрушек или сувениров, народные игры, выступление фольклорных коллективов.

Целью программы «Музейный сундучок» является ознакомление аудитории музея с традициями, бытом, культурой народов Крыма, воспитание патриотизма через популяризацию традиций, обычаев, устоев крымских этносов, воспитание уважительного отношения к традиционным ценностям всех крымских народов.

Структура этой программы включает несколько разделов, каждый из которых направлен на формирование интереса к этнической истории Крыма, воспитание патриотизма, создание условий для творческой самореализации детей. Каждый из разделов программы представляет собой тематический план культурно-образовательного мероприятия, которое может быть проведено, как в музее, так и на базе образовательного учреждения. Мероприятия могут включать такие формы работы как экскурсия, мастер-класс, презентация и др. Музейные сотрудники проводят разнообразные этнографические мероприятия, такие как «Традиции чаепития», «Народная игрушка», «Традиции и праздники народов Крыма», «Музейный сундучок», «Крымский первоцвет» и др.

Подробнее о некоторых культурно-образовательных мероприятиях, проводимых Крымским этнографическим музеем. Культурно-образовательная программа включает следующие направления: «Крым – наш общий дом», «Традиции чаепития», «Народная игрушка», «Праздники народов Крыма», «Гуляй, Масленица!». В рамках перечисленных направлений, в свою очередь, проводятся отдельные тематические мероприятия.

Одно из направлений программы получило название «Крым – наш общий дом». В рамках этого направления проводится такое мероприятие, как «Знакомьтесь, КЭМ!». Это ознакомительное мероприятие, где ребята узнают о культуре и обычаях крымских народов. Оно состоит из экскурсии по основной экспозиции музея «Мозаика культур Крыма» или мультимедийной презентации. После теоретической части, ребята переходят к интерактивной составляющей, где непосредственно знакомятся с предметами, которые бытовали у крымских народов. Детям предлагают решить загадки, ответами на которые являются предметы из «музейного сундучка». По желанию, можно опробовать отгаданный предмет в действии. Например, погладить холст ткани старинным деревянным утюгом, пронести ведро

с водой при помощи коромысла, ближе ознакомится с механизмом действия некоторых предметов и т.д. Завершают мероприятие народные игры. Это болгарская игра «Хорошая хозяйка», крымскотатарская игра «Хромая ворона», русские народные игры «Золотые ворота», «Самовар» и др. Кроме того, раздел «Крым – наш общий дом» включает мероприятия, приуроченные к государственным праздникам и важным историческим событиям: Дню флага и герба, Конституции России и Крыма, Дню крещения Руси и др. Здесь ребята знакомятся с историей праздника посредством презентации. Также в зависимости от тематики предлагаются различные мастер-классы: изготовление вертушек в цветах российского флага, ангела из ткани и т.п.

Направление «Традиции чаепития» включает два мероприятия: «Традиции чаепития» и культурно-образовательное мероприятие «У самовара». Оба мероприятия начинаются с обзорной экскурсии в музее «Русский самовар», которая знакомит с традициями чаепития разных народов и сословий населения России, а также с историей русского самовара. Мастер-класс «Традиции чаепития» состоит из изготовления картонной коробочки в виде заварочного чайника, которую украшают рисунком. Практическая (интерактивная) часть мероприятия «У самовара» проходит во внутреннем дворе музея, где ребята наглядно знакомятся с устройством и механизмом работы жарового самовара. Под руководством сотрудников музея участвуют в розжиге самовара. Кульминацией мероприятия становится чайная церемония, где ребята учатся правильно заваривать чай, а также узнают о правилах этикета во время чаепития.

Направление «Народная игрушка» представлено серией мастер-классов по изготовлению текстильной народной куклы. Каждое из них включает тематическую презентацию, которая знакомит с играми крымских народов и разнообразием народных игрушек. Тематика мастер-класса здесь зависит от возраста детей.

Ещё одно направление, реализуемое в рамках программы «Музейный сундучок» – «Праздники народов Крыма». Мероприятия, проводимые в рамках этого направления, связаны с праздниками, которые отмечают разные народы на Крымском полуострове. Например, знакомят с традициями встречи весны у болгар и праздником «Баба Марта» (изготовление атрибута встречи весны – мартениц), с крымскотатарским праздником «Наврез» (изготовление символа

весны – подснежника), пасхальными и рождественскими традициями.

Наиболее давние традиции в КЭМ сложились в праздновании Масленицы. Первое мероприятие было организовано ещё в конце 1990-х гг., в начальный период истории музея, и пользуется неизменной популярностью. В игровой и театрализованной форме ребята знакомятся с обычаями и традициями масленичных гуляний, участвуют в тематических викторинах, подвижных играх и конкурсах, награждаются сладкими призами.

Сегодня образовательная среда активно меняется, совершенствуется подход к обучению, школьное образование отходит от традиционного «урока», где учитель является авторитетом и главным носителем знаний. Музейное мероприятие также не должно строиться по схеме традиционного урока. Необходимо стремиться к разработке и воплощению на практике таких мероприятий, где маленькие посетители музея стали бы не только пассивными участниками, но отчасти его создателями. Первым шагом на пути к этому может быть интерактивная форма проведения занятий, ставшая возможной, благодаря обновлению детского этнографического центра в КЭМ [1, 4].

Программа «Музейный сундучок» ГБУ РК «Крымский этнографический музей» открыта для преобразования и совершенствования. Дальнейшее развитие в этой сфере должно быть направлено на внедрение новых форм познавательной деятельности и методов обучения.

Литература

1. Ботякова О. А. Музей этнографического профиля в контексте образования и культуры России: диссертация кандидата культурологии: 24.00.03 / науч. рук. Е. Г. Соколов; СПбГУ. – СПб, 2006. – 239 с.
2. Васильева Т. Е. Музейная педагогика как средство формирования духовно-нравственных ценностей / Т. Е. Васильева, О. Г. Панченко // Воспитание школьников. – 2011. – №4. – С. 37-41.
3. Озерова Д. Е. Культурно-образовательная деятельность музеев в России и за рубежом: методические указания. – Ярославль: ЯрГУ, 2011. – 48 с.
4. Столяров, Б. А. Теория и практика образовательной деятельности Художественного музея: автореферат диссертации доктора педагогических наук: 13.00.01 / Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб, 1999. – 43 с.

5. Троянская С. Л. Музейная педагогика и ее образовательные возможности в развитии общекультурной компетентности: учебное пособие. – Ижевск: Научная книга, 2007. – 139 с.

V. V. Demidovich

CULTURAL AND EDUCATIONAL PROGRAMS AS ONE OF THE ACTIVITIES OF THE CRIMEAN ETHNOGRAPHIC MUSEUM

Abstract: *The article examines the possibilities of cultural and educational activities at the present stage of the development of museum pedagogy in the form of cultural and educational programs operating in the museum, and, in particular, the ways of implementing and implementing one of them in the Crimean Ethnographic Museum.*

Keywords: *museum pedagogy, cultural and educational program, communication, system-activity approach.*

С. М. Джемилева

**ДУМБЕЛЕК – СТАРИННЫЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ
ИНСТРУМЕНТ КРЫМСКИХ ТАТАР
(ИЗ КОЛЛЕКЦИИ ГБУ РК «КРЫМСКОТАТАРСКИЙ
МУЗЕЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ»)**

Аннотация. Думбелек является ударным музыкальным инструментом в виде двух горшков разных размеров, на рабочих сторонах которых натянута мембрана: на большом из воловьей кожи, на меньшем – из козьей кожи. Дно корпуса сосудов полое, по краю они переплетены кожей и перетянуты с помощью перекрещивающихся ремешков, соединяющих их с мембраной. Звук извлекается с помощью выточенных из дерева палочек. Сопровождая человека на протяжении всей жизни, музыкальные инструменты наглядно демонстрируют многогранное наследие крымскотатарского народа.

Ключевые слова: музей, крымские татары, думбелек.

В духовной культуре каждого народа важное значение играет музыка, сопровождающая человека на протяжении всей его жизни. Традиционные праздники, обряды, свадьбы и другие важные события невозможно представить без музыкального сопровождения, которое исполнялось на национальных инструментах. В свою очередь, музыкальные инструменты сыграли существенную роль в становлении и формировании самобытной культуры крымскотатарского народа. Таким образом, они являются важными свидетельствами материальной и духовной культуры народа. Их широкое бытование доказывает существование богатой, самобытной культуры крымских татар, сформировавшейся и развивающейся на протяжении многих веков.

В собрании коллекции ГБУ РК «Крымскотатарский музей культурно-исторического наследия» хранятся музыкальные инструменты – струнные, деревянно-духовые, ударные. Среди них представлены уникальные образцы *сазов*, *даре*, *кемане*, принадлежавшие и изготовленные известными династиями народных музыкантов – *сазы*

Мамута-уста Рефатова, *даре* (бубен) Февзи Аблаева, *давулы* (большой барабан) Идриса Велиева, Амета Батал, Ресуля Халилова. Прежде чем осветить особенности народных инструментов крымских татар, необходимо осуществить краткий экскурс в историю музыки крымских татар.

Общеизвестно, что своего расцвета инструментальная музыка достигает в средние века, что подтверждается сведениями известного путешественника XVII в. Эвлия Челеби: «...Ханы получили право обладания двумя бунчуками, двумя хоругвями и знаменами, а также капеллой, в которой на инструментах любого рода по семь музыкантов играет. В войске их играют, однако, на трубах в стиле труб Афрасияба, еще времена прадедов помнящих, а также на трубах и барабанах таких, какие у Джемшида бывали» [1, с. 108].

Средневековая военно-походная музыка (*мехтер музыкасы*) представляет собой целое направление, в которое также входит музыка военных церемониалов, сопровождавшая войска во время многочисленных военных походов. Тот же Э. Челеби писал: «...Заиграли тогда трубы афрасиябские, после чего хан оставил для обороны замков Ор тысячу стрелков под начальством Нуреддин-султана, как коменданта замка, сам... под звуки бубнов и литавр выступил из Ора в поле во главе сорокатысячного войска» [1, с. 46]. Здесь путешественником упомянуты три вида музыкальных инструментов. Во-первых, трубы афросиябские – большие металлические трубы *карнаи*, которые и сегодня можно услышать в странах Средней Азии. *Карнай* был военным сигнальным инструментом, его звуками созывали на битву, он звучал во время парадных выездов ханов и их военачальников. Во-вторых, «джемшидовы зурны» – персидские *сурнай*, язычковые инструменты, от которых ведет происхождение зурна. Наконец, барабаны и литавры. Под последними понимаются большие литавры с металлическим корпусом и малые парные литавры, разновидность турецкого ударного музыкального инструмента *накаре* или *думбелек*.

В Крымском ханстве должны были быть известны и тарелки, которые называются *зиль*, и разновидность *бунчука* – жезл с колокольчиками, которые также входили в военный оркестр *местерхане*, наряду с трубой (*бору*), цилиндрическим барабаном (*давул*), малыми парными литаврами (*думбелек*). В Османской империи число музыкантов в *местерхане* было показателем статуса его владельца. Известны три со-

става *местерхане*: по шесть (*алти катли*), по семь (*еди катли*) и по восемь (*докуз катлы*) исполнителей на каждом виде инструментов. Эвлия Челеби указывал, что крымский хан получил право держать военный оркестр «в семь рядов»: «...а также капеллой, в которой на инструментах любого рода по семь музыкантов играет» [1, с. 108].

Традиционный музыкальный инструментарий любой культуры может дать представление об исторических напластованиях, которые имели место на территории ее распространения. Изучая крымскотатарские музыкальные инструменты, известные по литературным источникам и устным описаниям, можно восстановить их место и значение в культуре народа.

В исследовательской работе, опираясь на записки путешественников, отдельно хотелось бы остановиться на творчестве европейских художников XVIII-XIX вв. Одним из них был немецкий художник Вильгельм Кизеветтер (1811-1865), посетивший Крым в 1845-1847 гг. Он оставил серию живописных работ, изображающих жизнь крымских татар, их быт, традиции и обряды: «Празднование свадьбы крымских татар», «Процессия с одеждами невесты на свадьбе у крымских татар» и «Борцовский поединок куреш на татарской свадьбе». В них нашли отражение свадебные обряды крымских татар, народные гуляния, где можно увидеть музыкантов, сопровождающих праздники игрой на музыкальных инструментах. По этим работам можно наглядно судить о внешнем виде и конструктивных особенностях музыкальных инструментов, манере исполнения и составе музыкальных ансамблей. Здесь же можно увидеть музыкантов с музыкальными инструментами и, в частности, музыкантов, сопровождающих свадебные обряды и торжества игрой на думбелеке, что подтверждает его причастность к музыкальной культуре крымских татар.

Думбелек является ударным музыкальным инструментом в виде двух горшков разных размеров, либо в виде большой литавры. На его рабочих сторонах натянута мембрана из натуральной кожи; дно корпуса полое, по краю переплетено кожей и перетянато с помощью перекрещивающихся ремешков, соединяющих их с мембраной. Звук извлекается с помощью выточенных из дерева палочек.

В коллекции Крымскотатарского музея культурно-исторического наследия думбелек представлен двумя видами: парными литаврами и как самостоятельный музыкальный инструмент большого размера.

Эти инструменты были изготовлены мастером музыкальных инструментов, музыкантом, фольклористом Ресулем Халиловым.

Литература

1. Челеби Э. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. – Симферополь: Медиацентр им. Гаспринского, 2016. – 305 с.

S. M. Dzhemileva

DUMBELEK - AN ANCIENT MUSICAL INSTRUMENT OF THE CRIMEAN TATARS (FROM THE COLLECTION OF THE CRIMEAN TATAR MUSEUM OF CULTURAL AND HISTORICAL HERITAGE)

Abstract: *A Dumbbell is a percussion musical instrument in the form of two pots of different sizes, on the working sides of which a membrane is stretched - on the large one made of cowhide, on the smaller one made of goatskin. The bottom of the vessel body is hollow, along the edge they are intertwined with leather and tied with the help of crossing straps connecting them to the membrane. The sound is produced using wood-carved sticks. Accompanying a person throughout his life, musical instruments clearly demonstrate the multifaceted heritage of the Crimean Tatar people.*

Key words: *museum, Crimean Tatars, dumbelek.*

В. А. Дмитриев

КАВКАЗСКИЕ И ПОНТИЙСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В КУЛЬТУРЕ ПРИЧЕРНОМОРСКИХ АДЫГОВ

Аннотация. На примере культуры адыгов Причерноморья выясняется соотношение элементов культуры, присущих кавказскому региону и так называемому понтийскому культурному кругу. Делается вывод, что в условиях Причерноморья понтийские элементы проявляют себя в результате адаптации кавказских элементов.

Ключевые слова: Кавказская цивилизация, Понтийский культурный круг, причерноморские адыги.

Концепты кавказской цивилизации и понтийского культурного круга имеют место в наборе понятий этнографической науки и кавказоведения, хотя и не всеми исследователями признается полномочность их применения. Представляется, что оба концепта являются не сформировавшимися определениями, которыми, тем не менее, пользуются для обозначения своеобразия традиционно-культурных областей (регионов; полиэтнических территорий), изменчивого внутри себя, но постоянного в отношении других территорий. Так, среди характеристик кавказской цивилизации находят место представления об особой оригинальности культуры народов Кавказа, присущей им «кавказскости» [3] или наличия общего культурного кода, интегрирующего проявления общих для народов Кавказа обычаев [4].

Если в концепте кавказской цивилизации древность этнических традиций подразумевается, то в определении понтийского культурного круга она является предпосылкой появления сходных культурных черт на балкано-кавказском пространстве [12].

Уже получил апробацию прием проекции пространства адыгской культуры, как части пространства кавказского культурного круга на участки Черноморского бассейна. Так, уже рассматривалось этнокультурное воздействие адыгского сообщества на участки черноморского побережья [9]. Отмечены характерные для разных эпох факты

появления адыгского населения на северном и южном берегах Черного моря и особые связи адыгов с регионами Крыма, Приазовья, левобережья Днепра, с одной стороны, и Анатолии, с другой стороны.

Представленная картина присутствия адыгского компонента в Черноморском бассейне (северный, восточный и южный берег Черного моря) чрезвычайно близка пространству распространения так называемого понтийского антропологического типа. Этот тип распространен на Западном Кавказе, в Крыму, частично на юге Украины и на побережье Малой Азии [2, с. 125-133].

Ввиду неопределенности кавказского и понтийского концептов, в подходе, обращенном к этнографическим источникам, возможно говорить о компонентах культуры адыгов, принадлежащих к кавказскому кругу памятников, но отличающихся от них своим региональным своеобразием. К пространству Черноморской Шапсугии применение такого приема представляется перспективным.

Черноморская Шапсугия является частью этнической территории западных адыгов, которая располагалась в предгорьях Северо-Западного Кавказа, по побережью Черного моря. В аспекте социальной истории современные причерноморские адыги-шапсуги являются наследниками существовавшего до середины XIX в. союза патристических объединений Ахгутчипсе, объединявшего общности шапсугов и натухаевцев. В российских источниках XIX в. шапсугов и натухаевцев, а также общность абадзехов относили к «демократическим адыгским племенам» (доминанта тфокотльских-крестьянских фамилий), противопоставляя их «аристократическим» племенам (наличие княжеской власти и развернутой феодальной лестницы), к которым принадлежали все остальные адыгские социумы.

В адыгской среде существовало понимание различия между адыгами Прикубанья и Кабарды (что соответствовало названной дефиниции «аристократических племен») и черноморскими адыгами; последних называли низовыми или кяхами, их речь – кяхским диалектом. Также кяхов называли «абазой», указывая на их родство с живущими южнее абазинами, а адыгов Прикубанья и Кабарды называли «адыгэ».

Участие абазинского (южные абазины) компонента в этногенезе ряда адыгских групп показал известный российский этнограф Л. И. Лавров. Согласно его концепции, еще в X-XII вв. южные абазины занимали земли Черноморья на севере до Анапы, и затем далее вплоть

до XVIII в. проходил процесс «очеркешивания» черноморских групп адыгов [8].

Адыги, включая черноморских, являются носителями культуры кавказского типа, демонстрируя по ряду позиций ее наиболее яркие образцы соционормативной и гуманитарной категорий. В то же время абазинский субстрат культуры, ответственный за механизмы природно-хозяйственной адаптации культуры черноморских адыгов, является хранителем понтийских традиций. Заселенное адыгами и родственными им абхазами Черноморское побережье отличается максимальным развитием типа хозяйства так называемой «лесохлебной системы», при которой выращивание зерновых, садовых деревьев и винограда переносится в лес. В лесу также выделяются участки для исполнения ритуалов семейного и общественного циклов и размещается часть усадеб, что стирает границы между внешним природным и внутренним окультуренным пространствами, или превращает все природное окружение в зону хозяйственной деятельности.

Для причерноморских адыгов можно отметить вид прямого использования лесного богатства в практике сбора дикорастущего фундука и выращивании такого же по качеству ореха на приусадебных участках и использования в пищу плодов каштана, а его древесины – для изготовления разнообразной домашней утвари.

Причерноморье, помимо особого развития в его пределах садоводства фруктовых деревьев, может служить примером концентрации качества культурно-хозяйственной традиции, распространенной широко, но, в какой-то части этнического пространства, развитого особо. Так случилось с культивацией проса, традиционного злака адыгских народов, выращиваемого и на равнине, и в горах. Однако, только в Причерноморской Шапсугии было известно особо большое разнообразие сортов проса; при этом целесообразно отметить, что для всего Западного Кавказа было характерно сочетание выращивания крупного (собственно просо) и мелкого (чумиза) просяного зерна. В свете понтийских связей Причерноморской Шапсугии должна быть упомянута также фасоль, выращивание которой на Западном Кавказе имеет гораздо большие масштабы, чем в восточной части кавказского региона [5, с. 92-94, 100-101].

У нас нет существенных сведений о развитии у адыгов шелководства, но для XIX в. известны факты разведения шелкопряда, что выглядит как попытки возрождения традиционного занятия. В XIX в. шелко-

водством не занимались ни адыги Прикубанья, ни соседствующие по побережью абхазы, у которых даже был выработан сакральный запрет на разведение шелковичного червя [10, с. 80]. Шелководство Западного Кавказа можно считать понтийской традицией, учитывая, что зонами его наиболее интенсивного развития являлись два причерноморских участка: Западная Грузия и Северо-Восточная Анатолия, охватывающая как европейскую, так и малоазийскую Фракию [14; 15].

То, что выше было отмечено относительно агрикультуры проса, относится и к такой отрасли традиционного скотоводства, как разведение коз. Данное занятие отмечено в разных местах Кавказа, но как имеющее особое значение, разведение коз соотносилось с лесистыми предгорьями Северо-Западного Кавказа, в том числе черноморского. По традиции черноморские шапсуги разводили только коз, а большинство кубанских адыгов и кабардинцев – овец. Коза на Западном Кавказе была жертвенным животным и участником ряда ритуалов. Местные породы коз восходят к тем, которые были выведены еще в Малой Азии [6, с.49-54].

Конструкция адыгского жилища с плетеными стенами и скатной крышей, скорее всего, является результатом местного регионального развития [7; 11].

Северокавказский тип костюма по форме и функциям регионального типа одежды сложился в адыгской среде и получил распространение на Северном Кавказе и даже шире, фактически став символом кавказской цивилизации. В понтийском круге культур он занял место одной из разновидностей национальных костюмов, уступая по популярности комплексам, где смешивались признаки турецкой, татарской, греческой и армянской одежды. Интересным фактом является присутствие в женском платье народов Крыма и адыгов выступов на боках, очевидно, необходимых в практике ношения металлических поясов. В адыгской черкеске, являвшейся ведущим предметом в мужском костюме, выступления на талии также присутствуют, что позволяет красиво носить пояс с кинжалом и подвесками; их размеры не велики и таковы, чтобы выполнять данную функцию, не привлекая особого внимания. Выступы на женских платьях народов Крыма – просто огромны.

Женская одежда является достаточным примером для иллюстрации взаимовлияния Крыма и Северо-Западного Кавказа. С

одной стороны, влияние Крыма выразилось в распространении у западных адыгов плоскодонных невысоких девичьих шапочек, которые стали называться татарскими. С другой стороны, у адыгов и крымских татар наблюдается несомненная общность в использовании парадной женской обуви котурн на двух высоких перекладинах. Котурны делались из дерева и украшались металлическими пластинками, могли быть также оснащены шумящими подвесками. М. З. Азаматова считает котурны адыгским изобретением [1, с. 2], Е. Н. Студенецкая – крымским [13, с. 111-112]. Но надо отметить, что в качестве банной обуви аналогичные предметы, но значительно ниже, были известны и у армян, а в самом простом виде использовались у абхазов и народов Дагестана женщинами для ходьбы по грязи.

Своеобразие Причерноморья по этнографическим данным является результатом экологической адаптации, но также возможно предположить, что ранее существовали какие-то культурные формы, больше указывающие на понтийские особенности, в том числе относящиеся к сфере этнокультурной идеологии. Из них можно упомянуть почитание адыгами божества моря Ахына и ритуальные действия вокруг так называемой «самошествующей коровы Ахына», жертвенного животного, по легенде, самостоятельно доходившего до места заклания. В этом ритуале особо задействованы были отдельные патронимии, в том числе шапсугские Хейшхо, Схабо и Цсбэ. Ритуал является частью общекавказского и даже мирового культа быка, но в той специфичной форме, которая имела место у шапсугов и убыхов между долинами Мзымты и Шахэ, у абхазов и части мегрелов (элемент культа святилища у православного храма в Илори), он известен только в названной части Причерноморского региона.

В результате категории «кавказский» и «понтийский» в культуре причерноморских адыгов имеют разный вес; понтийские компоненты выявляются как адаптированные к местным кавказским условиям.

Литература

1. Азаматова М. З. Адыгейский народный орнамент. – Майкоп: Адыгейское книжное издательство, 1960. – 18 с.
2. Алексеев В. П. Происхождение народов Кавказа: Краниологическое исследование. – М.: Наука, 1974. — 320 с.
3. Арутюнов С. А. Где кончается Кавказ и где начинается истина? // ЭО. – 2013. – №5. – С. 77-80.
4. Кавказский регион: проблемы культурного развития. – Режим доступа: URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/volkov_akt/
5. Калоев Б. А. Земледелие народов Северного Кавказа. – М.: Наука, 1981. – 248 с.
6. Калоев Б. А. Скотоводство народов Северного Кавказа. – М.: Наука, 1993. – 231 с.
7. Лавров Л. И. Формы жилища у народов Северо-Западного Кавказа до середины XVII века // СЭ. – 1951. – № 4. – С. 42-56.
8. Лавров Л. И. К истории бжедугов и жанеевцев // УЗ Адыгейского НИИ. – Краснодар, 1965. – Т. IV. – С. 247-250.
9. Максидов А. А. Исторические и генеалогические связи адыгов с народами Причерноморья: автореферат диссертации... кандидата исторических наук. – Нальчик, 2001. – 25 с.
10. Миллер А. А. Из поездки по Абхазии в 1907 г. // Материалы по этнографии России. – Пг., 1910. – Т. 1. – С. 61-80.
11. Миллер А. А. Черкесские постройки // Материалы по этнографии России. – Пг., 1914. – Т. 2. – С. 57-78.
12. Нейкова Р. Г. Этнокультурные параллели между Поволжьем и Балкано-Кавказским пространством (по материалам фольклорной похоронно-поминальной обрядности) // Известия Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований. – 2011. – Вып. 6 (45). – С. 40-58.
13. Студенецкая Е. Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII-XX вв. – М.: Наука, 1989. – 288 с.
14. Шавров Н. Н. Описание Кавказского шелководства. – Тифлис: Типография канцелярии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1891. – 320 с.
15. Шавров Н. Н. Шелководство и шелковая промышленность в Турции. – Тифлис: Типография К. П. Козловского, 1907. – Ч. I. – 302 с.

CAUCASIAN AND PONTIAN ELEMENTS IN THE CULTURE OF THE BLACK SEA CIRCASSIANS

Abstract. *On the example of the culture of the Circassians of the Black Sea region, is considered the ratio of cultural elements characteristic of the Caucasian and Black Sea regions. It is concluded that in the conditions of the Black Sea region, the Pontic elements manifest themselves as a result of the adaptation of the Caucasian elements.*

Keywords: *Caucasian civilization, Pontic cultural circle, Black Sea Circassians.*

КАРАИМЫ СИМФЕРОПОЛЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: К ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОБЩИНЫ

Аннотация. *Статья посвящена истории караимской общины Симферополя первой половины XIX в. Отдельное внимание уделено вопросам о времени появления караимов в Симферополе и, впервые, причинах переселения караимов из других городов. Работа может быть интересна всем, кто интересуется историей Симферополя и этнической историей Крыма.*

Ключевые слова: *караимы, караимская община, Симферополь.*

Караимы – один из малочисленных старожильческих народов Крыма. По данным переписи 2014 г., в Республике Крым и г. Севастополе проживало 535 караимов. Максимальной же отметки – 13 000 человек, численность караимов в Российской империи достигала в 1914 г. [23, с. 79].

Согласно письменным источникам, на Крымском полуострове караимы появились не позднее конца XIII в. [17, с. 79]. Историческими местами их проживания на полуострове до присоединения Крыма к Российской империи в 1783 г. являлись города Солхат (Старый Крым), Каффа/Кефе (Феодосия), Чуфут-Кале, Мангуп-Кале и Гёзлев (Евпатория). Сведения о проживании караимов в городе Ак-Мечеть, возле которого был основан Симферополь, в нашем распоряжении отсутствуют. По некоторым данным, до XIX в. караимы проживали в селении Таш-Джарган, которое, с известной долей вероятности, можно отождествить с исчезнувшим одноименным селом в юго-западной части современного Симферополя. Однако, полной уверенности в этом нет [16, с. 290].

Отдельные аспекты истории караимов Симферополя были рассмотрены в работах В. Н. Лебедева, Э. И. Лебедевой, Д. А. Прохорова, И. А. Шайтанова и С. И. Шайтанова. Статью В. Н. Лебедева «Караимы в Симферополе» можно отметить как первую публикацию по данной тематике, опубликованную в газете «Крымская

правда» в 1992 г. [24]. Наибольший же вклад в историографию вопроса, безусловно, внёс Д. А. Прохоров, автор сразу нескольких статей, посвященных различным аспектам истории симферопольских караимов.

В настоящей статье будет впервые подробно рассмотрена ранняя история караимской общины Симферополя и причины её возникновения. Впервые введены в научный оборот неизвестные источники. Отдельную благодарность авторы выражают потомку симферопольской караимской семьи Сарибан Павлу Борисовичу Иванову (г. Москва), предоставившему копии газет «Крымский вестник», «Салгир», «Крым» и «Южные ведомости», издававшиеся в Крыму в XIX – начале XX вв. и послужившие дополнительным материалом для данной работы.

Как известно, Симферополь является сравнительно молодым городом, основанным в 1784 г. вблизи татарского города Ак-Мечеть, вскоре после присоединения Крыма к Российской империи. Турецкий путешественник Эвлия Челеби, посетивший Ак-Мечеть в 1667 г., ничего не сообщает о её национальном составе, однако, из его описания можно сделать вывод о том, что в городе в это время проживали исключительно татары, что, скорее всего, соответствовало действительности [38, с. 136-141].

Когда рядом с Ак-Мечетью начали расти улицы нового города, караимы стали селиться в нём не сразу. Со слов немецкого учёного и путешественника Петра Симона Палласа, остановившегося в Ак-Мечети, тогда уже в Симферополе, на зиму 1793-1794 гг., мы знаем, что в городе в это время, кроме татар и русской администрации, проживали также греки и армяне [30, с. 27]. Павел Сумароков, посетивший Ак-Мечеть (так с 1796 по 1802 гг. официально именовался Симферополь) в 1801 г., перечисляя её этнический состав, упоминает русских, татар, греков, армян, немцев, молдаван, евреев и турецко-подданных. Можно предположить, что караимы могли быть в числе 32-х мужчин евреев, проживавших в городе, о которых говорит П. Сумароков, так как путешественники не всегда выделяли караимов из общего числа евреев. Однако это вряд ли применимо к П. Сумарокову, который обычно всё же делал различие между евреями и караимами [35, с. 115]. Английский путешественник Роберт Лайелл в 1825 г. отмечал в Симферополе помимо татарских мечетей одну греческую церковь, одну армянскую, одну католическую и од-

ну синагогу, что также указывает на то, что в это время караимской общины ещё не было в городе. В противном случае синагоги было бы две [39, с. 244].

Одно из первых упоминаний о караимах в Симферополе встречается в сочинении Иосифа-Соломона Моисеевича Луцкого «Иггерет тешуат Йисраэль» («Письмо о спасении Израиля»), посвящённом поездке караимской делегации в Санкт-Петербург в 1827 г. с целью ходатайства об отмене для караимов рекрутского набора. Делегация во главе с евпаторийским 1-й гильдии купцом, будущим Таврическим и Одесским караимским гахамом Симой Соломоновичем Бобовичем (1790-1855) провела в Симферополе три дня, а на второй день после утренней молитвы была приглашена на обед в дом Ильи Арслана (он же Илья Юфудович Арье-Ефет) [25, л. 7]¹. Таким образом, нам становится известно имя одного из первых караимов, проживавших в Симферополе. Илья Арслан упомянут как частное, а не должностное лицо, из чего можно сделать вывод о том, что на тот момент караимской общины как таковой в Симферополе ещё не существовало, но отдельные семьи уже начали селиться в городе. Архивные документы позволяют проследить дальнейшую судьбу Ильи Юфудовича Арслана. В 1849 г. он был избран шаммашем² в евпаторийскую кенасу, затем, в 1859 г., шаммашем в бахчисарайскую кенасу; скончался же в 1869 г. в Бахчисарае в возрасте 84 лет [3, д. 27, л. 3; д. 85, л. 28; д. 150, л. 10].

Местом притяжения для караимских купцов из Чуфут-Кале, Евпатории и Феодосии могли быть учреждённые в Симферополе с 1828 г. две ежегодные (весной и осенью) ярмарки для торговли крымскими фруктами и вином [7, с. 78; 18, с. 114]. Как известно, основным видом деятельности караимов была торговля, как с внутренними губерниями Российской империи, так и заграничная, с Константинополем и Анатолией; многие из них также владели фруктовыми и виноградными садами на полуострове [33, с. 134; 12, с. 266]. В 1835 г. сообщалось, что караимы «*пользуются большим кредитом на ярмарках и сами кредитуют своими товарами*» [6, с. 118]. Помимо ярмарок торговля шла и на симферопольских базарах, которые ежене-

¹ Известен неизданный перевод этого сочинения на русский язык, сделанный Б. Я. Кокенаем в 1962 г. под названием «Освобождение караимов от рекрутчины в 1827 году».

² Шаммаш – служка в кенасе, помощник священнослужителя (газзана).

дельно посещало до 20 и более тысяч человек: «Русские, колонисты близких и отдалённых колоний сталкиваются здесь с Татарами средней полосы, с Татарами гор, Ногайцами, Греками, Караимами, Евреями, Армянами и Цыганами» [10, с. 342]. Отличающиеся «своим коммерческим духом от других обитателей Крымского полуострова» [6, с. 118] караимы приезжали на ярмарки и базары и постепенно стали оседать в административном центре Таврической губернии, основав здесь новую общину.

Одним из первых видных представителей караимской общины Симферополя является севастопольский 1-й гильдии купец Иезекииль Ильич Черкес (Черкес), хотя о нём самом нам практически ничего неизвестно. По имеющимся сведениям, он вёл торговлю бакалейным товаром в Симферополе ещё до Крымской войны [36, с. 51]. В 1871 г. ему принадлежал двухэтажный дом «с комнатами и лавками»; возможно, это сохранившийся до наших дней дом на бывшей Екатерининской улице (ныне ул. Карла Маркса, 5), последним владельцем которого был гласный Симферопольской городской думы Исая Самойлович Черкес [3, д. 3, л. 19; 1, д. 69, л. 14; 34, с. 50]. Отдельные представители семьи Черкес занимали высокое положение в караимском обществе Симферополя с середины XIX до начала XX вв. Известно, что по инициативе Самуила Черкеса в Симферополе в 1878 г. было открыто русско-караимское училище, а он сам, как минимум, с 1871 по 1892 гг. занимал должность почётного блюстителя училища [9, с. 116; 2, д. 2080, л. 15; 11, с. 47].

В истории Симферополя заметную роль сыграл сын Самуила Черкеса – Илья Самойлович Черкес (1866-1905). Во второй половине 1890-х гг. имя И. С. Черкеса не сходило с газетных хроник в связи с открытием им в 1895 г. частной электростанции во дворе дома своего отца на Екатерининской улице [20; 1, д. 2397, л. 1-19]. В течение многих лет И. С. Черкес занимался электроснабжением города, от установки электростанций до продажи электрических чайников. Благодаря ему впервые на центральных улицах Симферополя появилось электрическое освещение [21]. В 1902 г. И. С. Черкес обратился в Городскую управу с просьбой разрешить ему устроить по городским улицам автомобильное сообщение [32]. Семейству Черкес в 1890-х гг. принадлежало имение «Дубки» близ Симферополя [19; 22].

В марте-апреле 1840 г. в Симферополе проживал известный коллекционер древнееврейских рукописей Авраам Самуилович Фиркович (1787-1874), в то время ещё простой караимский учитель из Евпатории. По приглашению Таврического гражданского губернатора М. М. Муромцова А. С. Фиркович занимался переводом найденных им колофонных записей в древнееврейских рукописях. Работал А. С. Фиркович непосредственно в канцелярии губернатора, а жил рядом с кенасой, на квартире, предоставленной ему местной общиной [4, с. 11]. В конце апреля 1840 г. А. С. Фиркович был вынужден переселиться в гостиницу, так как симферопольский габбай (староста) Исаак Мичри планировал расширить помещение кенасы, соединив её с квартирой, где остановился гость из Евпатории [5, с. 14]. Это первое известное упоминание кенасы в Симферополе. Скорее всего, это было простое и небольшое здание, находившееся в собственности караимов.

Все эти сведения мы находим в книге А. С. Фирковича «Авне зиккарон», в которой автор подробно описывает своё пребывание в Симферополе. Так, нам становится известно о существовании в 1840 г. в Симферополе караимской общины с её неотъемлемыми атрибутами: молитвенным домом (кенасой), габбаем (старостой) и шаммашем (служкой в кенасе). На основании уже рассмотренных нами фактов, можно сделать вывод, что формирование караимской общины Симферополя приходится на конец 1820-х – начало 1830-х гг. Одним из первых газзанов (священнослужителей) в Симферополе в 1840-х гг. был выходец из караимской общины Литвы, зять А. С. Фирковича, Г. С. Фиркович (1805-1869/1870) [13, с. 193-194]. Известно, что в 1845 и 1846 гг. газзаном в Симферополе был Самуил Кефели, а в середине 1850-х гг. учителем и газзаном был представитель известной семьи караимских ученых Моисей Мордехаевич Кокизов [3, д. 1, л. 144; д. 1712, л. 2]. С 1856 и по 1870 гг. должность газзана занимал Исаак Иосифович Синани (1833-1890), широко известный среди караимов как автор компилятивного труда по истории караимской религиозной доктрины «История возникновения и развития караимизма», первая часть которой была издана в 1888 г. в Симферополе в типографии М. С. Спири [14, с. 13].

По имеющимся сведениям, в 1842 г. караимское население города насчитывало уже 30 семейств, что, по приблизительным подсчётам, составляло от 150 до 200 человек. Всего же в это время в Херсонской

и Таврической губерниях насчитывалось около 885 караимских семейств [12, с. 265-266]. Однако, в 1853 г., по данным А. И. Маркевича, в Симферополе числилось всего 60 караимов при общей численности населения города в 13 768 человек [27, с. 39; 37, с. 92]. Но уже через пять лет, то есть в 1857 г., согласно достоверному источнику, в городе было 276 караимов (130 мужского пола и 146 женского), из которых иногородних насчитывалось 231 человек (108 мужского пола и 123 женского пола), а местных – всего 45 (22 мужского пола и 23 женского пола) [3, д. 19, л. 46]. Такое большое количество иногородних лиц среди караимов можно объяснить тем, что во время Крымской войны 1853-1856 гг. постоянно проходившее через город большое количество войск привлекло предприимчивых караимских купцов. В это время численность населения Симферополя значительно увеличилась. В городе, насчитывающем в обыкновенное время около 16 000 жителей, во время войны находилось иногда до 60 000 человек, из которых 1/6 часть составляли больные и раненые с мест сражений [29, с. 9]. Кроме того, имеются сведения о караимских беженцах из Евпатории, которых в количестве 180 человек разместил в своём доме и обеспечил самым необходимым Иезекииль Ильич Черкез [3, д. 1712, л. 2]. Он же безвозмездно предоставил свой дом (ныне по ул. Ушинского, 4) под помещения для больных и раненых воинских чинов [15, с. 11; 26, с. 45].

С сентября 1840 г. и как минимум до 1861 г. габбаем (старостой) караимской общины Симферополя был евпаторийский 1-й гильдии купец Бераха Шаббетаевич Койлю, известный своей благотворительностью. К его заслугам следует отнести строительство здания для караимской кенасы на купленной им же земле и появление первой в Симферополе школы-мидраша [3, д. 48, лл. 2, 3, 6, 7]. Впоследствии, в 1896 г., рядом с этой старой кенасой, на земле, купленной у местного купца и табачного фабриканта А.О. Шишмана, будет построено новое здание кенасы, которое сохранилось до наших дней [3, д. 486, л. 3]. Известно, что Б. Ш. Койлю был женат на дочери Иезекии Черкеза, Сарре. Также, как и И. И. Черкез, Б. Ш. Койлю оказывал материальную помощь своим единоверцам и представителям других народов, пострадавших во время Крымской войны, в частности, помогал пленным вернуться домой [3, д. 48, л. 2].

В 1857-1858 гг. братьями Моше и Берахой Койлю в Симферополе впервые была открыта книжная торговля. Хотя ее начинали оба брата,

впоследствии этим делом занимался в основном Моше Койлю, привозивший книги из Санкт-Петербурга и Москвы и продававший их по доступным для симферопольцев ценам [28]. Магазин Б. и М. Койлю работал также и в 1860-е гг. и, по имеющимся сведениям, находился в доме И. С. Черкеса на ул. Полицейской (ныне К. Маркса) [8, с. 248; 31, с. 95].

Таким образом, первое упоминание караимов в Симферополе относится к 1827 г., а формирование общины приходится на 1830-е гг. В первой половине XIX в. караимы Симферополя были крайне малочисленны и еще не играли значительной роли в общественно-экономической жизни города, хотя отдельные семьи уже сумели заявить о себе. Среди них можно отметить Иезекииля Ильича Черкеза (Черкеса) и Бераху Шаббетаевича Койлю. Расцвет и становление караимской общины Симферополя пришелся уже на вторую половину XIX в.

Литература

1. ГАРК. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 69.
2. ГАРК. – Ф. 100. – Оп. 1. – Д. 2080.
3. ГАРК. – Ф. 241. – Оп. 1. – Д. 1, 19, 27, 48, 85, 150, 486, 1712.
4. Авне зиккарон (продолжение, главы 59-69) / пер. с др.-евр. В. А. Ельшевича // Известия Духовного управления караимских религиозных организаций Украины. – 2012. – №5 (14). – С. 10-15.
5. Авне зиккарон (продолжение, главы 70-83) / пер. с др.-евр. В. А. Ельшевича // Известия Духовного управления караимских религиозных организаций Украины. – 2013. – №6 (15). – С. 14-23.
6. Внутренние известия // Коммерческая газета. – 1835. – № 30 (9 марта). – С. 117-119.
7. Волошинов Л. И. Симферополь / Л. И. Волошинов, В. С. Горякина, И. Т. Твердохлебов, Е. Н. Шамко // История городов и сёл Украинской ССР. Крымская область. – К.: Главная редакция УСЭ, 1974. – Т. 12. – С. 76-110.
8. Гопштейн Е. Е. Из старых бумаг. Обрывки записок симферопольского обывателя, современника советской власти и Второй мировой войны. Т. III. 1938-1942 годы. – М.: ДПК Пресс, 2019. – 672 с.
9. Громова Н. Ф. Национальные школы Таврической губернии в XIX веке и проблема внедрения в них русского языка // Гуманитарная парадигма. – 2018. – № 4 (7). – С. 109-119.
10. [Домбровский Ф. М.] Историко-статистическое описание города Симферополя // Новороссийский календарь на 1847 год, издаваемый от Ришельевского лицея. – Одесса, 1846. – С. 337-345.

11. Дьяконов Д. Общий очерк состояния народных училищ Таврической губернии за 1881 год. – Симферополь: Типография Спири, 1882. – 117 с.
12. Евреи-караимы // ЖМНП. – 1843. – Ч. I. – С. 263-284.
13. Ельяшевич Б. С. Караимский биографический словарь (от конца VIII до 1960 г.) // Караимы. Материалы к серии «Народы и культуры» / под ред. М. Н. Губогло, А. И. Кузнецова, Л. И. Миссонова, Ю. Б. Симченко, В. А. Тишкова. – М., 1993. – Вып. XIV. – Кн. 2. – Ч. 2. – 238 с.
14. Ельяшевич В. А., Шайтанов С. И. Лувах газзаним // Известия Духовного управления караимов Республики Крым. – 2017. – № 24 (33). – С. 1-18.
15. ЖМНП. – 1856. – Ч. XVI (январь). – [282] с. разд. паг.
16. Кеппен П. И. Крымский сборник: о древностях южного берега Крыма и гор Таврических. – СПб.: Издательство Императорской Академии наук, 1837. – 409 с.
17. Кизилов М.Б. Крымская Иудея: очерки истории евреев, хазар, караимов и крымчаков в Крыму с античных времен и до наших дней. – Симферополь: Доля, 2011. – 336 с.
18. Краткое статистическое обозрение городов Новороссийского края и Бессарабской области // Новороссийский календарь на 1839 год, издаваемый при Ришельевском лицее. – Одесса, 1838. – С. 112-114.
19. Крым. – 1898. – № 114. – 7 мая.
20. Крымский вестник. – 1895. – № 174. – 12 августа.
21. Крымский вестник. – 1900. – № 243. – 14 сентября.
22. Крымский вестник. – 1906. – № 104. – 13 мая.
23. Куповецкий М. С. Динамика численности и расселения караимов и крымчаков за последние 200 лет // География и культура этнографических групп татар в СССР. – М., 1983. – С. 75-92.
24. Лебедев В. Караимы в Симферополе // Крымская правда. – Симферополь, 1992. – №187 (20652).
25. Луцкий И. -С. М. Иггерет Тешуат Йисраэль (Письмо о Спасении Израиля). – Евпатория, 1833. – 59 л. (на древнееврейском языке).
26. Маркевич А. И. Таврическая губерния во время Крымской войны: по архивным материалам // ИТУАК. – 1905. – №37. – 260 с.
27. Маркевич А. И. Симферополь, его исторические судьбы, старина и недавнее прошлое. – [Симферополь]: Крымизд., 1924. – 113 с.
28. Начало книжной торговли в Симферополе // Одесский вестник. – 1858. – № 11. – 4 октября.
29. Очистка городов, находившихся вне театра войны: Распоряжения частные / Приложения к извлечению из всеподданнейшего отчёта г. министра внутренних дел, за 1856 год // ЖМНП. – 1857. – Часть XXVII (ноябрь). – 1857. – С. 8-12.
30. Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южному наместничеству Русского государства в 1793-1794 годах. – М.: Наука, 1999. – 246 с. – (Серия: Научное Наследство; Т. 27).
31. Прохоров Д. А. И. И. Казас – просветитель караимов и крымских татар // МАИЭТ. – Supplementum, Вып. 7. – Симферополь, 2009. – 248 с.
32. Салгир. – 1902. – № 33. – 9 февраля.
33. Скальковский А. А. Ярманки, или сухопутные рынки Новороссийского края // Журнал Министерства внутренних дел. – 1855. – Апрель. – Ч. XI, отд. III. – С. 77-154.
34. Список чиnam Таврической губернии на 1917 год // Памятная книжка Таврической губернии. – Симферополь, 1917. – С. 3-219.
35. Сумароков П. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. – СПб.: печатано в Императорской типографии, 1803. – Ч. 1. – 226 с.
36. Тимошевский Г. И. Краткий очерк истории Симферополя // Третья учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии. Отчет, составленный по поручению Педагогического Совета Ф. Лашковым. – Симферополь: Типография П. Т. Гордиевского (газ. «Крым»), 1890. – С. 34-59.
37. Указатель достопримечательнейших предметов в городах и местечках Новороссийского края и Бессарабии // Новороссийских календарь на 1854 год, издаваемый от Ришельевского лицея. – Одесса, 1853. – С. 75-96.
38. Челеби Эвлия. Книга путешествия. Крым и сопредельные области (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века) / пер. Е. В. Бахревского. – Симферополь: Доля, 2008. – 272 с.
39. Lyall R. Travels in Russia, the Crimea, the Caucasus, and Georgia. – London, 1825. – 527 p.

V. A. Eliashevich, S. I. Shaitanov

KARAITES OF SIMFEROPOL IN THE FIRST HALF THE 19TH CENTURY: ON THE HISTORY OF THE COMMUNITY

Abstract: *This article is devoted to the history of the Karaite community of Simferopol in the first half of the XIX century. Special mention is given to the issue of the time of the appearance of the Karaites in Simferopol and, for the first time, to the reasons for the resettlement of the Karaites from other cities. The article may be of interest to all those who are interested in the history of Simferopol and the ethnic history of Crimea.*

Keywords: *Karaites, Karaite community, Simferopol.*

Н. В. Кашовская

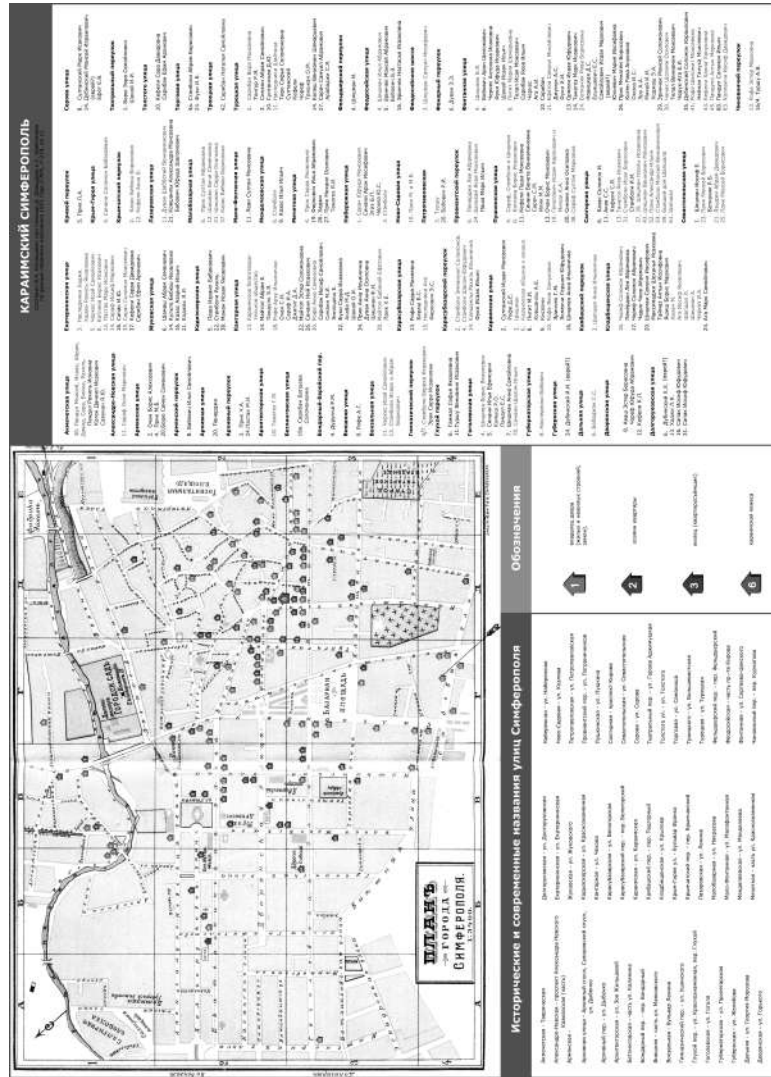
О ФАМИЛЬНОЙ ОНОМАСТИКЕ КАРАИМОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ МУЗЕЙНОЙ ЭПИГРАФИКИ ГМИР)

Аннотация. Ритуальные предметы религиозной практики встраивались в литургию и общую иерархическую структуру культа по степени своей причастности к нему. Их создатели стремились, чтобы предметы культа соответствовали религиозному канону. На примере музейной коллекции ритуальных завес гехалов/алтарей караимских кенас г. Гезлева (Евпатории) с почитательными надписями рассматривается дополнительный вопрос социально-политической истории караимских общин Российской империи: становление фамильной ономастики у членов караимской общины.

Ключевые слова: Симферополь, Евпатория, Гезлев, евреи, караимы, гехал, парохет-завеса, синагога, кенаса.

Среди современных исследовательских направлений по истории, культуре и этнографии караимов, представители которых проживают, в том числе, и в Крыму, сравнительно мало тех, что затрагивали бы обрядовые традиции или историю бытования конкретных вещей [6, с. 182-183; 10, с. 86-95; 11, с. 55-72; 16, с. 185-193]. Ритуальные предметы когда-то были встроены в иерархическую структуру культа; их создатели стремились, чтобы они строго соответствовали религиозному канону, который складывался практикой и даже региональным бытованием в течение веков. Нам сегодня только предстоит приблизиться к пониманию той роли, которую эти предметы играли в культе. Обрядовые предметы, приобретенные от носителей религиозной традиции или их потомков, становятся интересны вдвойне, а с учетом информации, откуда они, кем и как были созданы, кому принадлежали, каким путем попали в коллекции, повышается их значение как исторического артефакта.

Государственный Музей истории религий (ГМИР) г. Санкт-Петербурга почти за 90 лет функционирования собирал свои коллекции, следуя религиозному контексту, как основной культурно-конфессио-

План города Симферополя из путеводителя Бумберга с нанесенными на него условными обозначениями караимских домовладельцев и жильцов и с экспликацией. Составили В. А. Ельяшевич, С. И. Шайтанов, Д. В. Давыдов.

нальной направленности. Постепенно в фондах Музея стала формироваться и караимская коллекция, имеющая в целом крымское происхождение [6, с. 182-183; 10, с. 86-95; 11, с. 55-72]. Её формированию положила небольшая группа предметов, поступившая в 1932 г. в тогда еще Музей истории религии АН СССР из Симферопольского Центрального Антирелигиозного музея Крымской АССР (далее ЦАМ). В Симферопольский ЦАМ, вероятнее всего, они попадали из его крымских филиалов¹. Она представлена различными ритуальными и мемориальными вещами: это предметы молельного облачения и интерьерные ткани кенас², книги, подносные мемориальные блюда и др.

Все предметы музейной караимской коллекции в той или иной мере использовались при совершении религиозных, ритуальных и общественных церемоний, связанных с социальной и повседневной жизнью караимов.

Караимские общины, исторически пребывая много веков на территории Крыма, всегда активно взаимодействовали между собой и раввинистами [7, с. 240-241; 8, с. 15-36; 9, с. 5-25; 10, с. 86-95; 11, с. 55-72; 12, с. 213-233]. Но обрядно-ритуальная повседневная жизнь обозначила расхождение с талмудистами, возрождая «забытую и деформированную культовую практику» [12, с. 150-151; 19, с. 134-140]. Письменные источники свидетельствуют о том, что литургические практики караимов складывались и оформлялись под воздействием окружающих их народов и культур [5; 12, с. 152-172; 21].

¹ По решению Президиума КрымЦИК 5 декабря 1931 г. был учрежден в г. Симферополе Центральный антирелигиозный музей Крымской АССР. Основное назначение музея состояло «во всестороннем изучении религии как одной из идеологических надстроек в ее историческом развитии с целью разоблачения ее как орудия классового угнетения и массовой пропаганде идей воинствующего безбожия». Музейная экспозиция включала следующие основные разделы: наука и религия, происхождение и история религии, история религии народов Крыма, религия как орудие самодержавия, религия в советских условиях. В 1938 г. музей открыл новые филиалы в Севастополе, Ялте, Феодосии, Керчи. В первые месяцы Великой Отечественной войны были предприняты попытки эвакуировать коллекции всех крымских музеев, но к сентябрю 1941 г. выполнить задачу не удалось, и коллекции антирелигиозного музея оказались практически полностью утраченными: Милина Л. Организатор музейного дела // Газета Крымская правда. 28.01.2015 г.

² Кенасса или «бейт кнессет», молельные дома караимов – «дом собрания» (בית הכנסת).

В статье делается акцент на предметах, которые свидетельствуют как о происхождении вещей, так и об их дарителях или владельцах. Среди вещей, переданных Симферопольским Центральным Антирелигиозным музеем, совершенно точно можно говорить о евпаторийском происхождении коллекционных ритуальных завес-парохетов³, что следует из вышитых на них надписей. Караимы чтят традицию особого украшения гехала или ковчега кенасы.

Завесы, специально заказанные в лучших мастерских, приносились в дар общине. Имена дарителей буквально «вплетались» в орнамент. Один из парохетов был подарен общине города «почтенным господином Авраамом, мудрецом, сыном почтенного господина Моше Габая» и женой Акбиче [10, с. 88; 17, с. 45] (Рис. 1). Дарителями второго парохета являлась семья почетных граждан города Евпатории Когенов-Айвазов, а именно, вдова Шломо Коген-Айваза, Рахель, которая заказала завесу в память о своем рано ушедшем сыне Ицхаке (Рис. 2). Представленный ажурной вышивкой на бархатной вставке завесы текст указывает на дарителей и дату изготовления или дарения (1911 г.).

Оба парохета выполнены из фабричных тканей, но умелое аппликативное сочетание различных по цветовой гамме шелковых тканей придает им свою оригинальность. Их объединяют художественные приемы оформления: общая композиция полотна, которое аппликациями делилось на средник и кайму; вышитый текст; парчовые средники с набивными декоративными элементами; тисненый бархат. Приемы оформления, использованные в обработке, отчетливо проступают на многих крымских парохетах и покрывах [10 с. 88; 11, с. 61-63; 16, с. 188-189, 192, 202]. К этим двум примерам можно добавить еще одну завесу из евпаторийской кенасы, которая была зафиксирована на фотографии 1913 г. Н. И. Репниковым (Рис. 3)⁴.

Коген-Айвазы, как можно установить по синагогальным спискам и спискам издательства [20], под двойной фамилией регистрируются

³ Парохет (от евр. глагола «парох» – «отделять» – פָּרַח). В Пятикнижии словом «парохет» названа завеса, отделявшая Святая святых от других частей Скинии и Храма; инвентарные номера парохетов из фонда ГМИР: Е-2381 – VII, Е-2460 – VII, Е-2374 – VII.

⁴ Внутренний вид караимской кенасы. ИИМК // Репников, Н. И. Евпатория, 1913 г. Институт истории материальной культуры им. М. Я. Марра АН СССР. Фотоархив. Инв. 190-5701; Инв. № Императорской Археологической Комиссии: I - 31-96

с 1840-х гг.⁵ На протяжении всего XIX в. и наступившего XX в., евпаторийская семья гевиров Коген-Айвазов была для своих соплеменников-единоверцев одной из самых почитаемых [17, с. 38, 44-45; 20]. Вероятно, юноша Ицках был так назван в честь своего дяди гевира (предводителя общины) Ицхака Коген-Айваза⁶.

Третий парохет был одним из самых богато орнаментированных вышивками, был заказан, как гласит посвятельная вышитая надпись, Моше Тырышканом (Тиришкан) и его сыном Мордехаем (Мерафаэль), в честь и память Якова Белика (Болека) (Рис. 4). Вышитая вязь текста органично включена в общий рисунок завесы. В тексте упоминаются известные в городе лица: купец Моше Тырышкан (Тиришкан) и его сын Мордехай (Мерафаэль), который в 1836 г. стал владельцем Евпаторийской караимской типографии, сменив Янкеля Шмуїловича Финкельмана⁷. Типография вела активную издательскую деятельность, объявляла подписки на издания; рабби Яков Болек (также упомянутый в посвятельном тексте) был одним из активных подписчиков.

Нужно отметить, что идентификация предметов по месту производства и бытования связана как с историей существования караимских общин на территории Крыма, так и социальной и культурной самобытностью этих общин [12, с. 151-172; 17; 22].

В Евпатории (Гезлеве) XIX в., по исследованиям П. Я. Чепуриной [23], еще не существовало артели художественного шитья, были известны лишь семьи мастериц-вышивальщиц из среды крымских татар и караимов, которые владели особенностью вышивки тамбурным

⁵ Подписчики на книгу «Мивхар» Аарона I га-Рофе бен Йосефа с комментариями на неё И.-С. М. «Яшара» Луцкого «Тират Кесеф», 1835, Гёзлэв; Список прихожан г. Евпатории, евпаторийской караимской синагоги (без даты; ГААРК, ф. 241, оп. 1, д. 1892). //http://www.karaims.com/page.php?cod=ru&page=257&node=244&p=306

⁶ Ицхак Коген-Айваз – гевир (гражданский предводитель) караимской общины Евпатории, которым он являлся в 80-90-х гг. XIX в. В одном из внутренних дворов караимской кенасы на противоположной стене двора установлена мраморная плита в честь Соломона Когена (-Айваза), отца юноши Ицхака, основателя первого в Евпатории и Крыму бесплатного ремесленного училища для обучения детей разных национальностей, табачного магната России.

⁷ Неизвестно, когда и по какой причине типография М. Тиришкана прекратила свою деятельность в Евпатории, но еще в 1895 г. типографией объявлялись подписки на издания.

швом, получившей в последствие название караимской. Особенно консервативно художественные мастерские относились к изготовлению парохетов. Наиболее яркие по насыщенности цветных тканей – парчи, бархата, оформленные искусными вышивками с пространственными интересными текстами, несущими историческую информацию, алтарные завесы из караимской кенасы г. Евпатории⁸ являются высокохудожественными образцами местного народного промысла и надежным историческим эпиграфическим источником на ткани.

На примере парохетов-завес можно проследить становление ономастики (фамилий) у членов караимской общины Евпатории. Этот процесс во второй половине XIX в. был естественным ходом развития в различных социальных и этнических обществах Российской империи.

Литература

1. Библия Исх.26: 31-33. – Режим доступа: URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Ex.1&c~i~r>
2. Библия Ос.10-11. – Режим доступа: URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Nos.1&c~i~r> 3. Бейм С. Память о Чуфут-Кале. – Одесса: городская топография Х. Алексомати, 1862. – 82 с.
4. Вихнович В. Л. Караим Авраам Фиркович. Еврейские рукописи. История. Путешествия. СПб.: Академия исследования культуры, 2012, – 368 с.
5. Галеви Иегуда Кузари. – Режим доступа: URL: <https://lechaim.ru/ARHIV/208/halevi.htm>.
6. Гельфман Т. М. Синагогальные ткани в коллекции ГМИР // Проблемы формирования и изучения музейных коллекций Государственного музея истории религии. Сборник научных трудов / отв. ред. В. А. Хршановский. – Л.: ГМИР, 1990. – С. 175-194.
7. Глаголев В. С. Философско-религиозные аспекты в изучении караимов // Религия и культура: Россия. Восток. Запад: сборник статей / ред. Е. А. Торчинова. – СПб.: Издательство СПбГУ, 2003. – С. 240-246.
8. Петрухин В. Я. Евреи на территории Древней Руси. Хазарский каганат // История евреев в России. Учебник / Л. Прайсман и др. – М.: Лехаим, 2005. – С. 5-36.

⁸ В надписи музейного предмета (ГМИР: Е-2381–VII) упомянут город Гёзлэв, который, после присоединения земель бывшего Крымского Ханства к России, в конце XVIII века был переименован в Евпаторию, но по караимской традиции и в XIX - нач. XX вв. продолжали использовать турецко-татарское название города

**ABOUT THE FAMILY ONOMASTICS OF THE KARAITES
(BASED ON THE MATERIALS OF THE MUSEUM
EPIGRAPHY OF THE GMIR)**

Abstract. Ritual objects of religious practice were integrated into the liturgy and the general hierarchical structure of the cult according to the degree of their involvement in it. Their creators sought to ensure that the objects of worship conform to the religious canon. On the example of the Museum's collection of funeral veils *gigalow/altars* Karaite *kenesa* of *Gezlev G. (Evpatoria)* with dedicatory inscriptions is considered an additional issue of socio-political history of the Karaite communities of the Russian Empire: the making of a family of onomastics members of the Karaite community.

Keywords: *Simferopol, Evpatoria, Chersonese, the Jews, Karaites, Gehl, the ark curtains-curtain, synagogue, kenasa.*

Рис. 1. Папохем E-2381-VII.

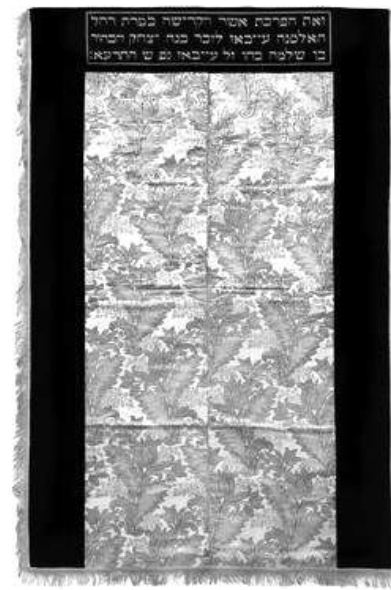

Рис. 2. Папохем E-2374-VII.

9. Кашовская Н. В. Караимская фамильная ономастика (по эпитафиям иудейского некрополя Чуфут-Кале и ритуальной караимской коллекции ГМИР) // Труды Государственного музея истории религии. – 2014. – Вып. 14. – С. 86-95.

10. Кашовская Н. В. Караимская коллекция фондов ГМИР // Труды Государственного музея истории религии. – 2015. – С. 55-72.

11. Кашовская Н. В. Исследователь А. С. Фиркович и его трансформация взглядов на караимскую историю // История религиоведения и интеллектуальная истории России XIX-первой половины XX века. Архивные материалы и исследования / Санкт-Петербургский государственный университет; отв. ред. М. М. Шахнович, Е. А. Терюкова. – СПб.: Издательство СПбГУ, 2018. – С. 213-233.

12. Кизилов М. Б. Крымская Иудея. – Симферополь: Доля, 2011. – 336 с.

13. Кокенай. Б. Караимский краевед. – Режим доступа: URL: http://kale.at.ua/publ/populjarnoe/samye_chitaemye_materialy/strausovye_jajsa_v_kenasa_i_mechetjakh_kryma/6-1-0-94.

14. Кошляков А. Десятидневная поездка на южный берег Крыма. – Одесса: типография Т. Неймана и К°, 1848. – 70 с.

15. Милина Л. Организатор музейного дела // Крымская правда. – 28.01.2015 г.

16. Прохоров Д. А. Музейные коллекции по истории и культуре крымских караимов. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2016. – 320 с.

17. Прохоров Д. А. Золотой век крымских караимов. Караимы в Российской империи в конце XVIII – начало XX века. – Симферополь: Антиква, 2019. – 632 с.

18. Прохоров Д. А. Караимские общины: Биографии, факты, документы. Конец XVIII – начало XX века / Д. А. Прохоров, С. М. Воронков, В. А. Кузин. – Симферополь: Антиква, 2019. – 456 с.

19. Сборник старинных грамот и узаконений Российской империи касательно прав и состояния русско-подданных караимов / сост. З. А. Фиркович. – СПб.: Лештуковская паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1890. – 223 с.

20. Список прихожан г. Евпатории, евпаторийской караимской синагоги (без даты; ГААРК, ф. 241, оп. 1, д. 1892). – Режим доступа: URL: <http://www.karaims.com/page.php?cod=ru&page=257&node=244&p=306>.

21. Три еврейских путешественника XI-XII вв. р. Петахия из Регесбурга, Эльдад Данит, Вениамин из Туделы. – Режим доступа: URL: <http://translatyr.org/librusec/511120>.

22. Тюркские народы Крыма. Караимы. Крымские татары. Крымчаки / отв. ред. С. Я. Козлов, Л. В. Чижова. – М.: Наука, 2003. – 459 с.

23. Чепурина П. Я. Орнаментальное шитье Крыма. – Режим доступа: URL: <https://sheba.spb.ru/za/ornament-kryma-1938.htm>

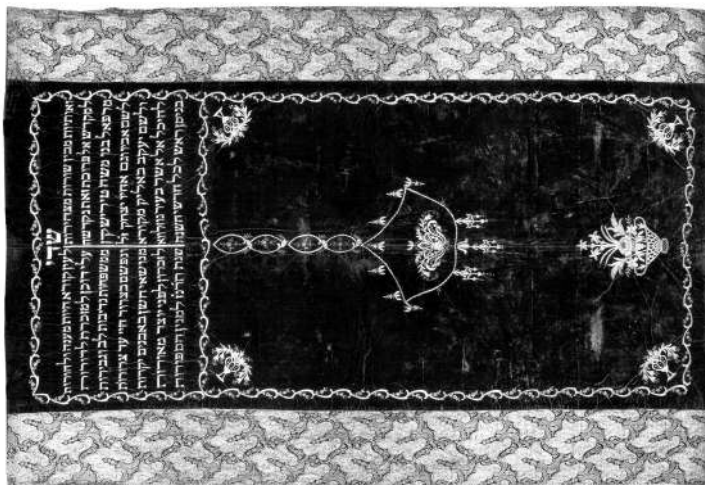

Рис. 4. Парохет Е-2374-VII.

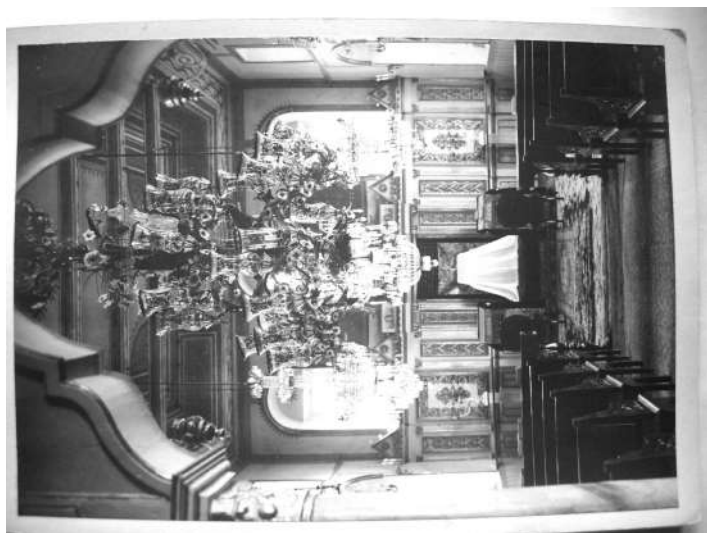

Рис. 3. Фото из архива Н.И. Репникова.

А. Т. Керимова

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ КРЫМСКОТАТАРСКОЙ СВАДЬБЫ

Аннотация. Специального обзора литературы по истории крымскотатарской свадьбе практически не существует. Сведения по этой тематике мы можем собрать благодаря археологическим находкам и запискам путешественников. Большой вклад в изучение данной проблематики внесли отечественные и зарубежные исследователи. Одними из первых описали данный обряд крымских татар Гийом де Рубрук, Эвлия Челеби, Да Лукка Джовани (Жан де Люк), Петр Симон Паллас, Павел Иванович Сумароков и др.

Ключевые слова: свадебный обряд, крымские татары, путешественники, брак.

Обращаясь к характеристике источников, мы вынуждены отметить, что специального обзора литературы, как и специальных исследований по истории крымскотатарской свадьбы, в историографии не существует. Сведения о крымскотатарском свадебном обряде приходится собирать буквально по крупицам, иногда из самых неожиданных источников.

Первое и достаточно подробное описание свадебного обряда крымских татар мы находим у монаха, проезжавшего с дипломатической миссией через Крым в середине XIII в., фламандца Гийома де Рубрука. Затем, уже в XVII в., несколько фраз посвящает данной тематике знаменитый османский путешественник Эвлия Челеби.

Благодаря археологическим находкам и записям путешественников мы можем проследить эволюцию элементов крымскотатарской свадьбы.

На протяжении всей обозримой истории Крымского полуострова происходила активная миграция племен и народов, сменявших друг друга: киммерийцы, скифы, греки, готы, половцы, армяне, гунуэзцы и т.д. Естественно, что такой сложный этнический конгломерат сказался на специфике формирования этносов, представ-

лявших более поздних обитателей полуострова. Пожалуй, в наибольшей мере это относится к крымским татарам, у которых черты, свойственные их предшественникам на полуострове, проявились в хозяйстве и культурных традициях [10, с. 140].

В начале XVII в. побывавший в степном Крыму монах доминиканского ордена Да Лукка Джовани (Жан де Люк) в своём «Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин...» сообщает очень важные для нас сведения о таком свадебном обычае как многоженство среди крымских татар [2, с. 12].

Несомненный интерес представляют наблюдения этнографического характера академика Петра Симона Палласа, особенно для характеристики крымских татар в первые десятилетия после включения Крыма в состав Российской империи. Он писал о постепенном уходе от исламской традиции многоженства [4, с. 389].

Одно из самых первых и полных описаний крымскотатарской свадьбы мы встречаем у сенатора, члена Российской Академии наук Павла Ивановича Сумарокова, который, путешествуя по Крыму в 1799 г., написал двухтомное сочинение «Досуги Крымского судьи» [8].

На яркий и необычный для рядового европейца крымскотатарский свадебный обряд обращали внимание также иностранные авторы. В частности, Мери Холдернесс, которая проживала в Крыму на протяжении четырех лет. Она описала увиденную ею крымскотатарскую свадьбу в с. Карагёз (ныне Кировский район). Путешественница обратила внимание на приготовления невесты к браку, организацию свадебного поезда, свадебные соревнования.

Немецкий путешественник Вильгельм Кизеветтер детально описал свадьбу знатного крымского татарина в г. Бахчисарае, свидетелем которой он был [7, с. 14-15].

Возрастные особенности вступления в брак у крымских татар подробно описывает историк и этнограф Крыма середины XIX в. Василий Христофорович Кондараки в своём сочинении «Универсальное описание Крыма» [11].

К началу XIX в. сведения о крымскотатарской свадьбе становятся гораздо более разнообразными и подробными. Встречаются описания свадебного обряда крымских татар у русского географа и натуралиста, члена-корреспондента Российской Академии наук Густава Раде [3].

Первые научные работы, специально посвящённые описанию крымскотатарской свадьбы, датируются уже первой половиной XIX в. Они были опубликованы, как правило, в периодических изданиях. В частности, статья неизвестного автора, опубликованная в «Одесском вестнике» в 1828 г. В ней мы находим подробности проведения обрядового действия на разных этапах развития свадьбы (предсвадебный договор, дарение подарков, первый и второй день свадьбы и т.д.) [7, с. 11].

Описанию крымскотатарской свадьбы посвящены статьи Франца Домбровского, которые вышли в печать в 1847-1848 гг. на страницах «Одесского вестника». Он описал мужскую гостиную, обряд ловли невесты свахами жениха, ритуал «прижигания» пяток невесты тремя завязанными свечами, её перевоз и послесвадебные встречи невесты с родными жениха [7, с. 11-12].

О браках между родственниками в Золотой Орде и Крымском ханстве оставил сведения русский востоковед-тюрколог Василий Дмитриевич Смирнов в своей монографии «Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в.» [6].

Большой вклад в изучение свадебного обряда крымских татар в первой трети XX в. внес антрополог и археолог Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский. Он провёл полевые исследования в Судакском и Бахчисарайском районах. Наиболее подробное описание крымскотатарской свадьбы сохранилось в его статье «Брачные обряды татар горного Крыма» [1].

В 20-30-е гг. XX в. появляются несколько публикаций, посвящённых крымскотатарскому свадебному обряду и в западноевропейских изданиях. В 1927 г. в Крыму находилась немецкий этнограф, сотрудник Берлинского музея культур народов мира Ната Финдайзен, которая собрала коллекцию крымскотатарских предметов быта и народного искусства, сейчас хранящуюся в фондах музея (ныне – Берлинский музей культур народов Европы) [7, с. 21].

Изучением традиционной обрядности занимался крымскотатарский историк и этнолог Рефат Куртиев. В своих исследованиях автор основывается на полевом этнографическом материале, собранным им лично [7, с. 25].

Что касается изучения свадебных обрядов крымских татар во второй половине XX – начале XXI вв., то здесь, прежде всего, следует отметить работы Елены Владимировны Соболевой [7]. Специальным изучением такого элемента крымскотатарской свадьбы как

свадебный костюм занималась Лидия Игоревна Рославцева [5]. В работе Ягьи Шерфединовой «Очерк свадьбы крымских татар Феодосийского, Керченского, Джанкойского и отчасти Евпаторийского районов» дается детальное описание музыкального сопровождения крымскотатарской свадьбы [9].

Таким образом, изучение обрядности крымскотатарской свадьбы получило освещение в записках путешественников и научных работах отечественных и зарубежных исследователей XIX-XXI вв. Однако, на сегодняшний день отсутствуют какие-либо комплексные исследования этой проблематики.

Литература

1. Бонч-Осмоловский Г. А. Брачные обряды татар горного Крыма // Известия РГО. – 1926. – Т. 58. – Вып. 1. – С. 21-62.
2. Джовани Л. Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин (1663) // Полуостров. – 2003. – 31 октября – 6 ноября. – С. 12-13.
3. Кондараки В. Х. Универсальное описание Крыма. Ч.3. – СПб.: Типография В. Веллинга, 1875. – 110 с.
4. Крымские татары: хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре / авт.-сост. М. А. Араджиони, А. Г. Герцен. – Симферополь: Доля, 2005. – 574 с.
5. Рославцева Л. И. Одежда крымских татар конца XVIII – начала XX в. Историко-этнографическое исследование. – М.: Наука, 2000. – 104 с.
6. Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до нач. XVIII в. – СПб.: Университетская типография, 1887. – 814 с.
7. Соболева О. В. Весілля кримських татар: традиційні форми та трансформації. – Біла Церква: Видавництво Пшонківський О. В., 2015. – 360 с.
8. Сумароков П. И. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 г. – М: Университетская типография, 1800. – 250 с.
9. Шерфединов Я. Звучит хайтарма. – Ташкент: Издательство литературы и искусства им. Г. Гуляма, 1979. – 232 с.
10. Этнография Крыма XIX-XX вв. и современные этнокультурные процессы: сборник статей и материалов к 10-летию Крымского этнографического музея / отв. ред. М. А. Араджиони, Ю. Н. Лаптев. – Симферополь: ЧП «Центр музейных технологий и этнокультурного туризма», 2002. – 441 с.
11. Karakaya A. Konaşma Ğecesi = [Вечерняя беседа] // Emel. – 1962. – № 12. – S. 11-13.

A. T. Kerimova

ON THE HISTORY OF THE STUDYING OF THE CRIMEAN TATAR WEDDING

Abstract. *There is practically no special review of the literature on the Crimean Tatar wedding. We can collect information on this subject thanks to archaeological finds and travel records. A great contribution to the study of this problem has been made by domestic and foreign researchers. Some of the first to describe this rite were: Guillaume de Rubruk, Evliya Chelebi, Da Lucca Giovani (Jean de Luc), Peter Simon Pallas, Pavel Ivanovich Sumarokov and others.*

Keywords: *wedding ceremony, Crimean Tatars, travelers, marriage.*

Н. В. Киселёва

ОЦЕНКА МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ В ОПРОСАХ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Аннотация. В статье приводятся данные массовых социологических опросов, проведенных в Крыму в течение двух лет после возвращения полуострова в состав России. Тематика этих исследований, в частности, касалась оценки межнациональной ситуации представителями различных этнических групп, проживающих на территории Республики Крым.

Ключевые слова: межнациональные отношения, межнациональная ситуация, опрос общественного мнения, Республика Крым.

Крымское общество не гомогенно не только в этническом и религиозном планах, но и в оценочных суждениях представителей разных национальностей и конфессий. Такая дифференциация мнений отмечалась на протяжении 23 лет, когда полуостров находился в составе Украины. С возвращением Крыма в состав России она изменяется, но медленно.

Межнациональная ситуация в Крыму и перспективы развития этнополитических процессов в Республике изучались весной 2015 г. в рамках проекта ИСЭПИ, посвященного анализу этнополитических процессов в Крыму, включавшего в том числе и социологические исследования. Результаты этих исследований зафиксировали отличия в оценках современной ситуации между респондентами из числа разных этнических групп (здесь и далее приводятся данные этого исследования) [4].

Например, респонденты из числа крымских татар и украинцев, несмотря на усилия власти в сфере гармонизации межэтнических отношений в Крыму, более скептически в оценках состояния межнациональных отношений, чем респонденты из числа других на-

циональностей (табл. 1-А, 1-Б). Если среди респондентов, самоидентифицирующих себя как русские, армяне, болгары, греки, немцы и представители других национальностей, доля тех, кто считал состояние межнациональных отношений в Крыму через год после референдума напряжённым или скорее напряжённым, чем нормальным, не превышало 20%, то среди респондентов из числа украинцев этот показатель достигал 22,6%, а крымских татар – 29,2%.

Соответственно аналогичное соотношение отмечается и в удельном весе респондентов, оценивавших состояние межнациональных отношений как нормальное или скорее нормальное, чем напряжённое. Среди представителей большинства проживающих в Крыму национальностей удельный вес позитивных оценок превышал 80%, у респондентов из числа украинцев составлял 76,3%, из числа крымских татар – менее 70% (69,1%).

Таблица 1-А

**Как вы оцениваете нынешнее состояние
межнациональных отношений в Крыму? (в %)**

	Русские		Украинцы		Крымские татары		Армяне	
В целом нормальное	66,5		58,4		47,2		77,3	
Скорее нормальное, чем напряжённое	19,1	85,6	17,9	76,3	21,9	69,1	18,2	95,5
Скорее напряжённое, чем нормальное	6,8	12,5	13,1	22,6	13,5	29,2	0,0	0,0
В целом напряжённое	5,7		9,5		15,7		0,0	
Другое	0,1		0,0		0,0		0,0	
Затруднились ответить	1,8		1,1		1,7		4,5	

Таблица 1-Б

	Болгары		Греки		Немцы		Другие	
В целом нормальное	85,7	100,0	72,7	90,9	50,0	83,3	55,6	80,0
Скорее нормальное, чем напряжённое	14,3		18,2		33,3		24,4	
Скорее напряжённое, чем нормальное	0,0	0,0	9,1	9,1	16,7	16,7	15,6	20,0
В целом напряжённое	0,0		0,0		0,0		4,4	
Другое	0,0		0,0		0,0		0,0	
Затруднились ответить	0,0		0,0		0,0		0,0	

В вопросе динамики состояния межнациональных отношений через год после возвращения Крыма в Россию (табл. 2) доля респондентов, считающих, что состояние ухудшилось у представителей большинства национальностей составляла от 0% (болгары, греки, немцы) до 15,7% (украинцы), в то время как у респондентов из числа крымских татар превышала 20% (20,8%).

Таблица 2

Как, по Вашему мнению, за последний год изменилось в Крыму состояние межнациональных отношений? (в %)

	Русские	Место в рейтинге	Украинцы	Место в рейтинге	Крымские татары	Место в рейтинге
Социально-экономические проблемы	20,6	2	22,3	2	36,5	1
Действия органов власти РК	3,5	6	9,1	5	17,4	4
Действия органов местной (муниципальной) власти	8,5	5	9,5	4	18,5	3

Таблица 2

	Русские	Место в рейтинге	Украинцы	Место в рейтинге	Крымские татары	Место в рейтинге
Правовая безнаказанность отдельных этнических организаций	17,8	3	19,0	6	13,5	5
Провокационное поведение представителей отдельных национальностей	43,0	1	35,0	1	25,8	2
Необоснованные претензии на льготы и привилегии со стороны представителей отдельных национальностей	12,0	4	15,0	3	3,9	6
Другое	5,4		5,1		4,5	
Затруднились ответить	15,8		18,2		36,5	

Перечень факторов, являющихся, по мнению респондентов, источниками межнациональной напряжённости в Крыму, является идентичным, но их иерархия у представителей разных национальностей отличается (табл. 3). Респонденты из числа крымских татар чаще склонны отмечать в качестве таких причин действия органов власти Республики Крым и муниципальной власти, а доля таких ответов у крымских татар значительно превышает аналогичный показатель в ответах русских и украинцев (18,5%, 8,5% и 9,5% соответственно). В то же время респонденты из числа русских и украинцев чаще, чем крымские татары отмечают в качестве источников межнациональной напряженности в Крыму правовую безнаказанность отдельных этнических организаций и провокационное поведение представителей отдельных национальностей (43,0%, 35,0% и 25,8% соответственно). Еще большие отличия зафиксированы в оценке необоснованных претензий на льготы и привилегии со стороны представителей отдельных национальностей. Если среди крымских татар отметили этот источник межнациональной напряжённости в

Крымю только 3,9% респондентов, то среди русских и украинцев второе и четвертое больше (12,0% и 15,0% соответственно).

Следует отметить, что на встрече с представителями национальных общественных объединений Республики Крым Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин подчеркнул, что «любые спекуляции на тему каких бы то ни было особых прав граждан, принадлежащих к той или иной национальности, к тому или иному этносу, в этой связи считаю чрезвычайно опасными» [1].

Таблица 3

Что, по вашему мнению, чаще всего служит источником межнациональной напряженности в Крыму? (в%)

	Русские	Место в рейтинге	Украинцы	Место в рейтинге	Крымские татары	Место в рейтинге
Социально-экономические проблемы	20,6	2	22,3	2	36,5	1
Действия органов власти РК	3,5	6	9,1	5	17,4	4
Действия органов местной (муниципальной) власти	8,5	5	9,5	4	18,5	3
Правовая безнаказанность отдельных этнических организаций	17,8	3	19,0	6	13,5	5
Провокационное поведение представителей отдельных национальностей	43,0	1	35,0	1	25,8	2
Необоснованные претензии на льготы и привилегии со стороны представителей отдельных национальностей	12,0	4	15,0	3	3,9	6
Другое	5,4		5,1		4,5	
Затруднились ответить	15,8		18,2		36,5	

Большее единодушие отмечается во мнениях представителей трёх наиболее многочисленных этнических групп Крыма по поводу ущемления прав. Отрицательные ответы на вопрос: «Как вы думаете, ущемляются ли Ваши права по сравнению с представителями других национальностей?» – преобладают над положительными у респондентов из числа и русских, и украинцев, и крымских татар, хотя соотношение этих ответов отличается (табл. 4). Так, среди крымских татар доля респондентов, отмечающих, что их права по сравнению с другими не ущемляются или «скорее нет, чем да», составляет 69,2%, а доля противоположных ответов составляет 28,6%, то есть почти в 2,5 раза меньше, то у русских аналогичное соотношение ответов составляет 91,7% и 5,4%, а у украинцев – 86,5% и 12,4%.

Таблица 4

Как Вы думаете, ущемляются ли Ваши права по сравнению с представителями других национальностей? (в %)

	Русские	Украинцы	Крымские татары
Да	3,2	9,5	12,9
Скорее да, чем нет	2,2	2,9	15,7
Скорее нет, чем да	4,0	6,2	13,5
Нет	87,7	80,3	55,7
Затруднились ответить	2,9	1,1	2,2
	5,4	12,4	28,6
	91,7	86,5	69,2

Следует отметить, что подавляющее большинство респондентов, представляющих три наиболее многочисленные этнические группы в Крыму и отметивших ущемление их прав по сравнению с представителями других национальностей, на вопрос о личных примерах ущемления прав ответили отрицательно. Так, на вопрос: «Если лично Вы сталкивались с ущемлением Ваших прав, то в каких случаях?» – ответили, что случаев ущемления их прав не было

62,9% респондентов из числа крымских татар, 83,9% украинцев и 90,5% русских.

Удельный вес ответов респондентов, называющих конкретные случаи ущемления своих прав по национальному признаку в большинстве случаев не превышает 5%.

У респондентов из числа крымских татар, отметивших наличие ущемления их прав по сравнению с представителями других национальностей (28,6%), в первую пятерку таких случаев вошли ущемления:

1. При поиске работы, установлении размера заработной платы и определении условий труда – 13,5%;

2. При выделении земельных участков – 12,4%;

3. При обращении в органы региональной и местной власти – 8,4%;

4. В общении с людьми (на улице, с коллегами по работе, по месту жительства, с соседями) – 7,9%;

5. При получении медицинской помощи – 6,7%.

У респондентов из числа украинцев первая пятёрка случаев ущемления прав по национальному признаку выглядит следующим образом:

1. В общении с людьми (на улице, с коллегами по работе, по месту жительства, с соседями) – 5,1%;

2. При поиске работы, установлении размера заработной платы и определении условий труда – 4,0%;

3. При получении гражданства – 3,3%;

4. При выделении земельных участков – 3,3%;

5. При получении медицинской помощи – 2,9%.

У респондентов из числа русских первая пятёрка случаев ущемления прав по национальному признаку выглядит по-иному:

1. При выделении земельных участков – 2,8%;

2. При поиске работы, установлении размера заработной платы и определении условий труда – 1,9%;

3. При получении медицинской помощи – 1,2%;

4. При обращении в органы региональной и местной власти – 1,2%;

5. При обращении в правоохранительные органы (суд, прокуратуру, полицию) – 1,0%;

Если лично Вы сталкивались с ущемлением Ваших прав, то в каких случаях? (%)

	Русские	Украинцы	Крымские татары
При поиске работы, установлении размера заработной платы, определении условий труда	1,9	4,0	13,5
При получении медицинской помощи	1,2	2,9	6,7
При контактах с представителями органов правопорядка (полиции)	0,5	1,1	2,2
При обращении в правоохранительные органы (суд, прокуратуру, полицию)	1,0	2,2	4,5
При обращении в органы региональной и местной власти	1,2	2,2	8,4
В общении с людьми (на улице, с коллегами по работе, по месту жительства, с соседями)	0,9	5,1	7,9
При получении образования	0,6	0,7	2,2
При получении, приобретении жилья	0,9	2,2	3,4
При получении гражданства	0,6	3,3	4,5
При попытке открыть свой бизнес	0,7	1,1	1,1
При выделении земельных участков	2,8	3,3	12,4
Случаев ущемления прав не было	90,5	83,9	62,9
Другое	0,9	1,8	1,7

Примечание: допускалось до 3-х вариантов ответа

Ответы респондентов на вопрос, возможны ли в Крыму в ближайшее время межнациональные конфликты (табл. 6), распределились следующим образом. Положительные ответы (возможны и, скорее, да, чем нет) отметили 28,6% респондентов из числа крымских татар. Доля украинцев, выбравших аналогичные ответы, составляла 23,3%, доля русских – 16,8%.

Таблица 6

**По вашему мнению, в ближайшее время в Крыму
возможны межнациональные конфликты?**

	Русские		Украинцы		Крымские татары	
Возможны	11,4	16,8	14,2	23,3	14,6	28,6
Скорее да, чем нет	5,4		9,1		14,0	
Скорее нет, чем да	22,9	79,4	24,8	71,6	33,1	67,5
Не возможны	56,5		46,8		34,4	
З/о	3,8		5,1		3,9	

Через два года после возвращения Крыма в состав России оценка межнациональных отношений представителями разных этнических групп, проживающих на территории полуострова, нашла отражение в социологическом исследовании, проведенном в рамках проекта «Этническая и этнополитическая карта Крыма» специалистами Института этнологии и антропологии РАН. Результаты опроса по-прежнему зафиксировали различия в оценочных суждениях респондентов разных национальностей (здесь и далее приводятся данные этого исследования) [2].

Так, например, на вопрос: «Как Вы оцениваете отношения между национальностями в Вашем населенном пункте – как спокойные или как напряженные?» – мнения респондентов из числа крымских татар разделились поровну (42,5% оценили межнациональные отношения как спокойные и столько же – как напряженные). Соотношение аналогичных оценок среди украинцев составило 69,84% и 20,63% соответственно, среди русских – 78,74% и 10,51% соответственно (табл. 7).

Таблица 7

**Как Вы оцениваете отношения между национальностями в
Вашем населенном пункте – как спокойные или
как напряженные? (в %)**

	русские	украинцы	крымские татары
отношения спокойные	78,74	69,84	42,50
отношения напряженные	10,51	20,63	42,50
другой ответ	3,27	3,17	1,25
затрудняюсь ответить	7,48	6,35	13,75

Более кардинальные различия отмечаются в оценке респондентами динамики в отношениях между национальностями (табл. 8). Только 6,25% респондентов из числа крымских татар ответили, что за последний год межнациональные отношения улучшились, 37,5% считают, что ухудшились. Об улучшении межнациональных отношений заявили 7,94% респондентов из числа украинцев, об ухудшении – 23,81%. Среди русских доля респондентов, считающих, что межнациональные отношения улучшились составила 17,29%, об ухудшении сказали только 8,88%.

Таблица 8

**Вопрос об отношениях между национальностями в Вашем
населенном пункте. Скажите, за последний год эти отношения
ухудшились или они улучшились,
или не изменились? (в %)**

	русские	украинцы	крымские татары
ухудшились	8,88	23,81	37,50
улучшились	17,29	7,94	6,25
не изменились	62,38	60,32	48,75
затрудняюсь ответить	11,45	7,94	7,50

К сожалению, корректного сравнения результатов двух социологических исследований мы не можем сделать, так как в первом проекте опросы проводились во всех административно-территориальных единицах Республики Крым, а во втором – только в Симферополе и Симферопольском районе. Если учесть, что на территории городского округа Симферополь и Симферопольского района проживают 27,7% от всей численности населения Республики Крым [3], а этническая структура этих муниципалитетов соотносится с общей этнической структурой региона, то, сравнение результатов двух исследований представляют научный и общественно-политический интерес и все-таки свидетельствует о сохранении определенных тенденций в оценочных суждениях о межнациональных отношениях в Крыму представителями разных национальностей, проживающими на территории Республики Крым.

Литература

1. Встреча с представителями национальных общественных объединений Крыма – Режим доступа: URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50140>.

2. Зорин В. Ю., Старченко Р. А., Степанов В. В. Гражданская идентичность и межэтнические отношения в Крыму. Полевая этностатистика. – М.: Летний сад, 2016. – 110 с.

3. Перепись населения в Крымском федеральном округе со 100% охватом населения 2014 г. – Режим доступа: URL: <https://crimea.gks.ru/folder/28296>.

4. Этнополитические процессы в Крыму: исторический опыт, современные проблемы и перспективы их решения / Киселёва Н. В., Мальгин А. В., Петров В. П., Форманчук А. А. – Симферополь: Салта, 2015. – 352 с.

N. V. Kiseleva

ASSESSMENT OF INTERETHNIC RELATIONS IN THE REPUBLIC OF CRIMEA IN PUBLIC OPINION POLLS

Abstract. *The article provides data from mass opinion polls that were conducted in Crimea within two years after the return of the peninsula to Russia. The topics of these studies concerned the assessment of the interethnic situation by representatives of various ethnic groups living on the territory of the Republic of Crimea.*

Keywords: *interethnic relations, interethnic situation, public opinion polls, Republic of Crimea.*

Г. Н. Кондратюк

КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ В ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА В КРЫМСКОЙ АССР (20-30-Е ГОДЫ XX ВЕКА)

Аннотация. *В статье анализируются основные аспекты национальной политики в отношении крымских татар в межвоенный период в Крымской АССР. Политика коренизации в Крыму получила официальный термин татаризация. Татаризация включала административный, экономический, культурный, образовательный компоненты. Были образованы крымскотатарские сельские советы, национальные районы, активно осуществлялась подготовка советских служащих через курсовые мероприятия. Важную роль в процессах практической реализации национальной политики сыграло Крымобл-татбюро.*

Ключевые слова: *Крымская АССР, коренизация, татаризация, крымские татары.*

В условиях Гражданской войны в России национально-государственное устройство стало одним из важнейших пунктов в программах противоборствующих сторон. Большевиками была предложена программа решения наиболее насущных вопросов различных народов бывшей Российской империи. Основные теоретические положения РКП(б) нашли воплощение в советском национально-государственном строительстве, в частности в Поволжье. Татаро-башкирская автономия стала одной из первых в РСФСР. Этот опыт был использован в последующем в Крыму. Целый ряд государственных деятелей, таких как М. Султан-Галиев, Мухитдинов, С. Х. Саид-Галиев, работали в Крыму, занимая высокие посты в руководстве республикой.

Национальная проблематика получила реализацию с первых же дней установления Советской власти в Крыму в ноябре 1920 г. Период Гражданской войны в Крыму характеризовался активной на-

ционально-политической деятельностью. Функционировал целый ряд партий, построенных по этническому критерию, отображавшие, прежде всего, интересы крестьянства. В Крыму такой крымскотатарской партией являлась партия Милли Фирка. Эти политические силы в начале 1920-х гг. сохранили свое влияние. Они ставили перед большевиками наиболее насущные национальные проблемы, способствуя регулированию межнациональных отношений.

Небольшевистские политические силы заявляли о своём стремлении к совместной работе с новой властью. Помимо партии Милли Фирка с установлением Советской власти попыталась восстановить свою работу и другая политическая организация. 18 декабря 1920 г. в Севастопольский революционный комитет было отправлено сообщение следующего содержания: «Севастопольская Мусульманская Демократическая Организация существовавшая в 1919 году при Советской власти и с приходом Белой армии прекратившая свою работу, теперь с 14 ноября возобновила организационную работу» [5, л. 20]. Однако, большевики сразу же попытались подавить любые другие альтернативные политические силы. Руководители Милли-Фирка обратились в Областной комитет РКП(б) с просьбой, разрешить работу в Крыму. Надежды представителей ЦК Милли Фирка на легальное существование не оправдались. 30 ноября 1920 г. на заседании бюро Областного комитета РКП(б) обсуждался вопрос о партии Милли Фирка. В постановлении фиксировалось: «Одобрить Резолюцию, отвергающую соглашение с группой в целом, как с вредным и ненужным пережитком. Начать кампанию против «Милли Фирка» устной и письменной агитацией» [4, л. 10]. Пропаганда должна была дискредитировать Милли Фирка в глазах широких масс населения и, соответственно, представить крымских коммунистов безальтернативной силой. Указанная ситуация показывает, что инициатива в области национальной политики исходила теперь только от большевиков, добившихся государственной власти.

В апреле 1923 г. на XII съезде РКП(б) национальная политика получила доктринальное оформление и название коренизации. Одной из отличительных особенностей коренизации стал ее региональный характер. Руководство партии определяло комплекс практических мероприятий, их характер в зависимости от потребностей конкретного народа. Поэтому в партийных документах встречаются

официальные термины «белоруссизация», «украинизация», «татаризация».

В национальной политике 1920-х гг. по отношению к крымскотатарскому народу можно выделить несколько важных компонентов. Во-первых, это административные преобразования в форме создания национальных районов, сельских советов и квотирования. Во-вторых, стремление создать национальный крымскотатарский пролетариат путём коренизации в промышленности. В-третьих, это земельная реформа, на практике ставшая самой сложной в реализации. Одним из важнейших направлений стали преобразования в области культуры и образования.

Фундаментальная роль в коренизации принадлежала формированию Крымской Советской Социалистической республики и привлечение крымских татар в советские органы власти и управления. Вопрос создания республики, принципов её формирования, активно обсуждался в крымской партийной организации с начала 1921 г. Острая дискуссия по данному вопросу развернулась на заседании Президиума Крымского ревкома 6 июля 1921 г. В постановлении по итогам дискуссии отмечалось: «Признать целесообразным и желательным вовлечение в Соваппараты татарского населения для чего: В тех районах и селениях где большинство населения татары в Сель и Райревкомы желательно назначать на должности Предуревкомов татар коммунистов» [6, л. 87].

Большевистская власть стремилась наладить диалог с крымскотатарским населением, который был возможен только тогда, когда она не расценивалась как чуждая. Партийные и советские работники должны были быть людьми той же национальности, что и большинство населения региона. Необходимо отметить, что руководство крымской организации РКП(б) в подборе кадров работников было вынуждено мириться с непролетарским происхождением. Передовица «Просмотр партии в Крыму» печатного органа большевиков констатировала: «Коммунисты татары в большинстве или мелкобуржуазного происхождения, или интеллигенты. Значительная часть их недавние националисты, ставшие коммунистами лишь после тяжёлого опыта, в котором они убедились, что освобождение угнетённых национальностей невозможно без коммунистической революции. Многие из них ещё не отряхнули ветхого Адама мелкобуржуазного национализма» [17, с. 4].

В первой половине 1920-х гг. привлечение крымских татар в партию и органы власти происходило крайне сложно. Руководители крымской партийной организации постоянно сетовали на недостаток кадров. Большевистская доктрина была рассчитана на городской пролетариат крупных промышленных предприятий. Но такового в Крыму было очень мало. Значительная доля рабочих трудилась на мелких и полукустарных предприятиях. Поэтому на полуострове нужно было получить не социальную, а этническую поддержку.

Партийную организацию Крымской АССР характеризовала острая межфракционная борьба между группами коммунистов крымских татар. Условно они именовались «правыми» и «левыми». Их отличал возраст, регион происхождения, различное понимание стратегии национальной политики. «Левые» были представлены молодежью, вышедшей из рядов комсомола, сторонниками более быстрых и радикальных мероприятий в области национальной политики. Борьба проявлялась на совещаниях и партконференциях, в различном наполнении резолюций по их итогам.

С целью обсуждения практических мероприятий политики коренизации руководство Крымского обкома РКП(б) проводило периодические совещания. 16 сентября 1924 года состоялось закрытое заседание Президиума Крымского ОК РКП(б) совместно с членами и кандидатами ОК и ОКК крымскими татарами. На обсуждение была вынесена тема «Национальный вопрос в Крыму (влияние и уклоны)». Выступивший секретарь обкома Носов отметил, что «в худших условиях находится татнациональность. Татар в партии в Крыму по удельному весу мало...Здесь у нас татарского пролетариата нет и в этот момент очень трудно руководить массой» [7, л. 177]. Участники совещания отмечали, что в парторганизации между коммунистами крымскими татарами существует дискуссия о сущности национальной политики. Так, председатель ЦИК Крымской АССР Вели Ибраимов отмечал, что «создалось положение, теперь мы видим подполье» [7, л. 178]. Национальная проблематика трактовалась в контексте коммунистической революции и диктатуры пролетариата. Один из активных коммунистов Осман Бекиров указывал, что «мелкобуржуазная стихия оказывает своё влияние на членов партии татар. У нас пролетарского ядра нет. Никто не может похвалиться своим происхождением – или торговец, или сын муллы...Мы являемся сознательными руководителя-

ми пролетарской Революции и в таком духе должны подойти ко всем слоям населения» [7, л. 179].

Практические мероприятия национальной политики обсуждались и на специальных совещаниях коммунистов крымских татар. 7 июля 1924 г. в Симферополе состоялось Совещание крымскотатарских партийных работников города. По итогам работы был принят документ «Практические предложения по работе среди татар Крымской ССР». В нём был намечен комплекс партийных мероприятий по реализации политики коренизации. Ставилась задача обратить особое внимание на землеустроительные работы в крымскотатарских районах при землеустройстве, учесть количество и провести организацию батраков. Важным направлением являлась пропагандистская работа и ставилась задача сделать газету «Новый мир» массовой и популярной среди крымскотатарского крестьянства. Особое внимание должно было быть уделено созыву и проведению беспартийных крымскотатарских конференций. На этих конференциях осуществлялся диалог власти с крестьянством, выяснялись политические настроения различных слоёв крымских татар. Но важнейшими заданиями, определёнными документом, были вовлечение крымских татар в партию и аппарат государственной власти и управления: «Принимая во внимание наличие в значительной степени татнаселения и отсутствие в партийных и советских аппаратах татработников, принять срочные меры к татаризации в достаточной мере партийного и советского аппарата» [7, л. 123].

Процесс государственного строительства требует времени, обладает определённой инерционностью. Процесс коренизации органов власти и управления происходил медленно. Одним из важнейших сдерживающих факторов являлось отсутствие квалифицированных работников. Курсовая форма подготовки стала важнейшим источником пополнения штатов. Так, в 1925 г. на областных курсах по подготовке «низового татактива» обучалось 116 человек, курсах по подготовке председателей и секретарей сельских советов 130 человек, подготовке секретарей народных судов 12 человек и переподготовки комсомольских работников 70 [10, л. 42].

Усилия по организации и проведению курсовых мероприятий, а также квотирование в народных комиссариатах, принесли свои результаты. К 1926 г. в составе сельских советов из 2080 человек крымских татар насчитывалось 806 или 39,9%. Из 143 председателей

сельских советов крымских татар было 54 или 40%. В составе членов районных исполнительных комитетов крымские татары составляли 20%. Из 75 человек, избранных в состав ЦИК Крымской АССР, крымских татар было 30 или порядка 40% [9, л. 43]. Значительно медленнее происходило пополнение партийной организации. На 1 января 1925 года в РКП(б) было 236 коммунистов крымских татар или 4,6% общего числа парторганизации. К 1 октября их число возросло до 440 человек и составило 7,1% парторганизации [9, л. 44].

Одним из органов, принявшим активное участие в реализации политики коренизации стала специально созданная Национальная комиссия при ОК РКП(б). 13 октября состоялось её первое заседание. Возглавил комиссию секретарь Крымского обкома Петропавловский, а членом Президиума являлся Мурат Мамут-Недим. На первом заседании с отчётом о проделанной работе выступил Усеин Балич, занимавший пост Уполномоченного по охране прав и интересов национальных меньшинств при Президиуме ЦИК Крымской АССР [11, л. 11].

Важным направлением национальной политики стало создание крымскотатарских сельских советов. Сельсовет являлся низовым звеном советской власти и фактически персонифицировал власть в глазах населения. В 1926 г. был начат процесс, получивший название разукрупнение сельских советов. Сельские советы должны были обслуживать меньшее количество сельских жителей и формировались по национальному критерию. До начала этой программы в Крымской АССР насчитывался 51 крымскотатарский сельский совет, а в декабре 1926 г. уже 145 крымскотатарских сельских советов. Планировалось довести их число до 184 [12, л. 86]. Власть стремилась говорить с крестьянами в буквальном смысле слова на их родном языке, поэтому работа сельских советов осуществлялась на крымско-татарском языке. Это обстоятельство расценивалось как чрезвычайно важный ориентир коренизации: «делопроизводство на родном языке в разукрупнённых сельсоветах, судопроизводство на том же языке, возможно и бухгалтерия во всех общественных учреждениях данного сельсовета – элементы культурного роста» [12, л. 70].

Итоги работы по коренизации в области советского строительства были оценены позитивно руководством Крымского обкома ВКП(б). В партийном документе констатировалось: «Интерес татарского населения к работе советов и их секций выше всех других националь-

ностей. Большим сдвигом по пути улучшения работы татарских с/советов будет полный перевод их делопроизводства на национальный язык и снабжение с/советов законодательным и руководящим материалом на национальном языке... Перевод делопроизводства на татарский язык вызвал большое сочувствие среди татарского населения... Всего на татарский язык переведено 55 сельсоветов, в том числе 37 полностью и 18 частично» [12, л. 98].

Позитивным аспектом политики коренизации стало изменение статуса крымскотатарского языка и расширение сферы его применения. Как в Конституции Крымской ССР, так и в работе Постоянной комиссии по татаризации, учреждённой при ЦИК и СНК Крымской АССР, языковому вопросу уделялось значительное внимание. При СНК автономии была создана Коллегия переводчиков, которая осуществляла работу по переводу и изданию всех декретов и законов на крымскотатарский язык, оформлению и изданию законодательных сборников. 25 июля 1929 г. СНК Крымской АССР был принят декрет о ведении документации на крымскотатарском языке в госучреждениях и общественных организациях в районах, городах с большим количеством крымских татар. Для реализации декрета были установлены весьма сжатые сроки [2, с. 1]. Крымскотатарский язык активно внедрялся не только в верхних эшелонах власти. В докладе «Обзор работы по нацстроительству Крымской АССР», подготовленному в декабре 1926 г. отмечалось, что «при райисполкомах учреждены должности переводчиков и законом о реализации работы по татаризации предусмотрен обязательный приём всех заявлений на татарском языке. Отменены также все существовавшие ранее ограничения татарского языка при подаче телеграмм, разговоров по прямому проводу. Наркоматам и Центральным учреждениям предложено иметь в своих штатах лиц, владеющих татарским языком» [12, л. 83].

Одним из важных элементов коренизации стало создание национальных районов. 15 декабря 1930 г. за подписью Председателя ЦИК Крымской АССР Кубаева, увидело свет постановление о новом административном устройстве полуострова. Целый ряд районов стал национальными. Национальными крымскотатарскими районами являлись Бахчисарайский, Судакский, Балаклавский, Ялтинский и Алуштинский [3, с. 9]. Таким образом, выстраивалась вертикаль власти, от сельского совета до уровня района по национальному критерию.

Вторым важнейшим направлением коренизации стало привлечение крымских татар в работу промышленных предприятий. Политический компонент коренизации в промышленности был приоритетным. Доктринальным положением являлось формирование национального крымскотатарского пролетариата. Большевицкая идеология была ориентирована на городских промышленных рабочих. Но по социальному составу крымские татары являлись крестьянами, главные интересы которых находились в области проведения аграрной реформы. В обзоре «Работа парторганизации по коренизации партийного, советского, профессионального и кооперативного аппарата» отмечалось, что «одной из конкретных задач практического проведения национальной политики является вовлечение татар в промышленность, создание некоторой прослойки татарского пролетариата» [13, л. 61]. 1 марта 1929 г. было опубликовано постановление ЦИК Крымской АССР о коренизации в промышленности. В постановлении отмечалось, что «советская власть взяла решительный курс на насаждение промышленности у источников сырья и на создание кадров пролетариата из коренных национальностей окраин, как необходимая важнейшая мера по укреплению социальной базы советов». В документе ставилась задача по четырём группам промышленности увеличить процент коренизации с 5,9% до 22,7% или в абсолютных цифрах с 1092 работников крымских татар в 1927/28 г. до 6668 в 1932/33 гг. [18, с. 15]. Третья сессия ЦИК Крымской АССР, проходившая 18 февраля 1932 г., в постановлении «О контрольных цифрах народного хозяйства Крымской АССР на 1932 год» отметила, что в 1929 г. в промышленности насчитывалось 610 работников крымских татар, в 1930 г. 1912, а в 1932 г. уже 6394 человек [15, л. 3].

Коренизация в промышленности не ограничивалась привлечением на производство дополнительных рабочих, а должна была реализовать политические задачи. В ноябре 1929 г. в автономии работала комиссия под руководством Досова, проверявшая выполнение директив Президиума ВЦИК. В выводах по обследованию фиксировалось: «Коренизация в промышленности – это вопрос огромной политической важности, это вопрос расширения и углубления пролетарского влияния на мелкобуржуазную татарскую деревню, где ещё сильно влияние духовенства, кулачества и прочих антисоветских элементов» [1, с. 27]. Привлечение

крымских татар на промышленные предприятия требовало времени, организационных усилий и главного обучения с целью получения определённой квалификации. В «Обзоре формирования национального пролетариата в Крыму» признавалось, что «темпы вовлечения татар в промышленность не могут быть признаны удовлетворительными. Удельный вес рабочих коренной национальности по всей государственной промышленности равняется 10,5%. Особенно мал процент по союзной промышленности 8,1%» [16, л. 169].

Третьим направлением национальной политики в Крыму являлась аграрная реформа. По своему социальному составу крымские татары являлись крестьянами. Согласно данным Всесоюзной переписи 18-23 декабря 1926 г. в Крымской АССР проживало 179094 крымских татар. Из них сельских жителей 143752, а горожан только 35342 [13, л. 40]. Поэтому перераспределение земельных ресурсов затрагивало интересы значительной части крымских татар. Земельная реформа, как часть национальной политики, предполагала проведение внутриселенного и межселенного землеустройства. Внутриселенное означало, что в пределах небольшого радиуса упорядочивается пользование земельными участками. Межселенное землеустройство предполагало выселение части крымских татар из Южного берега в степные районы. Переселиться должны были те крестьяне, у которых земельный надел был значительно меньше нормы наделения, и изыскать возможности его увеличения не было. Однако у земельной реформы был и специфический компонент. Аграрная реформа предполагала выделение земли для реэмигрантов крымских татар из-за рубежа. В октябре 1925 г. в ЦИК Крымской АССР обратилась инициативная группа с просьбой разрешить создание Общества по реэмиграции и расселению крымских татар «ОРК» (Коч-Ярдыми). В уставе общества две генеральные задачи определялись как «Всячески помогать татарам-эмигрантам и их потомкам, обратно переселяющимся в Крым как при самом возвращении их на родину, так и при дальнейшем устройстве их на местах; содействовать расселению малоземельных и безземельных татар» [8, л. 96].

Вопрос о реэмиграции крымских татар и выделении для них земельных участков обсуждался на заседании Президиума ЦИК Крымской АССР 29 января 1925 г. Докладчиком по вопросу был

народный комиссар юстиции Решид Ногаев. По итогам обсуждения вопроса было принято постановление, в котором указывалось: «возбудить ходатайство перед ЦИК СССР о разрешении въезда в Крым татар эмигрантов из Болгарии и Румынии, в первую очередь в количестве 20000 душ...удовлетворить полностью из имеющегося в Крыму запасного земельного фонда в первую очередь реэмигрантов татар, забронировав за ними необходимое количество земли для первой партии в количестве 100000 десятин» [14, л. 181].

Народный комиссариат земледелия автономии до 1926 г. проводил, в основном, внутриселенное землеустройство. Оно должно было устранить чересполосицу, создать более благоприятные условия для ведения хозяйства земельными обществами. С 1926 г. НКЗ Крымской АССР начал расселять крестьян из аграрноперенаселённых южных регионов полуострова сначала в пределах одного района, а при недостатке фондов ГЗИ, в степную часть. Предполагалось переселить 9534 хозяйства. Из общего количества 5478 хозяйств из горных селений, жителями которых являлись крымские татары. 3056 хозяйств должны были составить безземельные и малоземельные крестьяне. Третью группу составляли реэмигранты крымские татары. Однако, планы по возвращению на родину, так и остались на бумаге. К 1928 г. изменилась внутривнутриполитическая ситуация и в аграрной сфере были определены новые приоритеты.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что национальная политика межвоенного периода стала комплексом мероприятий, затрагивавшим все сферы жизни крымскотатарского народа. Создание Крымской АССР и принятие Конституции автономии открыло широкие возможности для политики коренизации. В Конституции, утверждённой I Всекрымским съездом советов, крымскотатарский язык был объявлен государственным, и провозглашалось о необходимости проведения земельной реформы. Крымские татары были вовлечены в процесс государственного строительства, деятельность органов власти и управления. Существенно возросли возможности получения образования молодёжью. Был создан целый ряд национальных учебных заведений, например, Тотайко-йский педагогический техникум, Техникум южных спецкультур. В рамках коренизации активно осуществлялась издательская де-

ятельность. Система профессионально-технического образования готовила квалифицированные инженерно-технические кадры для коренизации в промышленности. Аграрная реформа избавила от безземелья и малоземелья значительную часть крестьян крымских татар. 1920-е гг. можно в целом оценить, как позитивный и результативный ход коренизации.

С середины 1930-х гг. коренизация стала носить формально бюрократический характер. Её итоговой датой можно считать 1938 г., когда репрессии перечеркнули накопленные положительные достижения.

Литература

1. Бюллетень ЦИК и СНК Крымской АССР. – 1929. – 15 декабря (№ 4).
2. Бюллетень ЦИК и СНК Крымской АССР. – 1930. – 21 июля (№45).
3. Бюллетень ЦИК и СНК Крымской АССР. – 1930. – 26 декабря (№ 75).
4. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). – Ф. П. 1. – Оп. 1. – Д. 23.
5. ГАРК. – Ф. П. 1. – Оп. 1. – Д. 43.
6. ГАРК. – Ф. П. 1. – Оп. 1. – Д. 104.
7. ГАРК. – Ф. П. 1 – Оп. 1. – Д. 320.
8. ГАРК. – Ф. П. 1 – Оп. 1. – Д. 382.
9. ГАРК. – Ф. П. 1 – Оп. 1. – Д. 388.
10. ГАРК. – Ф. П. 1 – Оп. 1. – Д. 426.
11. ГАРК. – Ф. П. 1 – Оп. 1. – Д. 435.
12. ГАРК. – Ф. П. 1 – Оп. 1. – Д. 547.
13. ГАРК. – Ф. П. 1 – Оп. 1. – Д. 636.
14. ГАРК. – Ф. Р-137. – Оп. 1. – Д. 99.
15. ГАРК. – Ф. Р. 663. – Оп. 4. – Д. 884.
16. ГАРК. – Ф. Р. 663. – Оп. 5. – Д. 329.
17. Известия Крымского ОК РКП(б). – 1921. – 12 сентября (№4).
18. Собрание Узаконений и Распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства Крымской АССР. – 1929. – 1 апреля (№2-3).

G. N. Kondratyuk

**CRIMEAN TATARS IN THE ETHNIC PROCESSES OF
THE INTERWAR PERIOD IN THE CRIMEAN ASSR
(20TH AND 30S OF THE XX CENTURY)**

Abstract. The article analyzes the main aspects of the national policy towards Crimean Tatars in the interwar period in the Crimean ASSR. The policy of rooting in Crimea received the official term Tatarization. Tatarization included administrative, economic, cultural and educational components. Crimean Tatar village councils and national districts were formed and Soviet employees were actively trained through course activities. The Crimean State Bureau played an important role in the processes of practical implementation of national policy.

Keywords: Crimean ASSR, rooting, Tatarization, Crimean Tatars.

Д. В. Конкин

**ПРОБЛЕМА НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ
КРЫМСКИХ ТАТАР В КОНТЕКСТЕ РАБОТЫ
ТАВРИЧЕСКОГО КОМИТЕТА (1819 ГОД)**

Аннотация. Проблема налогообложения крымских татар долгое время оставалась важной темой дискуссии российских чиновников. В 1819 г., под влиянием личных впечатлений после посещения Крыма, Александр I учреждает в Санкт-Петербурге Таврический комитет, одной из главных задач которого стала разработка адаптированной системы налогообложения для крымскотатарских крестьян. Подготовленный проект налогообложения не был утвержден официально, но многие положения из него были учтены в последующих законах.

Ключевые слова: Российская империя, Крым, крымские татары, Александр I, Таврический комитет, налоги.

С момента присоединения Крыма к Российской империи самая значительная категория крымскотатарского населения – крестьяне, долгое время оставалась вне унифицированной системы налогообложения, выплачивая только земские и местные сборы. Вопрос налогообложения крымских татар являлся дискуссионным. Важной частью аргументации противников введения унифицированных повинностей в Крыму оставалось особое отношение мусульман к подушной подати, которая считалась среди последних неприемлемой. Именно на эти обстоятельства обращали внимание члены «Комитета для разбора дел до Таврической губернии относящихся» (далее – Таврический Комитет), учрежденного в 1819 г. в Санкт-Петербурге.

Таврический Комитет был сформирован по личной инициативе императора Александра I. Министр внутренних дел Российской империи граф В. П. Кочубей в письме от 7 декабря 1819 г. к назначенному председателем Комитета К. И. Габлицу (известному естествоиспытателю, опытному чиновнику, автору первого научного описания Крыма) отмечал: «Государь император, обращая особое внимание на

жалобы принесенные Его Императорскому Величию от татар обитающих в Таврической губернии, о притеснениях им чинимым по владению земель и на другие дела по сей губернии возникшие... признать изволили за благо составить для разбора сих дел Особенный Комитет из Вашего Превосходительства и гг. действительных статских советников Лавинского и Штера...» [9, л. 1]¹.

Жалобы Александр I получил непосредственно от самих крымских татар во время своего путешествия по Крыму в мае 1818 г. Наиболее приближенный в это время к императору сановник А. А. Аракчеев, сопровождавший его в поездке по Крыму, сообщал, «что Государь Император, во проезд свой из Симферополя в Керчь и обратно, при случае принятия упомянутых просьб изволил лично слышать приносимые татарами словесные их жалобы наиболее на притеснение со стороны помещиков и других лиц, на недостаток земель, и, наконец, на бедное их состояние» [2, л. 2–2 об.]. Причем Александр I намеренно во время поездки отказался от сопровождения местных начальников, включая херсонского генерал-губернатора А. Ф. Ланжерона, опасаясь, по-видимому, что они могут исказить реальное состояние дел в Крыму [5, с. 90].

Всего во время путешествия по Восточному Крыму императору были переданы 90 обращений: 41 на русском языке, 49 – на татарском. Аракчеев был вынужден даже остаться в Симферополе для скорейшего их разбирательства, координируя и ускоряя работу действовавшей здесь Следственной Комиссии [4, с. 367]. Но и во время дальнейшего путешествия императора по Южному берегу Крыма жалобы и обращения со стороны татар продолжали поступать. Так, по сообщению флигель-адъютанта императора А. И. Михайловского-Данилевского, в Байдарской долине государя ожидала «самая плачевная» встреча. «Все население Байдар, числом более двух тысяч человек, стояло на дороге со слезами и воплями, жалуясь на притеснения помещика своего, адмирала Н. С. Мордвинова, слывшего за величайшего филантропа и приобретшего себе в России необыкновенную славу мнениями, которые он подавал в Государственном Совете» [13, с. 103; 5, с. 100]. Пораженный количеством жалоб

¹ А. С. Лавинский (действующий Таврический гражданский губернатор, с марта 1817 г. – член следственной Комиссии 1816 г. [1, л. 59]), действительный статский советник М. П. Штер (участник, а затем председатель землеустроительной комиссии 1802-1810 гг.)

на прославленного столичного государственного деятеля, император отреагировал ироничной фразой: «славны бубны за горами» [5, с. 100], имея в виду очевидное расхождение между словами и делами адмирала.

Как известно, Николай Семенович Мордвинов был крупнейшим крымским помещиком. При этом позиция Мордвинова в отношении крымских татар оставалась стабильно негативной, начиная еще с екатерининских времен [3]. В одном из своих многочисленных мнений Мордвинов с некоторой долей позерства заявлял об отсутствии в его обширных крымских владениях татарских жителей: «Я имею в Перекопском уезде 66 тыс. дес. и на сей пространной площади нет ни единого жителя татарина, в Мелитопольском уезде имею более 6 тыс. десятин и ни одного татарина; в Бахчисарайском округе имею до 4 тыс. дес. и ни одного татарина; в Феодосийском уезде имею до 6 тыс. дес. и на оных находятся 40 или 60 душ татарских, так мало, что и не знаю точного числа; имею пространное владение в Байдарской долине, и там могу поместить в пятеро больше, нежели ныне там находится татар» [7, л. 1 об.]. По его мнению, данное обстоятельство помогало ему быть объективным в изложении своих взглядов на повинности крымских татар, в которых он, по причине их отсутствия на своих землях, не был никак заинтересован. Надо сказать, что и русских крестьян Мордвинов не видел в качестве крымских жителей. Единственную перспективу экономического развития полуострова Мордвинов связывал с иностранными колонистами: «...И ныне, когда правительство не взирает исключительно на единых токмо татар, но попечительным взором объемлет весь Крым, то усматривает безошибочно, что для страны сей потребны колонисты европейские, коих к населению и призывает и поощряет даруемыми правами...» [8, л. 30 об.].

Конечно, позиция одного влиятельного крымского помещика не отражала общую политику государства. Имперская власть в России потому и являлась достаточно устойчивой, что старалась учитывать локальные «имперские ситуации» и особенности в национальных окраинах, соблюдая и охраняя права местных жителей. И действия Александра I во многом подтверждают это. В Карасубазаре император встретился с сестрой генерала А. Я. Рудзевича – героя взятия Парижа, которого хорошо знал. Это была простая необразованная татарка, тем не менее, монарх провел в

общении с ней и ее семьей более получаса и по окончании беседы подарил бриллиантовый фермуар (застёжку). «Я не различаю ни дворян, ни разночинцев, ни бедных, ни богатых; мне все равны, если служат хорошо. Рудзевич татарин, но мне дороже, нежели столбовой дворянин» [5, с. 91]. Во время остановки в Кикенеизе для императора был построен домик для ночлега, но он отказался в нем располагаться и переночевал в доме местных жителей, «чтобы татары не подумали, что я гнушаюсь ими» [5, с. 99]. По сообщению Михайловского-Данилевского, Александр I практически весь день своего пребывания в Байдарах посвятил разбору документов, в том числе переданных ему жалоб со стороны местных татар на Мордвинова [5, с. 100-102].

В дальнейшем разбор этих жалоб стал важной частью работы вышеназванного Таврического Комитета, учрежденного 3 декабря 1819 г. [6, с. 406]. В Комитет были переданы все бумаги из действовавших министерств, касавшиеся Таврической губернии, также жалобы крымских татар, которые императору передали в Крыму. Важной частью деятельности Комитета стала разработка вариантов налогообложения крымских татар, где по замыслу его членов необходимо было учитывать особенности традиционной для мусульман системы налогообложения. Комитет обратил внимание, что подушные или поголовные подати совершенно не соответствуют «ни вере, ни обычаям магометан и совершенно им противны», поскольку «по их закону» собирают их только с «иноверцев в подданстве или в рабстве у них находящихся» [10, л. 27 об.].

В итоге Таврический Комитет подготовил проект «Положения о повинностях таврических татар на помещичьих землях живущих», который был разработан в 1820 г. [11, л. 40-49]. В документе подтверждалось, что «татары-поселяне», живущие на помещичьих землях, лично свободны («никто не может записать или укрепить их за собою»). С помещиками они могли заключить «добровольные условия» за право пользования землями. Крымские татары могли дополнительно арендовать участки у других помещиков, переселяться в соседние владения, при этом губернское начальство обязано было наблюдать, чтобы переселение осуществлялось без принуждения со стороны владельцев. Повинности крымских татар состояли из работы на помещика и выдачи десятины «с произведений земли», за что они «свободно пользуются землями на которых живут». Размер работ

определялся в количестве от 6 до 12 дней в году, «смотря по выгоде помещичьих дач». Работником, обязанным трудиться на собственника земли, предложено было считать мужчину от 18 до 55 лет («малолетние, старики, увечные, калеки и женский пол в работу не употребляются»). При этом рабочий день составлял «восемь часов труда в сутки». Труд на помещика необходимо было распределять таким образом, чтобы в нужное время землевладелец не требовал от общины более половины крестьян, поскольку это могло нанести урон их хозяйству во время важных полевых работ (жатвы, сенокоса, сбора плодовых и т.д.). Каждый поселянин был вправе вместо себя отправить на отработку другого человека. Заготовка дров для домашнего хозяйства, выпас скота на пастбищах не ограничивались какими-либо условиями. Поскольку крымские татары – лично свободное население, поэтому по отношению к ним не могли применяться наказания (в особенности физические) со стороны помещиков. Все подобные вопросы решались исключительно по решению судебных мест. Проект этот в представленном виде, несмотря на одобрение Госсвета, так и не был применен на практике. Но многие положения разработанного документа в конечном итоге были зафиксированы в утвержденном в 1827 г. «Положении для татар-поселян Таврической губернии» [12, с. 143-144].

В целом же работа Комитета стала показательным примером подхода российской администрации к сложным региональным проблемам, когда для принятия важных государственных решений имперская власть предпочитала предварительно изучить вопрос в рамках специализированных экспертных комитетов. Пример учреждения, наряду с Таврическим, Новороссийского, Сибирского, Кавказского Комитетов является подтверждением данного тезиса.

Литература

1. Государственный архив Республики Крым (далее – ГАРК). – Ф. 23. – Оп. 1. – Д. 9.
2. ГАРК. – Ф. 23. – Оп. 1. – Д. 292.
3. Конкин Д. В. «Мнение относительно Крыма» Н. С. Мордвинова: взгляд русского помещика на земельный вопрос в Крыму (конец XVIII – начало XIX вв.) // КИО. – 2015. – № 3. – С. 31–46.
4. Михайловский-Данилевский А. И. Записки. 1818 год // Исторический вестник. – 1892. – Т. 48. – С. 360-373, 617-634.

5. Михайловский-Данилевский А. И. Из воспоминаний Михайловско-го-Данилевского. 1818. Гл. I–III // Русская старина. – 1897. – Т. 91. – Кн. 7. – С. 69–102.

6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. – СПб: Типография СЕИВ Канцелярии, 1830. – Т. 36. – № 28014.

7. РГИА. – Ф. 994. – Оп. 2. – Д. 1484.

8. РГИА. – Ф. 994. – Оп. 2. – Д. 1487.

9. РГИА. – Ф. 1306. – Оп. 1. – Д. 1.

10. РГИА. – Ф. 1306. – Оп. 1. – Д. 3.

11. РГИА. – Ф. 1306. – Оп. 1. – Д. 8.

12. Российская империя и Крым / под ред. Д. В. Конкина, Н. И. Храпунова. – Симферополь: Издательский дом КФУ, 2020. – 416 с.

13. Шильдер Н. К. Александр I. Его жизнь и царствование. В 4 т. – Т. 4. – СПб.: Издание А. С. Суворина, 1898. – 651 с.

D. V. Konkin

THE PROBLEM OF TAXATION OF THE CRIMEAN TATARS IN THE CONTEXT OF THE WORK OF THE TAURIDE COMMITTEE (1819)

Abstract. The problem of taxation of the Crimean Tatars has long been an important topic of discussion among Russian officials. In 1819, under the influence of personal impressions after visiting the Crimea, Alexander I established the Tauride Committee in St. Petersburg, one of the main tasks of which was to develop an adapted tax system for the Crimean Tatar peasants. The prepared draft of taxation was not officially approved, but many provisions from it were taken into account in subsequent laws.

Keywords: Russian Empire, Crimea, Crimean Tatars, Alexander I, Tauride Committee, taxes.

М. В. Ледяева, И. Р. Газизуллин

ЭТНОГРАФИЯ В МУЗЕЕ: ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ ФОНДОВЫХ КОЛЛЕКЦИЙ ПО КУЛЬТУРЕ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО ПОВОЛЖЬЯ

Аннотация. Одежда, образцы убранства традиционного жилища, занятий и крестьянского быта, верований и обрядов первой половины XVIII – конца XIX вв. в фондах Национального музея Республики Татарстан – раритеты этнографии народов Европейской России, Азии, Кавказа, Восточной Сибири и Дальнего Востока, Зарубежной Европы и Прибалтики. В статье обозначены основные вехи комплектования коллекций по культуре татар, русских, удмуртов, чуваш, марийцев, мордвы, башир как индикаторов многонациональности региона.

Ключевые слова: музейная этнография, Казанский городской научно-промышленный музей, Центральный музей АТССР, Государственный музей ТАССР, Государственный объединенный музей ТАССР (РТ), Национальный музей РТ.

Повышенный научный интерес к традициям и быту народов Среднего Поволжья и Приуралья второй половины XIX в. способствовал созданию в Казани публичного Казанского городского научно-промышленного музея. Основу собраний открывшегося в 1890-х гг. музея составили частные коллекции, экспонаты научно-промышленных выставок Казани и Нижнего Новгорода, в постреволюционный период – предметы научно-исследовательских и миссионерских поездок, коллекции создаваемых в 1920-е гг. музеев и историко-художественных ценностей казанских соборов и церквей.

В истории формирования этнографических коллекций Национального музея Республики Татарстан авторами выделены три этапа:

Первый этап: создание музея путем привлечения частных коллекций и единичных этнографических сборов.

Историю Казанского городского научно-промышленного музея исследователи связывают с неудачными попытками его организации

как «образовательного» учеными и краеведами Общества археологии, истории и этнографии (ОАИЭ) при Казанском Императорском университете, в сравнении с поступившей в 1891 г. обширной коллекцией известного казанского этнографа и археолога Андрея Федоровича Лихачева. Собрание, позволившее открыть в 1895 г. в Казани публичный музей, содержит ряд однородных предметов с большим количеством вариантов по культуре казанских татар: серебряные с позолотой украшения; расшитые золотом и серебром головные уборы; предметы бытовой и свадебной одежды, украшения верховых и низовых чуваш; рубахи и головные уборы середины XIX в. луговых и горных мари; образцы одежды начала XIX в. мордвы-эрзи.

Заслуживают внимания русские коллекции конца XVIII-XIX вв. первого смотрителя музея, долгое время поддерживающим связи с семьей Лихачевых, П. И. Сизова (1896) и купца В. И. Заусайлова (1900-1903). Наряду с предметами дворянского быта и церковной утвари Сизов передал в музей русские кокошники, медный чувашский гребешок, коллекцию татарских пуговиц. Исторические раритеты – холодники, душегреи, парчовые сарафаны, девичьи повязки и женские головные уборы, шейные украшения, прялки, швейки, рубели, вальки, холмогорские шкатулки конца XVII – середины XIX вв., гордость собрания В. И. Заусайлова, ранее представленного в аванзале историко-этнографического отдела Казанской научно-промышленной выставки 1890 г.

Известны попытки пополнения фондов будущего музея экспонатами Казанской научно-промышленной выставки 1890 г. и Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде. К организации историко-этнографического отдела промышленной выставки в Казани были привлечены ученые ОАИЭ и Музея Отечества при Казанском Императорском университете. На щитах в отделе Поволжья представлен обширный фотографический материал (более 250 фотоснимков), одежда, украшения, культовые и бытовые предметы татар, чуваш, черемис, мордвы-мокши, вотяков, русских. После закрытия выставки в музей поступили музыкальные инструменты и утварь чуваш, предметы бытовой и свадебной одежды мари, включая архаичные образцы конца XVIII-начала XIX вв. С Нижегородской выставки, в устройстве которой принимали участие Казанский Вспомогательный комитет, кустари и промышленники Казанской губернии, коллекционером А. А. Шту-

кенбергом привезены образцы одежды и вышивки чуваш, марицев, кряшен XIX – начала XX вв. В 1896 г. Казанской городской Управой были подарены костюмы мордвы-эрзи Симбирской губернии середины XIX в. и мужская одежда кряшен.

При отсутствии средств и опыта в устройстве музеев Члены Совета использовали силы местных краеведов. В 1914 и 1919 гг. в дар от профессора Н. В. Никольского поступили фотографические снимки, набойный платок начала XVIII в., комплекс девичьей одежды конца XIX в., предметы культа, инструменты для плетения лаптей, принадлежности курения чуваш. В 1915 г. для сбора предметов быта южных удмуртов в Вятскую губернию был направлен студент Казанского университета Т. К. Борисов, в 1916 г. в Уфимскую губернию студенты Е. Голомштек и И. Иванов.

В период Октябрьской революции музей, поддерживая частных коллекционеров, приобретает коллекции О. Сиклера (1858-1922), Н. Ф. Высоцкого (1843-1922), М.Е. Евсевьева и Н.Ф. Катанова. Вторая по значимости коллекция ювелирных украшений казанских татар была собрана Сиклером среди зажиточного населения Казани в конце XIX – начале XX вв. Б. Ф. Адлер, описывая интересы французского художника, подчеркнул, что в его обширной коллекции имеют место архангельские костяные изделия, швейки, деревянная посуда, кокошники, изразцы. Среди предметов, закупленных у Сиклера и вернувшихся в Казань из московского музея АРС Азиатика в ноябре 1920 г., ценна коллекция русских головных уборов [2]. В ноябре 1918 г. поступили материалы экспедиционных поездок по Уралу, Сибири, Монголии, Китаю и Дальнему Востоку профессора Н. Ф. Катанова. Благодаря стараниям ученого в музее отложились предметы быта и занятий, одежда народов Юго-Запада России – калмыков, Сибири – бурят и якутов, священные атрибуты и символы Востока – шаманские онгоны и предметы культового назначения, буддийские наборы для богослужения, статуэтки из бронзы и терракоты, иконы и флаги. В 1920 г. исследователем кустарной промышленности Татарстана Г. М. Залкиндо были подарены марицкий пузырь и барабан. В 1922 г. С. М. Афонским переданы в музей предметы из собрания профессора медицины Н. Ф. Высоцкого: туркестанские и индийские украшения, утварь, монеты, буддийские статуэтки и иконы, монгольские свертки с молитвами, гилеяцкие резные изделия из кости, вотяцкие идолы и игральные карты из бересты, украинские писанки (пасхальные яйца).

Пополнение музейных фондов в 1920-е гг. было связано с закрытием городских и учебных музеев. Ряд архаичных материалов по культуре «инородцев» края из Казанской Духовной академии – результат кропотливой работы студентов миссионерского отделения под руководством профессора Н. Ф. Катанова. В 1921 г., после объявления Автономной Татарской ССР, «богатая» на коллекционеров Казань созрела для создания Музея народов Востока. Члены ОАИЭ, Научного общества Востоковедения и сотрудников губернского музея закупают для будущей экспозиции экспонаты у В. Ф. Смолина, Н. Ф. Высоцкого, Н. Ф. Катанова, С. Е. Малова. Позже ликвидированным Музеем народов Востока отданы материалы по народам Поволжья и Зарубежной Азии: персидские чаши, вазы, сосуды для омовения, турецкие суконные ковры и оружие, бухарские пояса и серебряные четки, арабский деревянный кумган, албанская женская одежда с золотной вышивкой, кавказский мужской камзол и серебряные пуговицы.

В 1925-1926 гг. поступили изделия Центрального музея мелкой промышленности и профессионального образования при Казанском губернском земстве, позже Кустарно-промышленного музея при «Селькредпромсоюзе» с описью, составленной профессором А. И. Мироновым и художником И. С. Протасовым накануне закрытия в 1922-1923 гг.

Второй этап: систематизация этнографических коллекций в рамках строительства постоянной экспозиции и целенаправленный сбор образцов кустарного производства Татарской республики.

Вплоть до 1920-х гг. в Казани были не установлены общие правила каталогизации музейных предметов. Музеи опирались на многолетний опыт составления каталогов учеными-коллекционерами и, реже, на опыт музеев Европы. Попытки систематизации музейного фонда были начаты под руководством директора губернского музея Б. Ф. Адлера, бывшего ассистента Лейпцигского этнографического музея. Следуя классическому музееведческому опыту Германии, Адлер пытался ввести регистрационные карточки на поступающие предметы и их научное описание, что, по его словам, было не так успешно, как хотелось бы [1]. Описанием отдельных предметов историко-этнографического отдела до 1919 г. занимались его директор Н. Ф. Катанов, а также Н. М. Петровский и Р. В. Ризположенский. Кроме того предметы этнографии хранились в разных

отделах: в 1900-х гг. – в историко-этнографическом, в 1920-е гг. – в историко-археологическом, в 1930-1934-х гг. – частично, в отделе древне-русского искусства. С созданием в 1919 г. этнографического отдела связано строительство экспозиции по истории и культуре тюркских и зарубежных народов. Сотрудниками музея – художником И. А. Радимовым, студентом Северо-Восточного Археологического института Н. А. Сидушкиным, под руководством заведующего отдела М. Е. Евсевьева, коллекции были систематизированы, пополнены недостающими образцами и размещены в залах. «Драгоценный камень» музея вызвал восхищение у посетителей [3]. Заведующей отдела с 1922 г. Е. Э. Адольф была научно описана коллекция татарской вышивки и мордвы.

1923-1927 гг. – период активного экспедиционного изучения этнографии края. В 1922 г. сотрудники музея Н. И. Воробьев, П. М. Дульский и Г. С. Губайдуллин, архитектор М. Жиров, историк Г. С. Губайдуллин, переводчик и фотограф Г. Ананьев, студент-этнограф Г. Петров совершили поездки по деревням Арского кантона АТССР, что позволило представить на Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке в Москве в 1923 г. фотографии, чертежи, одежду, текстильное убранство, жилища, образцы узорного тканья и вышивки, обувь, предметы быта, образцы пищи (муляжи) казанских татар. Собранные коллекции позволили Центральному музею Татарии участвовать в Международной выставке декоративного искусства и художественной промышленности искусств в г. Париже (1925 г.). В 1924-1927 гг. поездки для изучения татар, кряшен, мишарей стали возможны при поддержке Общества Татароведения.

В 1930-1940-е гг. наблюдается общий спад в комплектовании этнографического фонда, обусловленный потерей интереса к этнографии в целом.

Третий этап: сбор предметов этнографии для «жесткого» фонда в условиях отсутствия бытующих форм среди населения края.

Этнографические экспедиции музея возобновились только в конце 1950-х гг. Так, в 1957 г. под руководством старшего научного сотрудника Музея этнографии народов СССР (г. Ленинград) Т. А. Крюковой, с участием Н. Субаева и Р. Каримовой, была организована этнографическая экспедиция в Приказанье, сданы в музей инструменты и образцы продукции татарских кустарей – бондаря, ткачих,

ювелира и кружевниц Рыбной Слободы. В 1958 г. Т. А. Крюковой составлен «Указатель этнографических коллекций народов Поволжья».

Вторая волна экспедиций по республике в 1970-1980-е гг. была вызвана подготовкой татарского этнографического атласа. Учеными-этнографами ИЯЛИ им. Ибрагимова АНТ в процессе сплошного территориального обследования была собрана крупная коллекция казанских татар и кряшен (около 200 предметов). Отдельные предметы и целые региональные комплексы описаны и аннотированы хронологически.

Огромный вклад в пополнении жесткого фонда коллекцией сельскохозяйственных орудий труда, предметов быта и утвари внесли экспедиции под руководством М. К. Завьяловой: исследование и сбор материалов в Заказанье и на юге Удмуртии (1989 г.), на правом берегу Волги (1990 и 1993 гг.), на территории республики Марий Эл (1995 и 2001 гг.).

В 1991-1996 гг. отдел этнографии возглавляла Г. Р. Назипова. Известны исследования в Спасском (1992 г.), в Черемшанском (1996 г.), в Мензелинском (1997 г.), в Кайбицком (1998 г.), в Балтасинском и Альметьевском районах Татарстана (2000 г.). Фонды пополнены материалами по казанским, каринским (с. Карины) татарам, кряшенам, русским, чувашам, удмуртам, мордве-каратаям, луговым марийцам. Из последних поездок музейных этнографов по Верхнеуслонскому району Республики Татарстан (2016-2017 гг.) были привезены предметы по этнографии русских, чуваш и татар.

Уникальное собрание предметов этнографии в Национальном музее Республики Татарстан – труд нескольких поколений музейных сотрудников. Его достояние, собранное на протяжении 1890-1920-х гг., поддержано советскими и современными учеными Татарстана.

Литература

1. Адлер Б. Ф. Инвентарь, каталог и их значение в музее // Казанский музейный вестник. – 1920. – №3-4. – С.11-19.
2. Адлер Б. Ф. Коллекция Сиклера // Казанский музейный вестник. – 1922. – №2. – С.10-15.
3. Книга отзывов посетителей музея // НА РТ. – Ф. Р-2021. – Д.47.
4. Крюкова Т. А. Указатель этнографических коллекций народов Поволжья. – Казань: Татполиграф, 1958. – 80 с.

M. V. Ledyayeva, I. R. Gazizullin

ETHNOGRAPHY IN THE MUSEUM: THE ORIGINS OF THE FUND COLLECTIONS FORMATION ON THE CULTURE OF THE MULTINATIONAL VOLGA REGION

***Abstract.** Clothing, samples of traditional houses' decoration, occupations and peasant life, beliefs and rituals in the first half of the XVIII - the end of XIX century in the National Museum funds of the Republic of Tatarstan - ethnography rarities of the people of European Russia, Asia, the Caucasus, Eastern Siberia and the Far East, Foreign Europe and the Baltic States. The article marks the main milestones of completing the collections of the Tatars', Russians', Udmurts', Chuvash', Mari', Mordvins', Bashkirs' culture as the indicator of the region's multinational character.*

***Keywords:** museum ethnography, Kazan City Scientific and Industrial Museum, Central Museum of the ATSSR, State Museum.*

А. Ю. Манаев

ИСТОРИЯ КРЫМСКОЙ РЕСТАВРАЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА: ПРОЕКТЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ Е. И. ЛОПУШИНСКОЙ

Аннотация. В публикации изучен вклад в развитие крымской реставрации Е. И. Лопушинской. Рассмотрены ее основные научно-исследовательские проекты: восстановление Судакской крепости, храма Иоанна Предтечи в Керчи, мечети Джума-Джами в Евпатории. Особое внимание уделено историографическому анализу публикаций Е. И. Лопушинской, раскрывающих особенности реставрации памятников Крыма.

Ключевые слова: Крым, охрана культурного наследия, реставрация, Е. И. Лопушинская.

Одним из приоритетных направлений деятельности в сфере охраны культурного наследия и музейного дела является реставрация памятников архитектуры. Во второй половине XX в. во многих регионах СССР развернулись масштабные работы по изучению и сохранению памятников истории и культуры. Эти процессы были обусловлены различными причинами: это и восстановление разрушенных в годы Великой Отечественной войны городов и архитектурных комплексов, и рост интереса в обществе к отечественной истории, и – как следствие – развитие внутреннего туризма. Все эти факторы в полной мере обусловили проведение многочисленных реставрационных работ на историко-архитектурных объектах Крыма в 50-80-е гг. прошлого столетия.

Среди архитекторов-реставраторов, работавших в Крыму во второй половине XX в., выделяется личность Евгении Ивановны Лопушинской (1920-1996). Ее имя и проекты неразрывно связаны с выдающимися памятниками полуострова: Судакской крепостью, Ханским дворцом в Бахчисарае, мечетью Хан-Джами в Евпатории, храмом Иоанна Предтечи в Керчи, цитаделью Мангупской крепо-

сти и др. В фондах национального заповедника «София Киевская» (г. Киев) хранится 647 чертежей и проектов реставрации, выполненных Е. И. Лопушинской. Из них 533 относятся к памятникам Крыма, в том числе около 200 единиц хранения, связанных с Генуэзской крепостью в Судак [18, с. 515].

Родилась Е. И. Лопушинская в городе Березовка современной Одесской области. Школу закончила в Одессе, в 1937 г. поступила в Одесский строительный институт на архитектурный факультет. С 1942 г. продолжила обучение в Московском архитектурном институте, который закончила в 1946 г. По окончании ВУЗа была направлена в Киев. В 1960 г. была принята в Союз архитекторов УССР. Принимала непосредственное участие и руководила проектами реставрации около 50 памятников истории и культуры, 33 из которых находятся в Крыму [13, с. 380, 385-388].

Несмотря на выдающийся вклад Е. И. Лопушинской в изучение и реставрацию крымских памятников, ее биография и проекты не стали предметом глубоких научных исследований. Лишь в последние десятилетия были опубликованы статьи Г. С. Педь и М. И. Рейтер (2008 г.), Т. М. Мазковой (2013 г.) и Э. Э. Османова (2014 г.), в которых делается попытка проанализировать творческое наследие выдающегося архитектора [13; 17; 18]. В то же время многие современные исследователи упоминают о проведении Е. И. Лопушинской работ на тех или иных объектах (или реализации ее проектных решений) [1, с. 37; 2, с. 13; 14, с. 111; 19, с. 327] и обращают внимание на необходимость введения в научный оборот полных результатов этих изысканий [15, с. 331].

В настоящей работе мы рассмотрим некоторые реставрационные проекты крымских памятников, реализованные Е. И. Лопушинской. В 1961 г. Е. И. Лопушинская и другие специалисты Республиканских специальных научно-реставрационных производственных мастерских (с 1980 – институт «Укрпроектреставрация») начинают разработку документации по реставрации комплекса сооружений Ханского дворца в Бахчисарае. В 1960-1964 гг. были проведены работы на Главном корпусе дворца: в Зале Совета и Суда, Фонтанном дворике, Малой мечети, в Золотом кабинете и Кофейной комнате, отреставрирован Портал Алевиза. Также ремонтно-реставрационные работы затронули Ханскую мечеть, Соколиную башню и другие объекты дворца [17, с. 222-226]. Важ-

ной составляющей проектных работ Е. И. Лопушинской во дворце стало выполнение реставраторами зондажей стен и археологических шурфов. Это позволило впервые получить данные о специфике формирования комплекса Ханского дворца. Отметим, что результаты археологических исследований, выполненных в середине 1960-х гг., стали важным источником для определения мест закладки раскопов на современном этапе археологического изучения комплекса Ханского дворца [14, с. 111]. Несмотря на то, что выполнить весь запланированный объем реставрационных работ на Бахчисарайском дворце не удалось, можно уверенно согласиться, что работы Е. И. Лопушинской стали первой полноценной научной реставрацией объектов Хан-Сарая [17, с. 226].

С середины 1960-х гг. под ее руководством осуществляются систематические реставрационные работы на Судакской крепости, которые продолжались до 1991 г. С 1965 г. выполняются обмерные чертежи, а с 1968 г. начинаются непосредственно реставрационные работы. Результаты многолетних архитектурных исследований Судакской крепости легли в основу широко известной публикации Е. И. Лопушинской «Крепость в Судак» [6]. Определенный историографический интерес представляет малоизвестная статья о начальном этапе реставрационных работ в Судаке. На первом этапе были проведены работы на наиболее аварийных объектах. Отдельный акцент в публикации сделан на то, что реставрация осуществлялась лишь на тех памятниках, вид которых бесспорно подтверждался научными данными, на остальных проводятся исключительно работы по консервации [9, с. 28-29]. В этой связи интересно замечание крымского архитектора О. И. Сергеевой, которая в своих воспоминаниях подчеркивает, что именно научная составляющая проектов подвергалась жесткой критике со стороны крымских археологов и архитекторов – И. А. Баранова и Ю. И. Воронина. «У нее в голове помесь произведений Вальтера Скотта и Шуази!», – высказывал свое возмущение О. И. Домбровский в отношении некоторых архитектурных решений Е. И. Лопушинской [21, с. 258-259]. Несмотря на изрядную долю критики, работы все же были выполнены в соответствии с проектными чертежами, в результате чего Судакская крепость обрела совершенно новый архитектурный облик.

В 1966 г. проведены обмерные работы и подготовлена документация для реставрационных работ на мечети Муфти Джами в Фео-

досии. Наиболее масштабные работы на этом памятнике были выполнены в 1975 г., когда были заменены окна, пол, инъектированы трещины, восстановлена утраченная часть минарета. В 1990 г. на памятнике, в рамках разработки проекта полной реставрации, были проведены детальные архитектурно-археологические изыскания [18, с. 516]. Отдельные работы Е. И. Лопушинской касаются и других средневековых культовых сооружений Феодосии [3; 4; 11].

В конце 60-х гг. XX в. группа архитекторов «Укрпроектреставрации» под руководством Е. И. Лопушинской работала на «пещерном городе» Мангуп-Кале. Ими разрабатывались проекты консервации и реставрации донжона цитадели, которые частично были реализованы в середине 70-х гг. XX в.: была укреплена подпружная арка ворот, возведены два разрушенных участка внешнего панциря оборонительных стен и восстановлен участок кладки донжона с дверным проемом. Результаты архитектурных исследований Мангупа изложены в двух кратких авторских публикациях [10; 12]. Кроме того, в рабочем архиве Мангупской археологической экспедиции сохранился том проектной документации по реставрации цитадели Мангупского городища, в который входит текст планового задания, пояснительная записка, а также 15 чертежей планов, фасадов и разрезов донжона и куртин на мысе Тешкли-бурун [20]. Отметим, что на титульном листе проекта имеется резолюция от 14.02.1971 г. о том, что Госстроем УССР согласован первый вариант проекта (консервация). Несмотря на то, что размышления Е. И. Лопушинской о периодизации и истории Мангупской крепости не выдерживают современной критики, ее архитектурная часть представляет безусловный научный интерес. В первую очередь обмерные чертежи, а также варианты воссоздания облика цитадели. Согласно проекту реставрации полное восстановление донжона и куртин цитадели не планировалось. Ремонтные работы включали в себя восстановление оконных проемов рядом с резным порталом, бойницы с запада и дверной проем в северной стене, а также облицовочных кладок куртин. Подчеркивалось, что после проведения работ сооружение сохранит вид руины [10, с. 30]. В более поздней публикации, посвященной архитектуре Мангупа, Е. И. Лопушинская подчеркивает, что многие памятники городища находятся в неудовлетворительном состоянии, а разработанный проект реставрационных работ осуществлен лишь в незначительном объеме [12, с. 54].

Одновременно с изучением Мангупской цитадели в середине 60-х гг. XX в. специалистами института «Укрпроектреставрация» проводились исследования сооружений средневековой крепости Каламита. Были выполнены натурные обмеры, которые произвели Е. И. Лопушинская, В. Ф. Отченашко, П. П. Ткач и др. [7]. В 1983 г. авторским коллективом «Укрпроектреставрации» во главе с Е. И. Лопушинской был разработан первый этап консервации и реставрации крепости. В 1985 г. продолжилась разработка научно-проектной документации по сооружениям Каламиты. Проводились комплексные архитектурные, археологические, инженерно-технологические и лабораторные исследования, однако, проект реставрационных работ на Каламите остался нереализованным [16, с. 24].

В 1967-1970 гг. Е. И. Лопушинская возглавляла работу по разработке проекта реставрации Церкви Иоанна Предтечи в Керчи. Как и в случае с Мангупским городищем, предложенные Е. И. Лопушинской хронологические рамки бытования храма, не соответствуют современным научным знаниям о памятнике, в частности, датировка времени его сооружения в VIII-IX вв. В тоже время интерес представляют непосредственно архитектурно-археологические изыскания на объекте, позволяющие детализировать особенности строительства и бытования храма. Так в ходе зондажей были выявлены участки кладки византийского времени – т.н. *opus mixtum*, чередование в кладке стены каменных блоков и рядов плит. Уточнены также были конструктивные приемы возведения апсидной части памятника, подкупольного барабана и других элементов [5, с. 36-37]. В дальнейшем с 1972 по 1980 гг. храм был полностью отреставрирован.

С 1969 по 1985 гг. специалистами института «Укрпроектреставрация» во главе с Е. И. Лопушинской проводились реставрационные работы на мечети Джума-Джами в Евпатории. В ходе натурных обследований памятника были установлены первоначальные отметки цоколя культового сооружения, архитектурные формы галереи, типы оконных и дверных проемов, конструктивные решения минаретов, подкупольных барабанов, а также особенности отделки фасадных плоскостей и их цветовая гамма. В ходе комплексного изучения памятника было выполнено 35 зондажей и 12 шурфов, что позволило получить объективную информацию об инженерном устройстве реставрируемого объекта. Многие проектные решения архитекторов-реставраторов были реализованы на практике. В то

же время некоторые элементы реставрации остались невыполненными. Так, проектом предусматривалось расчистить фасады здания от более поздних слоев штукатурки и восстановить аутентичную каменную кладку, однако, органами охраны культурного наследия было принято решение не проводить работ по реставрации каменной облицовки, а фасады заново оштукатурить. Это решение, безусловно, снизило эстетический облик выдающегося архитектурного памятника [2, с. 13; 8, с. 25].

Изучение истории охраны памятников Крыма во второй половине XX в. неразрывно связано с анализом творчества Е. И. Лопушинской, во многом предопределившей дальнейшее развитие крымской реставрации. Ее исследования, связанные с Судакской крепостью, Бахчисарайским дворцом, Мангупской цитаделью, мечетями Джума-Джами и Муфти-Джами, храмом Иоанна Предтечи, крепостью Каламитой, представляют, на сегодняшний день, большой интерес для научного поиска. Это, в первую очередь, относится к натурным исследованиям, которые выполнялись в ходе разработки проектов реставрации. Многочисленные современные проекты реставрации должны базироваться на историческом опыте крымской реставрации.

Литература

1. Герцен А. Г. К 50-летию возобновления археологического изучения Мангупа: начальный этап // МАИЭТ. – 2017. – Вып. XXII. – С. 12-45.
2. Кутайсов В. А. Мечеть Татар-хана в Гезлёве // Историческое наследие Крыма. – 2006. – №12-13. – С. 5-20.
3. Лопушинская Е. И. Армянская церковь св. Саркиса (Сергия) в Феодосии: памятник архитектуры 15-16 вв. // Вестник общественных наук АН Армянской ССР. – 1984. – № 5. – С. 58-63.
4. Лопушинская Е. И. Архитектура армянской церкви архангелов Гавриила и Михаила в Феодосии и её реставрация // Вестник общественных наук АН Армянской ССР. – 1982. – №9. – С. 64-72.
5. Лопушинская Е. И. Древний памятник Керчи // Строительство и архитектура. – 1970. – №10. – С. 36-37.
6. Лопушинская Е. И. Крепость в Судак. – К.: Будівельник, 1991. – 102 с.
7. Лопушинская Е. И. Крепость Каламита в Крыму // Архитектурное наследство. – 1996. – №41. – С. 55-61.
8. Лопушинская Е. И. Мечеть Джума-Джами в Евпатории: история и реставрация // Строительство и архитектура. – 1989. – № 7. – С. 22-25.

9. Лопушинская Е. И. Реставрация крепости в Судак // Строительство и архитектура. – 1976. – № 4. – С. 27-30.

10. Лопушинская Е. И. Реставрация одного памятника Мангупа // Строительство и архитектура. – 1977. – № 2. – С. 27-29.

11. Лопушинская Е. И. Церкви Иоана Предтечи та Иоана Богослова у Феодосії // Архітектура України. – 1992. – № 3. – С. 44-48.

12. Лопушинская Е. И. Цитадель на Мангуп-Кале // Архитектурное наследие. – 1996. – №41. – С. 50-54.

13. Мазькова Т. М. Евгения Лопушинская – украинский архитектор-реставратор // Софійські читання: Матеріали VI Міжнародної науково-практичної конференції «Християнські святині – скрижалі Вічності, Мудрості й Краси: нові грані пізнання» (Київ, 26-27 травня 2011 р.). – К.: ВД Адеф-України, 2013. – С. 379-388.

14. Науменко В. Е. Бахчисарайский Ханский дворец как объект культурного (археологического) наследия (по материалам раскопок 2018-2019 гг.) / В. Е. Науменко, А. Г. Герцен, В. К. Ганцев // Актуальные вопросы охраны и использования культурного наследия Крыма: Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции (Симферополь, 21-22 октября 2020 г.) / ред. В. Е. Науменко, Т. А. Гогунская, Н. В. Кармазина. – Симферополь: АРИАЛ, 2020. – С. 104-117.

15. Науменко В. Е. К дискуссии о времени строительства церкви Иоанна Предтечи в Керчи: историографический экскурс / В. Е. Науменко, Л. Ю. Пономарев // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования (Керчь, 23-27 мая 2016 г.) / ред. В. Н. Зинько, Е. А. Зинько. – Керчь, 2016. – С. 325-331.

16. Неделькин Е. В. Крепость Каламита-Инкерман: несостоявшиеся проекты реставрации // V Бахчисарайские научные чтения памяти Е. В. Веймарна: к 100-летию Бахчисарайского музея. Тезисы докладов и сообщений (Бахчисарай, 7-8 сентября 2017 г.) / ред.-сост. О. М. Стойкова. – Бахчисарай, 2017. – С. 23-24.

17. Османов Э. Э. Реставрационные работы в комплексе построек Ханского дворца в 1960-1964 гг. // КИО. – 2014. – №2. – С. 218-230.

18. Педь Г. С. Проекты реставрації кримських пам'яток Є.І. Лопушинської / Г. С. Педь, М. І. Рейтер // Сугдейский сборник. – Вып. 3. – С. 515-518.

19. Пономарев Л. Ю. Церковь Иоанна Предтечи в Керчи (третья четверть XVIII – XX вв.) / Л. Ю. Пономарев, Д. В. Бейлин // ИАК. – 2016. – Вып. III. – С. 300-343.

20. Проект реставрации памятника архитектуры VI – XV вв. – цитадели в крепости Мангуп-Кале, Крымской области / Госстрой УССР; Украинское специальное научно-реставрационное производственное управление. – К., 1970.

21. Сергеева О. И. Талантлив во всем: маленькая повесть // Его называли «Шеф»: Воспоминания. Литературное творчество. К 100-летию со дня рождения О. И. Домбровского / сост. и отв. ред. А. В. Проценко. – Симферополь: Н. Орианда, 2014. – С. 252-287.

A. Yu. Manaev

THE HISTORY OF THE CRIMEAN RESTORATION IN THE SECOND HALF OF THE TWENTIETH CENTURY: PROJECTS AND STUDIES BY E.I. LOPUSHINSKAYA

Abstract. *The contribution to the development of the Crimean restoration of E. I. Lopushinskaya is studied in the publication. E. I. Lopushinskaya's main scientific research projects are considered: the restoration of the Sudak fortress, the temple of John the Baptist in Kerch, the Juma-Jami mosque in Yevpatoria. Particular attention is paid to the historiographic analysis of the publications of E. I. Lopushinskaya, revealing the features of the restoration of Crimean monuments.*

Keywords: *Crimea, protection of cultural heritage, restoration, E. I. Lopushinskaya.*

М. А. Марусенко, Н. М. Марусенко, М. С. Самарина

РУССКИЙ ЯЗЫК В КРЫМУ: ИСТОРИЯ ВОЗВРАЩЕНИЯ

***Аннотация.** Проблема изменения этноязыковой ситуации в системе образования Крыма рассматривается как результат действия двух синергетических факторов: возвращения Крыма в состав Российской Федерации и смены парадигмы языковой политики с этнокультурной на национально-функциональную. Протесты правозащитников, экспертов, учащихся и их родителей, обращавших внимание на положение русского языка в национальных республиках, особенно, в сфере образования, начавшиеся в 2015 г., наконец вызвали ответную реакцию у руководства страны. Все это привело к внесению изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ, которые вызвали бурные дискуссии в ряде субъектов Российской Федерации. Это однозначно свидетельствует о том, что российское общество и государство в целом уже совершили переход к новой парадигме языковой политики – национально-функциональной, которая на протяжении почти полувека реализуется во многих мультиэтнических и мультиязычных государствах, к которым относятся, например, все страны БРИКС и так называемые «новые азиатские тигры». Она является составной частью идеологии развития, в которой язык рассматривается преимущественно как средство роста языкового капитала человека – составной части человеческого капитала, который в течение его жизни трансформируется в экономический, профессиональный, социальный и другие формы человеческого капитала. Нагляднее всего этот переход демонстрирует изменение языковой ситуации в Республике Крым. Прекращение принудительной украинизации, продолжающейся с 1954 по 2014 гг., привело к обвальному спаду потребности в использовании украинского языка на территории Крыма. С 2014 г. наблюдается сокращение численности школьников, обучающихся на украинском языке и изучающих украинский язык, под влиянием геополитических факторов и выпадения украинского языка из структуры языкового капитала жителей Крыма.*

дения украинского языка из структуры языкового капитала жителей Крыма.

***Ключевые слова:** языковая политика, Крым, этнокультурная парадигма, национально-функциональная парадигма, украинский язык, русский язык, языковой капитал.*

В 2018 г. окончательно определился радикальный разворот языковой политики Российской Федерации. Всем стало очевидно, что прежняя этнокультурная парадигма, реализуемая с 1920-х гг., не устраивает ни власть, ни население. В ней языки рассматривались, прежде всего, с точки зрения сохранения языкового разнообразия. Сохранение этого разнообразия, укрепление этнических идентичностей, этнических языков и этнических культур считалось главной задачей ученых, политиков и лидеров языковых сообществ во всем мире и, в частности, в бывших республиках СССР. В России проблема языковых меньшинств в последние годы приобрела особенно острый характер из-за осознания растущей опасности исчезновения многих миноритарных языков и выдвижения многими национальными меньшинствами требований признания своих языковых идентичностей.

Похвалы идеологов националистической политики в адрес «интернационализма» ленинско-сталинской национальной политики и ее «демократичности» вызваны тем, что ее исторически русофобская ориентация совпадает с интересами некоторых региональных этнократических властей.

Протесты правозащитников, экспертов, учащихся и их родителей, обращавших внимание на положение русского языка в национальных республиках, особенно, в сфере образования, начавшиеся в 2015 г., наконец вызвали ответную реакцию у руководства страны. В обращениях к президенту говорилось, что «русские и русскоязычные дети, живущие в национальных республиках, лишены существенных прав и свобод, которыми имеют счастье пользоваться такие же русские и русскоязычные дети, не проживающие в национальных республиках России» [16].

Озабоченность положением русского языка в этих регионах неоднократно высказывал Президент Российской Федерации В. В. Путин [17; 27], председатель Совета Федерации В. И. Матвиенко [14], министр образования и науки О. Ю. Васильева [12]. Все это при-

вело к внесению изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ, которые вызвали бурные дискуссии в ряде субъектов Российской Федерации.

Начавшаяся летом 2017 г. протестная кампания по поводу ущемления прав национальных меньшинств на изучение их родных языков не утихает, а в то же время Генпрокуратура ведет проверку, не принуждают ли в этих регионах детей учить титульные языки насильно. Такая ситуация однозначно свидетельствует о том, что российское общество и государство в целом уже совершили переход к новой парадигме языковой политики – национально-функциональной, которая на протяжении почти полувека реализуется во многих мультиэтничных и мультиязычных государствах, к которым относятся, например, все страны БРИКС и так называемые «новые азиатские тигры», и которая позволила им добиться значительных успехов в экономическом и социальном развитии. В этой парадигме, являющейся составной частью идеологии развития, язык рассматривается преимущественно как средство роста языкового капитала человека – составной части человеческого капитала, который в течение его жизни трансформируется в экономический, профессиональный, социальный и другие формы человеческого капитала.

Для того чтобы Россия хотя бы номинально могла обеспечить всем гражданам равное будущее, она должна предоставить всем равный доступ к образованию. Для людей, не имеющих языкового капитала (стартующих не с русского языка), этих возможностей меньше: пока ребенок, говорящий на миноритарном языке, будет тратить время на освоение русского до уровня родного, русскоязычный ребенок научится решать задачи олимпиады по физике [13]. Поэтому в успешных сферах (за исключением этнической преступности) трудно найти людей с проблемами в русском языке, у которых с детства формируется и воспроизводится отставание в человеческом капитале.

В Законе об образовании говорится, в частности, что одной из его целей является «перевод процесса обучения в цивилизованный правовой формат во всех деталях и направлениях» [19]. Поэтому родители отдают своих детей в школы с обучением на мажоритарном языке, стремясь обеспечить им хорошее будущее в рыночной экономике. Языковой капитал, как и другие формы капитала, имеет в этой экономике свою меновую стоимость. Он открывает дорогу к высокооплачиваемым карьерам на конкурентном рынке труда, в

экономике, технологиях, науке, туризме и т. д. Так, в колониальную эпоху знание английского языка обеспечивало тонкому слою местного населения социальные и экономические привилегии, а в Российской империи и, позднее, в СССР периферийные элиты стремились обучать своих детей на русском языке.

Теория языкового капитала более адекватно описывает современную ситуацию, чем теория языкового империализма. Она утверждает, что распространение русского языка является результатом сознательного и информированного выбора и настаивает на положительных последствиях этой идеологии, потому что она охватывает более широкий спектр отношений, чем только доминирование и подчинение. Кроме того, она акцентирует внимание на роли образования в производстве и воспроизводстве культурного капитала. Поэтому анализ языковой политики не может производиться без изучения исторического и современного социально-культурного контекста. Спрос на изучение русского языка обычно связан с присоединением страны к процессам глобализации и модернизации, желанием повысить свою рыночную конкурентоспособность.

Имплементация изменений в Закон об образовании привела к значительным изменениям в языковой образовательной политике субъектов Российской Федерации, самыми показательными из которых в этом смысле являются Республика Крым и город федерального значения Севастополь.

В марте 2014 года Верховный Совет Автономной республики Крым принял декларацию о независимости, а на состоявшемся чуть позже референдуме большинство его участников проголосовало за присоединение к России. После вхождения республики в состав России государственными языками Крыма были официально провозглашены русский, украинский и крымскотатарский.

По переписи 2014 г. почти 84% жителей Крыма родным языком назвали русский. Крымскотатарский в общении использовали 7,9%, татарский – 3,7%, а украинский – лишь 3,3% жителей республики. Это при том, что в Крыму проживало 24% этнических украинцев. Но почти 80% украинцев, проживающих в Крыму, считали родным русский язык [4].

До 2014 г. в Крыму существовало семь украиноязычных общеобразовательных заведений. Предметы школьной программы на украинском языке изучали 1 990 человек. Как предмет укра-

инский язык изучался в 142 классах. В Законе об образовании в Республике Крым определяется, что «граждане Российской Федерации, проживающие на территории Республики Крым, имеют право на получение дошкольного, начального общего, основного общего образования на родном языке, в том числе русском, украинском и крымскотатарском, а также право на изучение родного языка в пределах возможностей, предоставляемых системой образования, в порядке, установленном законодательством об образовании (Ст. 11.2)... Язык (языки), на котором(ых) ведутся обучение и воспитание в образовательной организации, определяется (определяются) локальными нормативными актами организации, осуществляющей образовательную деятельность по реализуемым ею образовательным программам, в соответствии с законодательством Российской Федерации и Республики Крым с учетом языковых потребностей в общении, воспитании, обучении и творчестве народов Крыма (Ст. 11.6)» [6]. Но уже в августе 2015 г. министр образования Крыма Наталья Гончарова сообщила, что перед учебным годом не поступило ни одного заявления от родителей первоклассников о желании обучать ребенка на украинском языке. По ее словам, школ с украинским языком обучения в Крыму нет. На полуострове осталась сеть из 17 классов с украинским языком обучения, в том числе в Академической гимназии Симферополя. Также не пользуется спросом факультет украинской филологии в Крымском федеральном университете, куда заявлений тоже не поступало. В то же время, сеть школ с крымскотатарским языком обучения в Крыму оставалась на уровне 15 учебных заведений, с 1 сентября к 29 классам с преподаванием на крымскотатарском языке добавились еще 3 класса первой параллели [1].

В 2017 г. в Крыму всего 371 ребенок получал образование на украинском языке. Это составляло 0,1% от общего числа учеников в регионе. По данным Минобразования, во всем Крыму оставалась только одна школа с украинским языком обучения – в Феодосии. Там обучались 132 человека, и существовало 9 классов. Еще в 12 школах, где основным языком обучения является русский, насчитывалось 19 украиноязычных классов. В это время 5,4 тысячи детей обучались на крымскотатарском языке, что составило 3% от общего числа школьников [2].

При этом никакой насильственной русификации в Крыму нет. Никто не пытается запретить украинский язык. Любой ребенок мо-

жет обучаться на украинском языке. Министерство образования готово открывать украинские классы и школы – были бы желающие. А желающих нет. И никто не пытается защитить украинский язык, никто не устраивает шествий в его защиту. Потому что в Крыму он никому не нужен. Как отмечают очевидцы, если завтра в Киеве разрешат родителям и детям выбирать, учить им или не учить украинский язык, то ситуация мало чем будет отличаться от Крыма [14].

В Севастополе, который по Конституции РФ, является городом федерального значения, ситуация несколько иная: согласно российскому законодательству украинский язык в городе не является государственным и правовых оснований для полноценного преподавания в средних школах города на украинском языке не существует. Тем не менее, классы с украинским языком обучения имеются в четырех школах города.

Украинские СМИ начали кампанию по дезинформации относительно реальной ситуации с изучением украинского и крымскотатарского языков и, главным образом, против реальной мотивации крымчан к изучению русского языка, утверждая, что из семи украинских школ, которые были до «оккупации» Крыма, в настоящее время на полуострове не осталось ни одной, а из 16 школ, которые вели обучение на крымскотатарском языке, осталось лишь семь [3]. По информации той же Крымской правозащитной группы, основанной на результатах своего мониторинга (?!), за последние три года в Крыму количество классов с украинским языком обучения сократилось в 31 раз. Численность учеников, которые получают образование на украинском языке, уменьшилась в 36 раз. Никто не мешает крымчанам свободно общаться между собой на украинском языке, но в органах власти и на официальных мероприятиях он не используется [15].

В докладе Верховного комиссара ООН по правам человека, опубликованном в 2018 г., сообщается, что «в 2013/14 учебном году на украинском языке обучалось 12694 человек. После оккупации Крыма в 2014/15 учебном году это число уменьшилось до 2154, в 2015/16 – до 949, в 2016/17 – до 371... В апреле 2015 г. из Крыма выехал многолетний директор единственной украиноязычной гимназии Симферополя, вероятно, из-за угрозы и притеснения. За период с 2013 до 2017 гг. количество украинских школ уменьшилось с семи до одной, а число украинских классов – с 875 до 28» [5]. Причинами, по мнению чиновников ООН, так и не

побывавших в Крыму, являются преимущественно русская культурная среда, введение образовательных стандартов РФ и выезд проукраинских жителей Крыма на материковую часть Украины.

Миссия ООН тем не менее, констатировала, что ситуация с крымскотатарским языком совсем иная: количество учащихся осталось неизменным «в основном благодаря высокому уровню культурного самосознания среди крымских татар».

Вообще, ООН регулярно «отмечается» в поддержку Украины в своих документах: 72-я сессия Генассамблеи (2017 г.) приняла резолюцию «Положение в области прав человека в Автономной Республике Крым и городе Севастополе, Украина», в которой требует от России разрешить на полуострове деятельность организации «Меджлис крымскотатарского народа» (признанной экстремистской и запрещенной на территории РФ) и обеспечить доступность обучения на украинском и крымскотатарском языках [18]. (За принятие резолюции проголосовали 70 государств; против – 26; 76 стран воздержались).

В 2018 г. Украина в рамках подготовки к 73-й сессии Генассамблеи подготовила очередную резолюцию по Крыму, в которую намеревается включить вопросы по Крыму и Донбассу. Однако, в принятой 17 декабря 2018 г. резолюции ГА ООН по Крыму языковые проблемы не упоминаются.

Необходимо отметить, что свертывание изучения украинского языка не привело к обострению этнополитической ситуации на полуострове. Осуществление проекта «Мониторинг этнополитических процессов в Крыму», проведенного в марте 2015 г. во всех административно-территориальных образованиях Республики Крым, показало, что 82,2% респондентов оценили состояние межнациональных отношений как «нормальное».

Для того чтобы понять причины такого обвального падения интереса к изучению украинского языка в Крыму, необходимо вернуться в 1954 г., когда Крым был передан Украинской ССР.

Крымский обком КПУ предлагал ввести преподавание украинского языка и литературы с 1955-1956 учебного года. В письме в адрес ЦК КПУ, утвержденном бюро обкома, отмечалось: «В связи с передачей Крымской области в состав Украинской ССР, Крымский обком КП Украины считает необходимым ввести в 1955-1956 учебном году изучение украинского языка и литературы в школах

Крымской области» [24]. Это было мотивировано тем, что из 2193 учителей начальных классов лишь 94 педагога знали украинский язык, хотя и не имели опыта преподавания на нем. А всего надо было подготовить 1500 преподавателей для II-IV классов на краткосрочных курсах, обеспечить учебниками 320 семилетних и 140 средних школ. Кроме того, в каждую семилетнюю школу необходимо было направить одного преподавателя украинского языка, а в среднюю – двух, всего – 600. Они, кстати, должны были вести занятия в школах рабочей и сельской молодежи. Для обеспечения методической работы и осуществления контроля за уровнем преподавания украинского языка и литературы в школах предполагалось ввести дополнительно в штат Облono трех инспекторов, а Севастопольского, Симферопольского, Керченского, Ялтинского, Евпаторийского, Феодосийского, Джанкойского, Белогорского, Красногвардейского и Сакского отделов образования – по одному, а при областном институте усовершенствования учителей открыть кабинет украинского языка и литературы в составе заведующего и двух методистов [24]. Планировалось постепенно проводить переподготовку учителей в областном институте повышения квалификации учителей, но уже в ноябре 1954 г. под давлением Киева в пяти начальных классах симферопольских школ начали преподавать украинский язык, предварительно проведя лишь однодневный семинар для учителей и раздав соответствующие программы и учебники [7]. Через два года по учебному плану Министерства народного образования Украины работало уже 115 классов 70 школ, в которых училось 2383 детей.

На Крымской областной партконференции, проходившей 10 марта 1954 г., второй секретарь КЦ КП Украины (будущий Председатель Президиума Верховного совета СССР) Николай Подгорный так ответил на вопрос делегата о порядке введения на полуострове украинского языка: «Этот вопрос, насколько мне известно, волновал трудящихся Крымской области еще задолго до того, как был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР о передаче Крымской области в состав Украинской ССР. Видимо, слухи просачивались понемногу, и вокруг этого вопроса состоялось определенное, как говорят, общественное мнение, и вопрос в том, как будет происходить украинизация, как будут приезжать украинские работники из других областей и целый ряд других вопросов вол-

новали население Крымской области. Я должен сказать, что эти разговоры абсолютно беспочвенны, надо иметь в виду, что на Украине таких областей, как Крымская, или почти таких, много. Сюда относятся Ворошиловградская, Сталинская и ряд других областей, где преподавание в школах ведется на русском языке, делопроизводство также ведется на русском языке. Очевидно, точно так будет и в Крымской области...И мы никогда не ставили перед собой задачи, как только присоединится Крым к Украине, все пойдет вверх дном, все перевести на украинский язык» [23].

Введение в Крыму украинского языка вызвало массовое недовольство населения, что было отражено в постановлении обкома следующим образом: «Нам не надо недооценивать фактов неправильного понимания перехода Крыма в состав УССР, фактов (хотя и редких, но все же имеющих), нездоровых или болезненных настроений и высказываний. Некоторые наши работники ошибочно расценивают мероприятия по ознакомлению с украинским языком и изучением его в школах как украинизацию. Таким товарищам необходимо разъяснить, что эти меры ничего общего с украинизацией не имеют» [25].

Для проведения украинизации из других регионов Украины в Крым направлялось большое число переселенцев, дети которых составили основной контингент обучающихся на украинском языке, потому что многие из них не могли переключиться на русский язык. Этот процесс развивался до принятия нового союзного закона об образовании, который предусматривал право родителей выбирать язык обучения своих детей. До 1991 г. от изучения украинского языка в Крыму можно было отказаться, что привело к катастрофическим последствиям для его изучения и использования на полуострове.

Толчком к свертыванию изучения украинского языка послужила жалоба нескольких родителей в ЦК КПСС и ЦК КПУ на принуждение детей к обучению на украинском языке. Бюро обкома КПУ немедленно рассмотрело вопрос «О фактах нарушения принципа добровольности в изучении украинского языка в средней школе № 15 г. Симферополя» и признало нарушения статьи 9 Закона «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в Украинской ССР». Директор, завуч и парторг школы были наказаны за то, что «допустили по отношению к родителям и ученикам, не пожелавшим изучать украинский язык,

элементы бестактности, разными путями затягивали удовлетворения их законных требований» [26]. Выговоры получили также зав. Облоно и зав. отделом школ Крымского обкома. Такое решение обкома отбило у многих желание внедрять на полуострове украинский язык. Наоборот, стали применяться самые различные способы его вытеснения. Так, под предлогом убыточности, то же бюро обкома ликвидировало газету «Советский Крым» на украинском, прекратило перевод на украинский журнала «Блокнот агитатора» и бюллетеня «Виноградничество и садоводство Крыма», прекратило контроль за распространением в Крыму книг украинских писателей.

Из года в год количество школьников, изучавших украинский язык, стало уменьшаться. В 1966-1967 учебном году осталось всего 3 школы-интерната с обучением на украинском языке – Джанкойская 8-летняя на 210 учащихся, Симферопольская средняя – на 308 и Гвардейская 8-летняя на 175 учащихся [20]. Через год украинскую школу в Джанкое ликвидировали, а в 1970-1971 учебном году осталась только одна такая в Симферополе, в которой обучалось 412 учащихся. В следующем году в ней уже не набирался первый класс, не планировались и 9-10 классы [21].

Вне школы на официальном уровне украинский язык использовался только для приема делегаций зарубежных украинцев. Когда в 1960 г. уже первый секретарь ЦК КПУ Н.В. Подгорный попытался выступить на украинском на одном из правительственных приемов и стал путать украинские слова с русскими, его оборвал Н. С. Хрущев: «Николай Викторович, ты забыл украинский язык, давай дуй по-русски, так будет всем понятно» [9].

В следующий раз вопрос об использовании украинского языка в Крыму возник через год, когда ЦК КПУ и Совет министров УССР приняли постановление «О мерах по обеспечению приема советских и иностранных туристов в городе Севастополе», обязывавшее установить на шоссе Ялта – Севастополь указатели на русском, украинском и латинском языках [22]. Это однозначно означало, что украинская школа в Крыму перестала существовать. Однако с развалом СССР обучение украинскому стало обязательным.

В 1998 г. в Конституции Автономной Республики Крым в составе Украины был закреплен статус украинского языка как единственного государственного. 26 мая 2010 г. Верховный совет Автономной Республики Крым утвердил русский язык одним из двух региональных

языков на территории всей республики, помимо государственного украинского языка. Севастопольский городской совет также принял решение о предоставлении русскому языку статуса регионального, однако Ленинский районный суд Севастополя отменил это решение.

Все двадцать три года украинской «незалежности» в Крыму шла жесточайшая борьба за сохранение русских школ и русского языка. Украина методично вела наступление на русский язык и образование на русском. Несмотря на статус автономной республики, всё делопроизводство официальных ведомств было в приказном порядке переведено на «мову». В паспортах демонстративно меняли русские имена на украинские. Министерство образования и науки Украины издало одиозный приказ № 461 от 26 мая 2008 г., по которому во всех школах Крыма вводилась трехлетняя программа по «улучшению изучения украинского языка в общеобразовательных учебных учреждениях с обучением на языках национальных меньшинств». (Как известно, к языкам национальных меньшинств в Украине помимо венгерского, румынского, польского и некоторых других отнесен и русский). В приказе был 31 пункт, увеличивающий с 1 сентября количество часов преподавания на украинском языке. Так, ученикам 10-11-х классов, в дополнение к уже существовавшим часам, выделялось два дополнительных часа в неделю на украинскую литературу «за счет вариативной составляющей учебных планов» – то есть за счет других предметов и других языков. В обязательном порядке вводилась практика двуязычного преподавания. Для начала истории Украины и математики, а со следующего года украинская литература и история Украины должны были полностью преподаваться на украинском языке, а в качестве обязательных «двуязычных» ученикам и учителям был предоставлен на выбор любой другой предмет [11].

Противники перевода обучения на украинский язык отмечали, что многие дети в первом классе изучают одновременно три языка: русский, называемый грамота или письмо, украинский и английский. В западных регионах такого не было: там учили грамоте и общались в семье на государственном языке. В Крыму в результате смешения двух близкородственных языков дети начинали говорить на суржике и неграмотно писать. Это влияло не только на грамотность и общий уровень знаний, но и заметно снижало оценку на экзаменах, тестировании и т. д. В конечном итоге абитуриенты из русскоязычных ре-

гионов имели заведомо более низкие шансы на поступление в украинские институты и университеты [15].

Даже украинские защитники «угнетенного» украинского языка вынуждены признать, что истинная причина потери интереса к изучению и обучению на украинском языке иная: на полуострове исторически сложились условия, в которых жителям не нужно было знать украинский язык. Начиная с детского сада и продолжая обучение в школе и вузе, маленький крымчанин попадал в русскоязычную среду: «Такая ситуация приводила к тому, что крымчанин мог родиться, выучиться и всю жизнь проработать, ни разу не применив на практике знания, полученные на двух в неделю уроках украинского языка. Более того, бланки украинских документов заполняли по-русски даже в государственных учреждениях, что уж там говорить о частных предпринимателях!» [10]. Кроме того, полуостров покинули украинские военные с семьями, а крымским абитуриентам больше не нужен украинский язык для поступления в вузы Украины, поскольку необходимости поступать туда нет.

Необходимо отметить, что аналогичная ситуация происходит и на Донбассе [8]. Учитывая демографический фактор, по мере выбывания из системы образования старших возрастных когорт, доля обучающихся на украинском языке будет и дальше сокращаться.

Литература

1. В Крыму не хотят учить украинский язык. – Режим доступа: URL: <http://www.reeana.ru/12439>.
2. В Крыму украинский язык в школах не популярен – Минобразования. – Режим доступа: URL: <https://crimea.mk.ru/articles/2017/03/03/v-krymu-ukrainskiy-yazyk-v-shkolakh-ne-populyaren-minobrazovaniya.html>.
3. В оккупированном Крыму не осталось школ с украинским языком обучения. – Режим доступа: URL: <https://realist.online/news/v-okkupirovannom-krymu-ne-ostalos-shkol-s-ukrainskim-yazykom-obucheniya>.
4. Государственные языки Крыма. – Режим доступа: URL: <https://www.votpusk.ru/story/article.asp?ID=15898>.
5. Доклад ООН: как Россия нарушает права крымчан. – Режим доступа: URL: <https://ru.krymr.com/a/29109544.html>.
6. Закон Республики Крым «Об образовании в Республике Крым». – Режим доступа: URL: crimea.gov.ru/textdoc/ru/7/act/131z.pdf.
7. Как жил Крым после присоединения к Украине. – Режим доступа: URL: <http://russian7.ru/post/kak-zhil-krym-posle-prisoedineniya-k-ukr/>

8. «Красивый, как вышиванки»: Почему Донбасс и Крым забывают украинский язык. – Режим доступа: URL: http://ruskline.ru/news_rl/2017/06/07/krasivyy_kak_vyshivanki_pochemu_donbass_i_krym_zabyvayut_ukrainskij_yazyk/

9. Крымская правда. – 21 апреля 1998 г.

10. Крымское «гетто» для украинского языка. – Режим доступа: URL: <http://news24today.info/krymskoe-getto-dlya-ukrainskogo-yazyka.html>.

11. Мёртвый язык русского Крыма. – Режим доступа: URL: <https://fishki.net/anti/1642177-myortvuj-jazyk-russkogo-kryma.htm>.

12. Минобрнауки России берет на контроль исполнение поручений Президента Российской Федерации об изучении русского и национальных языков в школах. – Режим доступа: URL: <https://минобрнауки.рф/м/новости/10824>.

13. Миронова А. Малым народам – малый язык. – Режим доступа: URL: <https://www.gazeta.ru/comments/column/mironova/10965062.shtml>.

14. Никитин А. Матвиенко: в ряде регионов до 10% населения не владеет русским языком. – Режим доступа: URL: <https://www.vz.ru/news/2017/3/2/860216.html>.

15. Обучение на украинском языке в Крыму. – Режим доступа: URL: <https://odnarodyna.org/content/obuchenie-na-ukrainskom-yazyke-v-krymu>.

16. Путина просят спасти русский язык в национальных республиках России. – Режим доступа: URL: <http://kazan.mk.ru/articles/2015/05/14/putina-prosyat-spasti-russkiy-yazyk-v-nacionalnykh-respublikakh-rossii.html>.

17. Путин рассказал ученым о подрывной роли Ленина в российской истории. – Режим доступа: URL: <http://www.interfax.ru/russia/490856>.

18. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 19 декабря 2017 года 72/190. Положение в области прав человека в Автономной Республике Крым и городе Севастополе, Украина. – Режим доступа: URL: <http://undocs.org/ru/A/RES/72/190>.

19. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ от 29 декабря 2012 года с изменениями 2018 года. – Режим доступа: URL: <http://zakon-ob-obrazovanii.ru/>

20. ЦДАВОВУ. – Ф. 166. – Оп. 15. – Спр. 5407. – Арк. 76, 175, 397.

21. ЦДАВОВУ. – Ф. 166. – Оп. 15. – Спр. 8185 – Арк. 105.

22. ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 52. – Спр. 2303. – Арк. 158.

23. ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 52. — Спр. 4990. – Арк. 184.

24. ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 52. – Спр. 4998. — Арк. 247.

25. ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 52. – Спр. 5813. – Арк. 21.

26. ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 53. – Спр. 1440. – Арк. 241.

27. Я русский бы выучил только за то... – Режим доступа: URL: <https://www.vz.ru/columns/2017/7/24/879930.html>.

M. A. Marusenko, N. M. Marusenko, M. S. Samarina

RUSSIAN LANGUAGE IN CRIMEA: HISTORY OF RETURN

Abstract. *The problem of changing the ethno-linguistic situation in the education system of Crimea is considered as the result of two synergistic factors: the return of Crimea to the Russian Federation and the shift of the paradigm of language policy from ethno-cultural to national-functional. The protests of human rights defenders, experts, students and their parents, who drew attention to the situation of the Russian language in the national republics, especially in the field of education, which began in 2015, finally provoked a response from the country's leadership. All this led to the introduction of amendments to the Federal Law "On Education in the Russian Federation" No. 273-FZ, which caused heated debates in a number of subjects of the Russian Federation. This clearly indicates that the Russian society and the state as a whole have already made the transition to a new paradigm of language policy - national-functional, which for almost half a century has been implemented in many multi-ethnic and multilingual states, which include, for example, all BRICS countries and so called "new Asian tigers". It is an integral part of the ideology of development, in which language is viewed primarily as a means of increasing the language capital of a person — an integral part of human capital, which during its life is transformed into economic, professional, social and other forms of human capital. Most clearly, this transition demonstrates a change in the language situation in the Republic of Crimea. The termination of forced Ukrainization, which continued from 1954 to 2014, led to a slump in the need to use the Ukrainian language in the Crimea. Since 2014, there has been a decrease in the number of schoolchildren studying in the Ukrainian language and learning the Ukrainian language, influenced by geopolitical factors and the fallout of the Ukrainian language from the linguistic capital structure of the inhabitants of Crimea.*

Keywords: *language policy, Crimea, ethno-cultural paradigm, national-functional paradigm, Ukrainian, Russian, language capital.*

Н. В. Миронова

**ТРАДИЦИОННЫЕ РУССКИЕ ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ
ИЗ ФОНДОВ
КРЫМСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ**

Аннотация. В статье рассматриваются традиционные русские головные уборы замужних женщин конца XIX – начала XX веков из коллекции Крымского этнографического музея. Дается краткая характеристика основных типов женских головных уборов, рассматривается история происхождения наиболее старинных из них.

Ключевые слова: музей, коллекция, русский костюм, головные уборы.

Из глубины веков ведет свое начало история головных уборов, которые выполняли не только утилитарные, но и более широкие функции: выступали как обереги, свидетельствовали о социальном статусе, семейном положении, богатстве, а также украшали весь комплекс одежды. Головной убор в женском русском национальном костюме не является обычным аксессуаром. Это очень важная и обязательная часть повседневной и праздничной одежды.

Эволюция женского головного убора была в значительной мере обусловлена религиозными воззрениями, требовавшими, чтобы замужняя женщина тщательно закрывала свои волосы от постороннего взора [6]. Считалось, что выставленные напоказ волосы замужней женщины могут притянуть горе не только ей, но и всем окружающим. Если замужняя женщина случайно или нарочно «засветит волосом», то есть, если в присутствии постороннего станет видна хотя бы одна прядь её волос, это станет для неё величайшим позором [2]. «Опростоволоситься», то есть остаться с непокрытой головой, было для женщины большим позором. Если же это произошло не по ее вине (например, с нее сорвали головной убор в пылу ссоры), то

можно было обратиться в суд и получить с обидчика плату за «бесчестье» [4].

В настоящей работе представлен анализ основных типов традиционных русских головных уборов замужних женщин конца XIX – начала XX вв. из коллекции Крымского этнографического музея.

Фонды Крымского этнографического музея за последние годы пополнились различными типами женских головных уборов конца XIX – начала XX вв. В число новых экспонатов входят восемь головных уборов, которые носили замужние женщины – типов «борушка», «бархатник», «кокошник» (2 экз.), «сорока» (2 экз.), «сборник», «повойник».

Головной убор типа «борушка» (КП-8454, ИБ-4158). Вологодская губерния, Тарногский район, начало XX в.

Представлена в виде мягкой шапочки, сшитой из бархата в крупный цветочный орнамент желтого и фиолетового цветов. Очелье украшено широким позументом, над ним собраны складочки «боры». Задняя часть изделия обшита черной тканью и собрана на завязку.

Характерной особенностью «борушки» было широкое очелье и возвышение над теменем, заложенное спереди вертикальными плотными валиками – борами. Выдающаяся вперед лобовая часть донца «борушки» характерна для Севера Европейской России и помогала сохранить форму убора в случае, если на него сверху надевался платок. На затылке делался разрез, в который вставлялся шнурок; с его помощью убор можно было стянуть до нужного размера.

Этот вид головного убора замужней женщины близок распространенным на Руси «сборнику» и «повойнику». По сути, это разные названия одного и того же типа шапочки, под которую убирались женские волосы.

Головной убор типа «бархатник» (КП-8453, ИБ-4157). Белгородская губерния, Борисовский район, село Никитское (ранее Курская губерния), конец XIX – начало XX вв. (Рис. 1).

Представлен в виде шапочки цилиндрической формы на жесткой основе с высоким очельем, изготовлен из бордового бархата, очелье украшено позументом и шерстяными помпонами. Сзади пришиты три обвитых металлизированной нитью шнура с кистями и украшение из лент.

Классический бархатник – женский головной убор типа «кокошника» цилиндрической формы, имел плоский овальный или круглый

верх. Шился из парчи и бархата на твердой основе с подкладкой из холста, ситца. Спереди украшался полосой позумента, сзади к нижней кромке крепились ленты, кисти из шелка или гаруса под названием «батог», около висков закреплялись шерстяные помпоны. Надевался поверх сборника – шапочки из тонкой ткани. Наш головной убор полностью соответствует классическому образцу.

В музейной коллекции представлены **два головных убора типа «кокошника»** Нижегородской губернии конца XIX – начала XX вв. (КП-8456, ИБ-4160, КП-8457, ИБ-4161).

Сшиты в виде плотной шапочки с «ушками» и высоким очельем, из ткани с золотным шитьем в виде цветочного орнамента, по очелью и контуру украшен золотистым позументом.

Этот головной убор являлся дополнением костюма как крестьянок, так и горожанок, принадлежащих к купеческому и мещанскому сословию. «Кокошники» были разнообразны по конструкции и характеру украшений. По конструкции выделялись несколько видов «кокошников»: однорогие, двурогие, сшитые в виде конуса с удлиненной передней частью и «кокошники» в виде шапочек с высоким очельем и плоским округлым верхом, украшенные золотошвейной вышивкой. Они имели небольшие лопасти, прикрывавшие уши, позатыльник-полосу ткани на твердой основе, пришитую сзади. Главной их особенностью было то, что они плотно охватывали голову, закрывая волосы, заплетенные в две косы и уложенные венком или пучком. Рассматриваемые нами «кокошники» относятся к последнему типу, широко распространенному в северо-западных регионах России.

Обычно «кокошник» надевали в праздники, в будни ограничиваясь ношением «повойника». Это делает его важным элементом праздничных костюмов. Для женского южнорусского костюма с понёвой в качестве головного убора замужних женщин, были характерны сложные кички и сороки, состоящие из нескольких частей [1, с. 341]. Наиболее древними из них являются рогатые головные уборы, которые носят только замужние женщины – «кичка», «рога», «рожки». Рога по вере наших предков обладали большой оберегающей силой. Также рога в славянской мифологии обозначали плодородие и продолжение рода. Женщина, особенно недавно вышедшая замуж и имеющая маленьких детей, должна была иметь силы и средства защитить их и себя от нечистой силы и злого глаза [5, с. 320-321].

Рога на «кичке» были обычно лубяные и достигали в высоту 20 см и даже больше. В XIX в. сельское духовенство объявило ей войну, связывая её происхождение с наследием язычества. Священники не допускали женщин в рогатых головных уборах к причастию, а иногда и вообще в церковь, и часто достигали того, что крестьянки меняли рогатую «кичку» на безрогую или на простой платок. Также борьбу вели и некоторые помещики, старавшиеся одевать своих крепостных по последней моде [3, с. 71-72].

Таким образом, под влиянием новой моды и современной культуры женщины изменили рогатую «кичку» так, что рога не возвышались больше надо лбом, а лежали на голове горизонтально, но их острые концы были направлены больше назад, чем вверх. Эту разновидность рогатой «кички» Д. К. Зеленин называет «кибалкой» [5, с.323]. Она служила лишь каркасом для верхнего головного убора, и как самостоятельный головной убор не употреблялась. Поверх этого рогатого каркаса русские накидывали узорный платок особого кроя, известный под названием «сорока».

«Сорока» – старинный русский головной убор замужних женщин или его часть. Его часто называют словом «кичка», «сруза». Был широко распространен в центральной и южной России. Сорока свое название получила от птицы сороки, на которую она похожа благодаря своей пестрой расцветке. По мнению Зеленина Д. К., головной убор «сорока» употреблялся в двух разных значениях. Первое, как общее название всего головного убора в целом, состоящего из большого количества, от 8 до 14 отдельных частей и весом до 19 фунтов. Второе значение, как верхняя часть данного убора, состоящая из украшенного различным способом и особо выкроенного куска ткани [5, с. 329-331].

Основными предметами, образующими в совокупности этот головной убор, были «кичка» (т.е. кибалка), увязки (искусственные косы), позатыльник, собственно «сорока», макушки (короткие и широкие шелковые ленты, нижние концы обшиты бахромой), косицы или пейсики (перья). «Сорока» в разных местностях различалась по степени сшитости своих частей. Она могла быть совершенно развернутого покроя, в виде куска ткани, либо сшита до полной шапочки [5, с. 331-336].

Этот головной убор изготавливался из шелка, кумача, бархата на холщовой основе и украшался вышивкой, бисером, золотым шитьем.

Богатую «сороку» молодым позволяли носить по праздникам, первые два-три года после замужества.

«Сороки» разных губерний отличались друг от друга. Наиболее известными являются каргопольская и воронежская «сороки».

В музейной коллекции представлен **головной убор типа «сорока»** (КП-8604, ИБ-4305). Воронежская губерния, Бирючинский уезд, с. Подсереднее, конец XIX – начало XX вв. (Рис. 2).

Состоит из трех элементов: позатыльника, кички и собственно «сороки». Кичка – состоит из твердой полукруглой основы с «рожками» и мешочка для волос, сшитого из красной ткани с орнаментом. Позатыльник фигурной формы, малинового цвета, украшен шестью «махрами» в виде кругов и вышивкой металлизированными нитями золотистого цвета. «Сорока» каблучкообразной формы – в виде шапочки с выступом, малинового цвета. Украшена вышивкой золотными нитями, блестками, бисером и пятью круглыми деталями с «махрами». «Кичку» одевали на голову на уровне лба и тщательно закрывали холстом женские волосы, затем фиксировали шнуром ткань на голове. Позатылень укладывался сзади, прикрывая волосы на затылке и часть шеи, и завязывался тесемками вокруг «кички» под «сорокой». И, наконец, сверху на рожки надевают сверкающую золотом маленькую «сороку», которая венчает все это сооружение. Встречаются также «сороки», состоящие только из двух частей: собственно «сороки» и позатыльника.

Головной убор типа «сорока» (КП-8455, ИБ-4159). Курская губерния, Белёвский район, деревня Белица, вторая половина XIX в.

Состоит из «сороки» и позатыльника. Позатыльник из красного бархата, прямоугольной формы, на твердой основе, с завязками. Украшен широким позументом с двумя выделенными розетками. Розетки и поле украшены стразами и блесками. Тыльная сторона обшита красной хлопчатобумажной тканью. «Сорока» в виде твердой шапочки лопатообразного типа, обшита золотистым позументом.

Представленные «сороки» являются праздничными головными уборами замужних женщин, а «сорока» из Воронежской губернии, возможно, была свадебной.

«Сорока» являлась зачастую самой дорогой частью всего гардероба. Именно высокая стоимость сыграла с ней злую шутку – до на-

ших дней они почти не сохранились. К началу XX века этот тип головного убора вышел из употребления.

В музейной коллекции представлены и более поздние головные уборы замужних женщин типа «повойник», которые приходят на смену сложным крестьянским головным уборам. Такие чепцы шили из легкой, чаще всего фабричной ткани, и назывались «повойниками» или «сборниками». Они появляются приблизительно в 1910-е гг.

Головной убор типа «сборник» или «повойник» (КП-8466, ИБ-4170). Рязанская губерния, конец XIX – начало XX вв.

Представлен в виде мягкой красной шапочки на подкладке, с тремя лентами, спускающимися по спинке. Украшен нашитым разноцветным бисером, стеклярусом, пуговицами.

Головной убор типа «повойник» (КП-8476, ИБ-4180). Рязанская губерния, конец XIX – начало XX вв.

Представлен в виде мягкой шапочки бордово-сиреневого цвета со сборками, сплошь украшенной разноцветными блестками и бисером.

Анализ рассмотренных женских головных уборов позволяет сделать следующие выводы:

1. Представленные женские головные уборы являются элементами праздничных костюмов. Такие изделия изготавливались профессиональными мастерицами и стоили очень дорого. Их бережно хранили и передавали по наследству от матери к дочери.

2. Представлены три основных типа головных уборов:

- типа «кокошник», который порой имел в разных регионах иное название, как, например, «бархатник» (КП-8453, ИБ-4157);

- кичкообразный головной убор. Он был составным, как правило, состоял из нижней части рогатой кички и верхней богато украшенной «сороки», а также позатыльника. (КП-8455, ИБ-4159, КП-8604, ИБ-4305);

- типа «сборник» или «повойник», который приходит в начале XX в. на смену сложным крестьянским многосоставным головным уборам (КП-8466, ИБ-4170, КП-8476, ИБ-4180).

Таким образом, головные уборы на Руси постепенно трансформировались и видоизменялись. К началу XX в. область распространения кичкообразных головных уборов сокращается. Они вытесняются «кокошником» и другими более поздними головными уборами типов «сборник», «повойник» и, в том числе, разнообразными платками.

Литература

1. Александров В. А. Русские / В. А. Александров, И. В. Власова, Н. С. Полищук. – М.: Наука, 2005. – 828 с.
2. Головацкий Я. Ф. О народной одежде и убранстве Русин или русских в Галичине и северо-восточной Венгрии. – СПб.: типография В. Киршбаума, 1877. – 26 с.
3. Зеленин Д. К. Великорусские говоры. – СПб.: типография А. В. Орлова, 1913. – 544 с.
4. Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. – М.: Наука, 1991. – 511 с.
5. Зеленин Д. К. Женские головные уборы восточных (русских) славян // Slavia. – 1926. – №2. – С. 300-338.
6. Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX и XX вв. – М.: Наука, 1984. – 214 с.

N. V. Mironova

TRADITIONAL RUSSIAN HEADRESSES OF THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES FROM FUNDS OF THE CRIMEAN ETHNOGRAPHIC MUSEUM

Abstract. This article examines the traditional Russian headdresses of married women of the late XIX - early XX centuries from the collection of the Crimean Ethnographic Museum. It gives a brief description of the main types of women's headdresses, examines the history of the origin of the most ancient of them.

Keywords: museum, collection, Russian costume, headdresses.

Рис. 1. КП-8453, ИБ-4157 Головной убор – «бархатник». Белгородская губ., Борисовский р-н, с. Никитское, кон. XIX – нач. XX вв. Из коллекции КЭМ.

Рис. 2. КП-8604, ИБ-4305 Головной убор – «сорока». Воронежская губ., Бирючинский уезд, с. Подсереднее, кон. XIX – нач. XX вв. Из коллекции КЭМ.

Л. А. Науменко

ФОРМИРОВАНИЕ КОЛЛЕКЦИИ КРЫМСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

***Аннотация:** В статье обозначены основные направления формирования коллекции Крымского этнографического музея с 1992 по 2020 гг. Дана краткая характеристика ярких закупленных коллекций, названы приоритеты формирования фонда музея, проанализированы формы поступлений через дарения. Данная работа является первой попыткой анализа собранной коллекции Крымского этнографического музея за 30-летний период его существования.*

***Ключевые слова:** Крымский этнографический музей, музейные коллекции, комплектование фондов, музейный предмет.*

Крымский этнографический музей был создан 14 декабря 1992 г. в соответствии с Постановлением Совета Министров Автономной Республики Крым «О создании Крымского этнографического музея на правах филиала Крымского республиканского краеведческого музея» [1, С. 377-380]. С этого момента началась история нового учреждения культуры на территории полуострова. Музей был создан без единого экспоната. Первым успехом коллектива стала организация весной – летом 1993 г. нескольких полевых этнографических экспедиций по сбору предметов старины, проживавших здесь народов и конфессий. Результаты экспедиций (765 новых музейных экспонатов!) презентовала одна из первых самостоятельных выставок музея «Летний сезон Музея этнографии», открывшаяся осенью 1993 г. в выставочном зале Крымского республиканского краеведческого музея (ныне – Центральный музей Тавриды). К началу 1994 г. фонды музея уже насчитывали 1165 единиц хранения, представлявших культуру и быт 16 народов Крыма [6, с. 355].

На 1 января 2021 г. коллекция музея насчитывает 15065 единиц хранения (9520 основной фонд, 5545 научно-вспомогательный) и представляет культуры 28 народов, проживающих в Крыму. К самым

большим группам по комплектации предметов относятся русские, украинцы и крымские татары.

Комплектование фондов музея ведется по трем основным направлениям: закупка, экспедиционные сборы и этнографические разведки, дарения.

Активно формировалась коллекция музея через закупку с 1992 по 1996 гг. и с 2015 по 2020 гг. С 1992 г. по 1996 гг. было закуплено 664 предмета основного фонда, при этом на 1 января 1997 г. количество предметов основного фонда в музее было 1611 предметов. То есть 40% предметов было закуплено. Почти похожую ситуацию мы наблюдаем и при формировании коллекции с 2015 по 2020 гг. За указанное время в фонды музея поступило 1953 предмета основного фонда, из них закупили 650, что составило чуть более 30%. С 1997 по 2015 гг. ситуация меняется, и коллекция формируется только через дарения, не считая единичных случаев закупки предметов.

Нужно сказать о наиболее ярких коллекциях, приобретенных музеем. В 2007 г. Крымский этнографический музей за собственные средства закупил у симферопольского коллекционера Ю. К. Наскрипняка коллекцию самоваров и предметов чайной церемонии в количестве 98 предметов. 45 из них составляли самовары. Коллекция ценна для музея, прежде всего, своими размерами. Вместе оказались собранными около ста единиц близких по тематике предметов, являющихся целостным источником по истории русской традиционной культуры конца XIX – начала XX вв. Также следует отметить обилие в ней фабрик-изготовителей разнообразных по форме и объему самоваров, от самых маленьких, емкостью до 200 граммов, до наиболее крупных, вместимостью до 20 литров. В настоящее время в коллекции музея насчитывается около 80 самоваров и 150 предметов чайной церемонии [5, С. 18-22].

В 2015 г. была закуплена коллекция традиционной женской одежды Курской, Воронежской, Белгородской, Тамбовской, Новгородской и Вологодской областей в количестве 56 единиц. Широкий географический охват территорий на примере этой коллекции позволяет продемонстрировать многообразие типов одежды в их локальных вариантах. Достоинство коллекции заключается в том, что все предметы ее составляющие типичны и традиционны для русской культуры конца XIX – начала XX вв.

Учитывая, что формирование коллекции костюмов народов Крыма в Крымском этнографическом музее является одним из приоритетных направлений комплектования фондов, в 2016 г. была снова закуплена коллекция старинных костюмов и головных уборов (девять предметов) конца XIX – начала XX вв. Вологодской, Пензенской, Рязанской, Томбовской, Белгородской, Нижегородской и Курской областей в количестве 32 предметов из личного собрания С.А. Глебушкина. В данном случае хочется акцентировать внимание на том факте, что коллекция старинных русских головных уборов (кроме платков и шалей), которая включала в себя уникальные образцы ручной работы, приобреталась музеем впервые за все время его существования. Также закупались костюмы южных регионов Российской империи (специфика переселения населения в Крым) в 2017 и 2018 гг. Таким образом, в настоящее время Крымский этнографический музей является обладателем 50 костюмов (женских и два мужских) из южных регионов России.

Формировалась коллекция и при помощи меценатов, которые предпочитали не афишировать собственное имя. Так, в музее появился женский серебряный пояс в традициях «Кубачи», Северный Кавказ, начало XX в. (КП-3978, ИБ-1859), два наверхия на фес (женское (КП-6036, ИБ-2645) и для девочки (КП-6037, ИБ-2646)), пряжка женского пояса с девятью сулюками конца XIX в., сделанная из серебра с позолотой в технике «фоновой филигрании» (КП-6038, ИБ-2647) [4, с. 212; 8].

Поступали предметы в музей и в результате экспедиционных сборов и этнографических разведок.

В 90-е гг. XX в. основным направлением сборов предметов были этнографические разведки. Именно в это время была заложена основа будущей коллекции музея. Проанализировав результаты полевых выездов этого времени, можно сделать вывод о том, что сотрудниками музея был сделан огромный вклад по формированию и комплектованию коллекции Крымского этнографического музея. Обратимся к цифрам –

- 1993 г. – собрано 765 предметов;
- 1994 г. – 115 предметов;
- 1995 г. – 515 предметов;
- 1996 г. – 505 предметов;
- 1997 г. – выезды не проводились;

- 1998 г. – собран 901 предмет;
- 1999 г. – 493 предмета.

К 2000 г. коллекция музея уже составляла 2790 предметов основного фонда и 817 научно-вспомогательного, представляя культуру 16 народов Крыма. Та работа, которая была проделана в 90-е гг. XX в., дала возможность в 1999 г. открыть экспозицию музея «Мозаика культур Крыма».

Заострю теперь внимание на двух комплексных полноценных экспедициях по истории и культуре русских и немцев Крыма, которые были осуществлены сотрудниками музея в 2001-2003 гг.

В марте 2001 г. старшим научным сотрудником музея О.В. Савиновой был разработан проект по изучению традиционной русской культуры в Крыму, который был поддержан Русским культурным центром и профинансирован Фондом «Москва-Крым». Экспедиция работала по двум маршрутам: села Мазанка-Зуя-Петрово-Баланово и села Прохладное-Верхоречье Бахчисарайского района. В результате работы экспедиционной группы кроме ценного материала, характеризовавшего различные аспекты жизни русского населения в Крыму, был собран и вещевой материал в количестве 42 единиц. В него входили: домотканые полотенца с вышивкой, скатерть, подушка-«думочка»; разнообразная посуда – глиняные горшки, самовар, формы для выпекания куличей, подстаканники, деревянная миска больших размеров; разнообразные орудия труда, предметы культа и крупные формы – железная кровать (начало XX в.), комод, украшенный резьбой по дереву (начало XX в.). Практически все эти предметы вошли в экспозицию «Мозаика культур Крыма» [4, с. 3-4].

Экспедиция по изучению немецкой культуры в Крыму проходила в три этапа. Первый этап (2001 г.) включал восемь населенных пунктов, в том числе села Красногорье, Курортное и Ароматное Белогорского района, с. Кольчугино Симферопольского района и др. Второй этап проходил в 2002 г. в двенадцати бывших немецких колониях, расположенных в Первомайском, Черноморском, Сакском и Красногвардейском районах [3, с. 429-431]. И, наконец, третий этап 2003 г. – с. Пруды Советского района. Было собрано 50 предметов: мебель, вышивка, хозяйственная утварь, кузнечные изделия, музыкальные инструменты, а также фотоматериал. Все предметы датируются 20-50-ми гг. XX в.

Также большая коллекция из 108 предметов украинской культуры поступила из с. Пожарское Симферопольского района в 2011 г. Большую ценность составляла опишненная керамика, вышивка середины XX в. и подлинная повозка-линейка.

В 2009 г. в результате экспедиции по селам бывших немецких колоний в Крыму в с. Маковка Советского района в заброшенном немецком доме были обнаружены уникальные немецкие потолочные росписи, не имеющие аналогов в России. Руководством музея была разработана программа по сохранению и экспонированию росписей, которая осуществлялась в три этапа. Первый этап проекта (2009 г.) – демонтаж росписей из разрушающегося дома; второй этап (2010 г.) – их реставрация и консервация; третий этап – разработка специального оборудования для экспонирования и монтаж выставки. Проект реализовывался при финансовой поддержке посольства Федеративной Республики Германия в Украине (2009 и 2011 гг.), Швейцарского агентства в Украине (2011 г.) и собственных средств музея. Поддержку также оказали общественные организации этнических немцев. Тем самым, теперь в музее экспонируется 15 потолочных росписей (НВ-5114-5128) в специальном оборудовании [3, с. 64-67].

В 2008 г. М.А. Араджиони в музей была передана коллекция негативов (около 1000 шт.), собранная в ходе экспедиции по селам Донецкой области (1993-1994 гг.) и Крымской комплексной археолого-этнографо-эпиграфической экспедиции (1994 г.), характеризующая культуру мариупольских греков (КП-4427, Ф-1016 – КП-5361, Ф-1854).

Необходимо также сказать, что часть предметов поступила в фонды музея в результате передачи Главным управлением СБУ Украины в АРК и таможенной службой Украины. Так, музей стал обладателем православных икон конца XIX в., коллекции столовой посуды и мелкой пластики Мейсенского фарфора, предметов культа старообрядцев.

Пополнялась коллекция музея и в результате работы сотрудников музея с частными лицами. Так, заслуженный учитель АРК, историк, краевед Тамара Азатовна Салистая-Григорян передала в музей шубу конца XIX в., приобретенную на Макаровской ярмарке (НВ-3010) [7, с. 101-102] и две городские блузы начала XX в. (КП-3984, ИБ-1874; КП-3985, ИБ-1875) [7, с. 37-41]. Все предметы относятся к русской

культуре и принадлежали матери дарительницы Марие Платоновне Хаттаровой. Ольга Николаевна Чистякова – художник по костюмам, жительница г. Севастополя, передала в дар музею Воронежский женский костюм начала XX в. (КП-3929, ИБ-1823 – КП-3930, ИБ-1824; НВ-2967 – НВ-2988) и Тернопольский женский костюм начала XX в. (КП-2958, ИБ-1097 – КП-2961 – ИБ-1100) [7, с. 140-146], болгарские свадебные мужской и женский костюмы (новоделы) (КП-6658, ИБ-3050 – КА-6665, ИБ-3057; НВ-4418 – НВ-4425).

В 2010 г. житель г. Симферополя Лебединский Александр Давидович подарил музею коллекцию кукол в народных костюмах народов мира. Коллекция включает 60 предметов (КП-5908, ДП-927 – КП-6010, ДП-962; КП-6408, ДП-985 – КП-6435, ДП-1012). В 2009 г. жительница г. Симферополя Колесникова Татьяна Николаевна передала в дар музею 100 предметов, принадлежащих семье Бовтало – документы, книги, фотографии. В этом же году Елена Григорьевна Леонова передала в дар музею коллекцию русских тканей домашнего производства – полотенца, скатерти, салфетки 30-50-х гг. XX в., семейные фотографии (всего 20 предметов) (КП-5671, ИБ-2404 – КП-5681, ИБ-2411; НВ-3974 – НВ-3977). Ткани были изготовлены ее бабушкой Дарьей Стефановной Леоновой (1888-1952).

В 2014 г. музей стал обладателем ювелирной коллекции из 32 филигранных украшений ювелирного дома «Дюлбер» (КП-8045, ДП-1237; КП-8076, ДП-1268), которую подарил его руководитель – Мехти Ислямов. Предметы сложны в техническом исполнении, отличаются индивидуальностью, тонким восточным колоритом и неповторимым стилем [9].

В 2017 г. в рамках мероприятий, посвященных 25-летию Крымского этнографического музея, была запущена акция «Подарок музею». Это еще одна форма пополнения коллекции музея с помощью дарений. Таким образом, планируемая акция в юбилейный год, стала постоянной. Приведем некоторые статистические данные. В 2017 г. 42 дарителя подарили музею 311 предметов, в 2018 г. – 43 дарителя передали в фонды музея 260 предметов, в 2019 г. – 34 дарителя передали музею еще 342 предмета. Наконец, в 2020 г. от 25 дарителей поступило 362 предмета. Это предметы декоративно-прикладного искусства, декоративного убранства дома, текстиль различного назначения, предметы бытового использования, которые датируются 50-80-ми гг. XX в.

FORMATION OF THE CRIMEAN ETHNOGRAPHICAL MUSEUM'S COLLECTION

Abstract: This article is devoted to the main directions of formation of the Crimean Ethnographic Museum collection from 1992 to 2020. The author gives a brief description of the bright purchased collections, names priorities for the formation of the museum fund, analyses forms of receipts through donations. This work is the first attempt to analyze collection of the Crimean Ethnographic Museum over the 30-year period of its existence.

Keywords: Crimean Ethnographic Museum, museum collections, acquisition of funds, museum item.

Отдельной формой пополнения фондов музея является сотрудничество музея с организациями, прежде всего, с Ассоциацией музеев и заповедников Крыма, Симферопольской и Крымской епархией, Ассоциацией национальных культурных обществ г. Севастополя, национально-культурными автономиями Крыма [2, с. 5].

Таким образом, при формировании коллекции Крымского этнографического музея более 90% предметов поступили благодаря дарениям жителей полуострова. С 2015 г. у музея появилась возможность планомерно комплектовать свое собрание. Тем самым, были пополнены коллекции по истории и культуре крымских татар, медной посуды, ювелирных украшений, художественного текстиля народов Крыма, русского народного костюма.

Литература

1. История национальных организаций Крыма / Сост. Б. С. Балаян. – Симферополь, 2020. – 448 с.
2. Лаптев Ю. Н., Наumenko Л. А. Введение // Крымский этнографический музей. Справочный указатель 1992-2014 гг. – Симферополь, 2015. – С. 3-5.
3. Лаптев Ю. Н. Этнографическая экспедиция в бывшие немецкие колонии Крыма (2001-2002 гг.) // Этнография Крыма XIX-XX вв. и современные этнокультурные процессы. Материалы и исследования. – Симферополь, 2002. – С. 429-431.
4. Лаптев Ю. Н. Чудо из Маковки // ViZ-Vote. – 2012. – №1-2. – С. 64-67
5. Наumenko Л. А. Русский самовар: история, традиции чаепития (на основе самоваров и предметов чайной церемонии из фондов Крымского этнографического музея) // Этнография Крыма XIX-XX вв. и современные этнокультурные процессы. Материалы и исследования. – Симферополь, 2021. – Вып.2. – С. 18-22.
6. Наumenko Л. А. Крымский этнографический музей: первые десять лет... // Этнография Крыма XIX-XX вв. и современные этнокультурные процессы. Материалы и исследования. – Симферополь, 2002. – С. 355-361.
7. Наumenko Л. А., Таратухина Е. Е. Восточные славяне Крыма. Одежда. Обувь. Аксессуары. Из коллекции КРУ «Этнографический музей». – Симферополь-Керчь, 2013. – 160 с.
8. Наumenko Л. А. Крымский этнографический музей // Шедевры музейных коллекций Крыма. Из собрания государственных музеев Республики Крым. – Симферополь, 2017. – С. 2010-2016.
9. Ювелирная коллекция Крымского этнографического музея: каталог / сост. Е. Е. Таратухина. – Симферополь: Антиква, 2015. – 108 с.

Е. Н. Николаева

К ВОПРОСУ О КОМПЛЕКТОВАНИИ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ ПРЕДМЕТАМИ СОВРЕМЕННОЙ ЦЕРКОВНОЙ КУЛЬТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ СОБРАНИЯ ГМИР)

Аннотация. В статье рассматривается процесс комплектования музейных коллекций произведениями современной церковной культуры. Анализируется опыт работы Музея истории религии в этом направлении. В научный оборот вводятся новые памятники современного религиозного искусства.

Ключевые слова: музей, религия, церковь, современное искусство, икона, крест, облачения.

Интерес к современному религиозному искусству определен спецификой Музея истории религии (далее – ГМИР), предполагающего иметь в собрании новые произведения, отражающие современные процессы развития культуры в разных религиозных конфессиях. Комплектование музейных фондов было и остается важнейшей составляющей музейной работы. В ГМИР наряду с традиционными источниками пополнения фондов музея – закупкой (от частных лиц, организаций или в антикварных салонах) и дарами, продолжается собирательская деятельность в экспедициях и научных командировках. В связи с этим обозначился ряд проблем, связанных с приобретением произведений современного церковного искусства¹, что повлекло за собой появление новых форм пополнения музейной коллекции. Так в церковных магазинах и лавках (например, «Софрино»²) невоз-

¹ Здесь мы касаемся только христианской культуры, хотя в музее ведется большая работа по самым разным религиям и верованиям.

² Художественно-производственное предприятие Русской Православной Церкви.

можно приобрести предметы, связанные со служением иерархов церкви. Помогли давно сложившиеся прочные партнерские отношения сотрудников музея с представителями и руководством разных конфессий и национальных диаспор России. Благодаря их помощи обращение ГМИР к главам ведущих христианских церквей дало положительные результаты. Именно так в 2017 г. в музей поступили подлинные личные вещи римских понтификов – Папы Франциска и Папы-на-покое Бенедикта XVI³, в том числе папские пилеолусы (дзукетто) с сертификатами подлинности⁴. В 2019 г. после длительных переговоров с Московской Патриархией в музейное собрание было передано богослужебное облачение Патриарха Московского и всея Руси Кирилла.

Известно, что приобретение произведений в церковных магазинах не всегда удовлетворяет музейным критериям отбора памятников. Особенно это касается церковной живописи. Канонизация Русской Православной Церковью в конце XX в. множества новых святых вызвала создание большого числа новых образов. В собраниях многих музеев эта тема до сих пор остается открытой. Для нашего музея наиболее перспективным оказалось непосредственное сотрудничество с иконописцами и заказ икон с необходимыми нам образами и сюжетами. Это позволило привлекать живописцев высокого профессионального уровня, востребованных церковью и имеющих опыт работы в интересующей нас теме. Большое значение придается тому, что в музейном собрании должны быть представлены работы разной стилистики, разных иконописных школ и мастерских. Особое внимание уделяется вопросам будущего экспонирования икон, обоснование и соотнесение их с важными историческими событиями в жизни Православной церкви и Российского государства.

³ По инициативе сотрудника музея А. Л. Кудрик, через Апостольского нунция в РФ архиепископа Челестино Мильоре, в Ватикан были отправлены письма с просьбой о возможности приобретения предметов, лично принадлежавшим папам.

⁴ Пилеолус (лат.), дзукетто (итал.), пиуска (польск.) – повседневный головной убор католического клирика. Папский пилеолус белого цвета. Традиция дарить дзукетто, как сувенир верным, была установлена в XX в. папой Пием XII. Каждый из присланных пилеолусов сопровождается сертификатом, подтверждающим, что папы, действительно, носили эти головные уборы.

Уникальным опытом явилось участие музейных сотрудников в разработке еще неустоявшейся иконографии новоканонизированных святых (2000-е гг). Многие вопросы решались в ходе творческого обсуждения иконописцев и научных сотрудников музея. Обязательным этапом являлось согласование предварительных эскизов. В процессе работы использовались документальные свидетельства, прижизненные изображения святых, литографии и книжная графика, учитывался уже существующий иконографический опыт. При выборе житийных клейм принимались во внимание исторические реалии и особенности деятельности святого, соответствующие его житию и отраженные в исторических документах. Примерами таких проектов может служить работа над образами «Святой праведный Иоанн Кронштадтский в житии» (С.Большакова), «Святой Амвросий Оптинский» (С.Богатова) и др. За прошедшие два десятилетия в музее сформировалась небольшая, но уникальная по своему составу коллекция современных икон, выполненных известными петербургскими и российскими мастерами иконописцами (Георгием Панайотовым, Дмитрием Мироненко, Татьяной Водичевой и др.).

Одной из проблем также является невозможность приобретения богослужебных предметов ввиду отсутствия специализированных церковных магазинов в некоторых христианских конфессиях. К примеру, в Армянской Апостольской Церкви, где клирики заказывают или получают в дар такие предметы непосредственно в мастерских, у мастеров. В этих случаях музей обращался непосредственно к священнослужителям или мастерам с просьбой изготовить повторение того или иного памятника. Таким образом, коллекция ГМИР пополнилась рядом армянских богослужебных облачений и уникальным крестом Хачкар. Резная композиция из туфа была выполнена в 2019 г. по заказу музея петербургским скульптором Арамом Погосяном, взявшим за иконографическую основу композицию знаменитого хачкара «Всеспаситель» (1273 г.) из монастыря Ахпат на севере Армении⁵.

Еще одним источником комплектования фондов послужили совместные выставочные проекты музея и современных художников. Показательным примером могут являться выставки ГМИР «Святой

⁵ Хачкар был создан по инициативе и при финансовой поддержке председателя региональной армянской национально-культурной автономии Карена Мкртчяна.

блаженной Ксении посвящается» (2016 г.), «Поиски образа. Художники-академисты в дар музею истории религии» (2020 г.)⁶. Повсеместно известна практика, когда музеи оставляют себе отдельные работы за сам факт устройства выставки. Особенностью организации указанных выставочных проектов стало предложение ряду художников специально подготовить для них работы. Так музейное собрание обогатилось работами профессоров и преподавателей Санкт-Петербургской Академии художеств имени Ильи Репина (М. Б. Атаянц, И. Г. Уралов, Н. П. Фомин, А. В. Чувин, К. В. Грачев и др.), мастеров церковного искусства (Ю. О. Бехова, А. Л. Иванов, Д. Ю. Джеймс-Левы, С. Г. Кобышева, Д. Г. Мироненко, Я. Н. Штеренберг и др.), известных петербургских скульпторов (Б. М. Сергеев, А. С. Чаркин, О. Н. Шоров и др.). Такое сотрудничество взаимовыгодно и для музея, и для авторов, чьи произведения войдут в Музейный фонд Российской Федерации.

Нельзя не отметить и поступление памятников церковного шитья, изготовленных в современных церковных мастерских (Александров-Невский Ново-Тихвинский монастырь в Екатеринбурге; Свято-Елисаветинский женский монастырь в Минске и др.). В 2012 г. ГМИР были приобретены сразу два полных комплекта иерейских облачений («Успенское» и «Св. Андрей Критский»), выполненных по заказу Константино-Еленинского женского монастыря (Ленинградская обл.) петербургской мастерской «Покров» (руководитель – Б. В. Казарина).

Сложившаяся в последние годы коллекция является результатом активной научно-исследовательской и собирательской работы сотрудников ГМИР. Собрание музея значительно пополнилось образцами современной религиозной культуры самых разных конфессий и верований. В их числе архитектурная графика и модели храмов, декоративно-прикладные и ювелирные изделия, богослужебные предметы (облачения, утварь), предметы «личного благочестия» (нательные крестики, крестильные одежды и т.д.), фотографии и многое другое. Несомненно, что работа по комплектованию коллекции будет продолжена. Однако уже сегодня она дает представление о путях развития церковного искусства конца XX – начала XXI вв.

⁶ Обе выставки состоялись благодаря помощи и деятельному участию известного петербургского искусствоведа, профессора Санкт-Петербургской Академии художеств имени Ильи Репина Н.С. Кутейниковой.

E. N. Nikolaeva

ON THE PROBLEM OF REPLENISHMENT OF MUSEUM COLLECTIONS OF OBJECTS OF MODERN RELIGIOUS CULTURE (ON THE EXAMPLE OF THE COLLECTION OF THE STATE MUSEUM OF THE HISTORY OF RELIGION)

Abstract. This article considers the process of acquisition of museum collection of modern works of church culture. Analyzes the experience of the Museum of the History of Religion in this direction. New works of modern religious art introduced into scientific circulation

Keywords: museum, religion, church, modern art, icons, crosses, vestments.

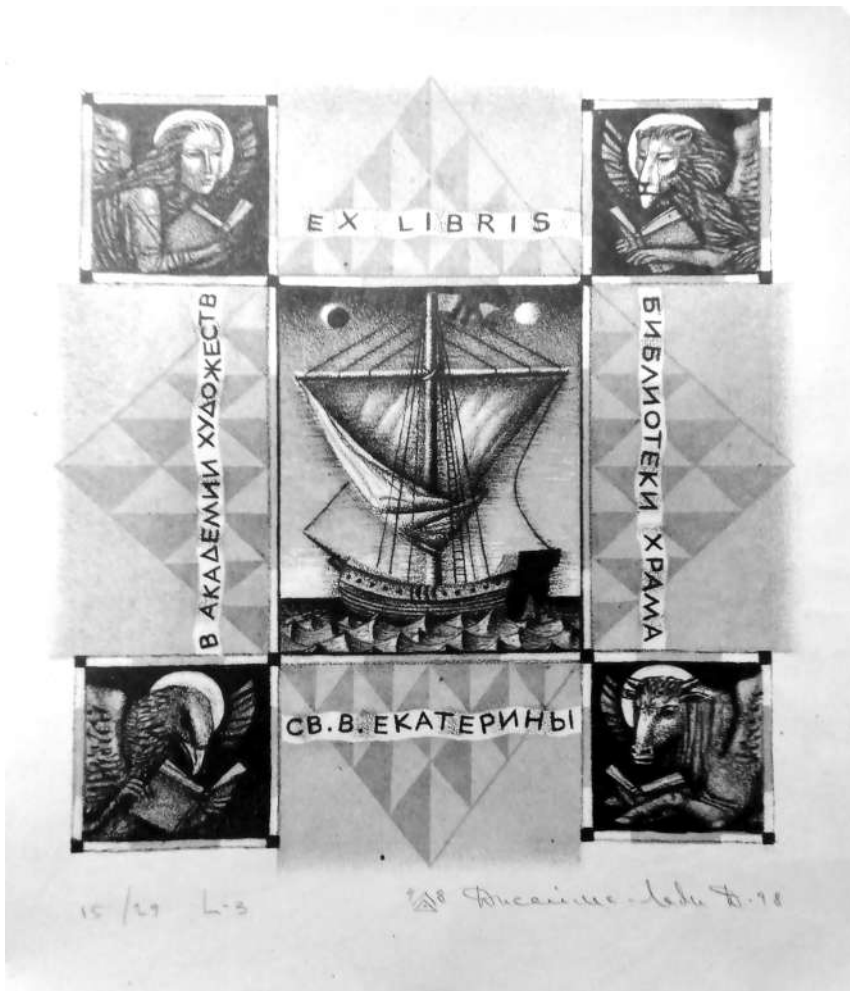
1. Петербургская Мадонна. Художник Ю. Бехова. Санкт-Петербург. 2011. Холст, масло

2. Сергей Радонежский. Скульптор А. Чаркин. Санкт-Петербург. 2001. Гипс, литье

3. Хачкар. Скульптор А. Погосян. Санкт-Петербург. 2019. Туф, резьба

4. Эклибрис Библиотеки храма святой Екатерины в Академии Художеств. Художник Д. Джеймс-Леви. Санкт-Петербург. 1998. Рисовая бумага, цветная литография

А. А. Павлун

КУЛЬТОВЫЕ ПРЕДМЕТЫ ЗАПАДНЫХ ХРИСТИАН В КРЫМУ. КРАТКИЙ ОБЗОР КОЛЛЕКЦИИ КРЫМСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Аннотация. Статья содержит краткий обзор коллекции культовых предметов католических и лютеранских общин Крыма из собрания Крымского этнографического музея. В коллекции выделены три группы предметов: кресты, сакральные изображения и религиозная литература. В научный оборот введены ранее не опубликованные материалы из фондов музея.

Ключевые слова: предметы культа, западные христиане, католицизм, лютеранство, музей, коллекция.

ГБУ РК «Крымский этнографический музей» является одним из центральных музейных учреждений Республики Крым, в фондовом собрании которого сосредоточена уникальная коллекция предметов, характеризующая этническую историю и традиционный быт более 25 народов полуострова. Комплексное изучение культуры этих народов невозможно без должного внимания к религии. В полиэтничном и многоконфессиональном окружении полуострова религия стала одним из факторов сохранения национального самосознания народов, общины которых сформировались на его территории.

Среди народов Крыма присутствуют последователи римско-католической и протестантской христианских церквей (немцы, чехи, поляки, эстонцы, французы, итальянцы и др.), этнографические коллекции которых представлены в собрании Крымского этнографического музея. Наиболее полно религиозную культуру западных христиан Крыма характеризуют предметы культа, сбору и изучению которых уделялось особое внимание при комплектовании фондов музея.

Коллекция культовых предметов западных христиан Крыма в Крымском этнографическом музее формируется, начиная с 1993 г.,

за счет закупок, экспедиционных сборов и отдельных даров представителей немецкого, чешского, эстонского и польского национально-культурных обществ. На сегодняшний день, она насчитывает 51 единицу хранения. Предметы коллекции датируются в пределах середины XIX – конца XX вв. и отражают особенности религиозной жизни последователей двух христианских конфессий полуострова – Римско-католической и Евангелическо-лютеранской церковей. Исходя из функционального назначения предметов, можно выделить следующие их группы: кресты, сакральные изображения и религиозную литературу.

Группа крестов (8 единиц хранения) представлена католическими образцами середины XIX – конца XX вв.: тремя нательными крестами латинского типа, четками-розариумом, тремя настольными распятиями и одним настенным. Наибольшую ценность имеет настольное распятие (КП-9249, ИБ-4907), так как оно является единственным предметом церковной утвари католиков в собрании музея. Изделие в своей семье сохранил Антон Францевич Крупица (1894-1947) после закрытия советскими властями в 30-е гг. XX в. молитвенного дома чешской колонии Богемка (ныне с. Лобаново Джанкойского района), где после завершения Первой Мировой войны он выполнял различные работы. Интерес вызывает распятие (КП-241, ИБ-91) из немецкой семьи, закупленное в антикварной лавке г. Симферополя в 1993 г. (Рис. 1). На нем ноги и руки Христа прибиты к кресту четырьмя гвоздями, что является отличительной особенностью образа фигуры Спасителя на распятии в православной традиции. В католической традиции ноги Христа изображаются всегда скрещенными и пробитыми одним гвоздем. Также на представленном распятии отсутствует титло над головой, по надписи на котором можно было бы точно определить конфессиональную принадлежность предмета [1, с. 307-310].

Группа сакральных изображений содержит 19 предметов трех типов: картины на религиозную тематику (8 единиц хранения), скульптура (2 единицы хранения) и шпрухи (9 единиц хранения). Культовые образы являются обязательными атрибутами храмов и домов западных христиан. Они издавна служили для организации быта «домашней церкви», образовывали сакральное пространство в жилых помещениях домов, а также оказывали эмоционально-психо-

логическое и интеллектуальное воздействие на верующих, ежедневно напоминая о Боге и религиозных обязанностях [6, с. 26-27]. В католической среде преобладают скульптурные и живописные образы Девы Марии и различных святых, у протестантов – изображения Иисуса Христа и ангелов, что связано с отрицанием культа иконопочитания [7, с. 174-175; 8, с. 292].

В собрании музея представлены цветные печатные изображения второй половины XIX – начала XX вв. со сценами Успения Богородицы (КП-740, ИИ-37) и крестной казни Иисуса Христа (КП-9399, ИБ-5021), Троицы Новозаветной типа «Сопрестолые» (КП-739, ИИ-36), Иисуса Христа (НВ-2988), Святого Йосифа (КП-1214, ИИ-48) и Святого Казимира (КП-7648, ИБ-3619), статуэтки второй половины XX в. Лурдской (НВ-2733) и Фатимской (НВ-4056) Божьей Матери, а также фотографии начала XX в. с изображениями скульптур «Христос в темнице» (НВ-2976) и «Пьета» (КП-673, Ф-96). Перечисленные предметы бытовали в семьях чехов, поляков и эстонцев Крыма. Дополнительного изучения требуют снимки скульптур. Предположительно, они были сделаны в католическом костеле чешско-немецкой колонии Александровка (ныне с. Александровка Красногвардейского района) [5]. Но фотографии оформлены в рамы под стеклом, поэтому мы не имеем возможности изучить их паспорт, не причинив вреда музейным предметам.

В немецких семьях было широко распространено изготовление шпрухов – настенных панно с художественно оформленными цитатами из текстов Священного Писания, благословениями и изречениями назидательного характера в различных техниках декоративно-прикладного искусства. Подобные изделия часто наделялись сакральным смыслом, так как выражали отношение человека к Богу и могли использоваться для защиты домов [3, с. 15]. Панно с религиозными изречениями объединяли в себе назидательный характер христианского вероучения и зримый образ, который создавался при изготовлении шпрухов с целью усиления его влияния в бытовой жизни. Их вешали над входом в дом, в центральной части комнаты, либо над кроватью и относили для благословения к священнослужителям в местные храмы. Поэтому шпрух – это не просто вид народного творчества, при помощи которого украшали интерьеры домов, а отдельный вид культовых предметов российских немцев. В большинстве своем изготовлением шпрухов занимались

в поселениях лютеран и меннонитов, однако картины с религиозными изречениями часто встречались и в домах католиков [2, с. 68].

В немецкой коллекции музея хранится 7 шпрухов с религиозными изречениями. Большинство из них изготовлено в семьях немцев-лютеран Поволжья и Казахстана в 30-70-х гг. XX в. Уникальным является шпрух (КП-1075, ДП-358) из с. Александровка Красногвардейского района (Рис. 2). Предмет бытовал в семье немцев-католиков и был вышит на ткани в 80-е гг. XIX в. В чешской коллекции музея также представлено 2 шпруха: печатный с надписью на немецком языке начала XX в. (НВ-4811) и самодельный 30-х гг. XX в. (КП-1201, ИИ-47) с чешской религиозной пословицей «Kde buh hospodaří, tam se dobře daří» («Где Бог хозяин, там все получается хорошо»), широко распространенной на территории Чехии.

Наиболее многочисленной является **группа религиозной литературы** (24 ед. хр.). Данная группа предметов музейной коллекции представлена печатными изданиями середины XIX – первой трети XX вв. текстов Священного Писания лютеранского толка, богослужебной (Псалтыри, молитвенники, сборники проповедей и песнопений) и символической литературой (Лютеранский катехизис) на национальных языках. Большинство книг бытовало в лютеранских общинах немцев и эстонцев. В семьях лютеран обычно присутствовало значительное количество религиозной литературы и обязательно домашние Библии на национальных языках, что связано с особенностями религиозного воспитания из-за необходимости изучения и понимания Слова Божия каждым членом общины [4, с. 141]. Из культовых книг католиков в собрании музея хранятся только молитвенники на польском и чешском языках.

Таким образом, с 1993 г. в Крымском этнографическом музее сформировалась обширная коллекция предметов культа западных христиан Крыма. Она насчитывает 51 единицу хранения и датируется в пределах середины XIX – второй половины XX вв. В коллекции представлены различные типы крестов, сакральных изображений и религиозной литературы, бытовавшие в семьях немцев, чехов, поляков и эстонцев. Преимущественно, она содержит предметы личного благочестия, характеризующие процесс религиозного воспитания и обустройства быта «домашней церкви» в семьях католиков и лютеран Крыма. В целом, коллекция имеет определенный научный инте-

рес, однако дает неполное представление об особенностях религиозной жизни западных христиан полуострова. Поэтому она требует дальнейшего пополнения для всестороннего изучения и более полного отображения в собрании музея предметов, характеризующих духовную культуру римско-католических и протестантских общин Крыма.

Литература

1. Бельтинг Х. Образ и культ. История образа до эпохи искусства. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – 748 с.
2. Буданова Ю. П. Панно «шпрух» – источник для изучения духовной культуры российских немцев / Ю. П. Буданова, И. А. Потянова // Немцы Казахстана и Сибири: история и современные проблемы развития: материалы Международной научно-практической конференции / гл. ред. И. А. Селезнева. – М.: Институт наследия, 2017. – С. 66-72.
3. Вайман Д. И. Шпрухи немцев Урала: альбом. – СПб.: Маматов, 2017. – 176 с.
4. Мирошниченко А. В. Особенности конфессионального образования немцев-колонистов южных регионов Российской империи в XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2012. – № 4. – С. 140-149.
5. Немцы Крыма – история в открытках / ред. и сост. Ю.Н. Лаптев. – Симферополь: ЧП Сидорина, 2013. – 20 л.
6. Раевская Н. Ю. Иконопочитание в православии и католицизме: аспекты различия // Проблема человека: гуманитарные аспекты. Материалы научно методической конференции преподавателей Академии ГПМА / ред. Г. Л. Микиртчян. – СПб.: издательство ГПМА, 2001. – С. 26-29.
7. Раевская Н. Ю. Священные изображения и изображения священного в христианской традиции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. – 2006. – Вып. 2. – С.172-179.
8. Смирнова Т. Б. Этнография российских немцев. – 2-е изд., испр. – М.: РусДойч Медиа, 2016. – 315 с.

A. A. Pavlun

CULT OBJECTS OF WESTERN CHRISTIANS IN THE CRIMEA: A BRIEF OVERVIEW OF THE COLLECTION OF THE CRIMEAN ETHNOGRAPHIC MUSEUM

Abstract. The article contains a brief overview of the collection of cult objects of the Catholic and Lutheran communities of Crimea from the collection of the Crimean Ethnographic Museum. The collection includes three groups of objects: crosses, sacred images and religious literature. Previously unpublished materials from the museum's funds were introduced into scientific circulation.

Keywords: cult objects, Western Christians, catholicism, lutheranism, museum, collection.

Рис. 1. КП-241, ИБ-91
Распятие настольное. Рос-
сийская империя. Середина
XIX в. Из коллекции КЭМ.

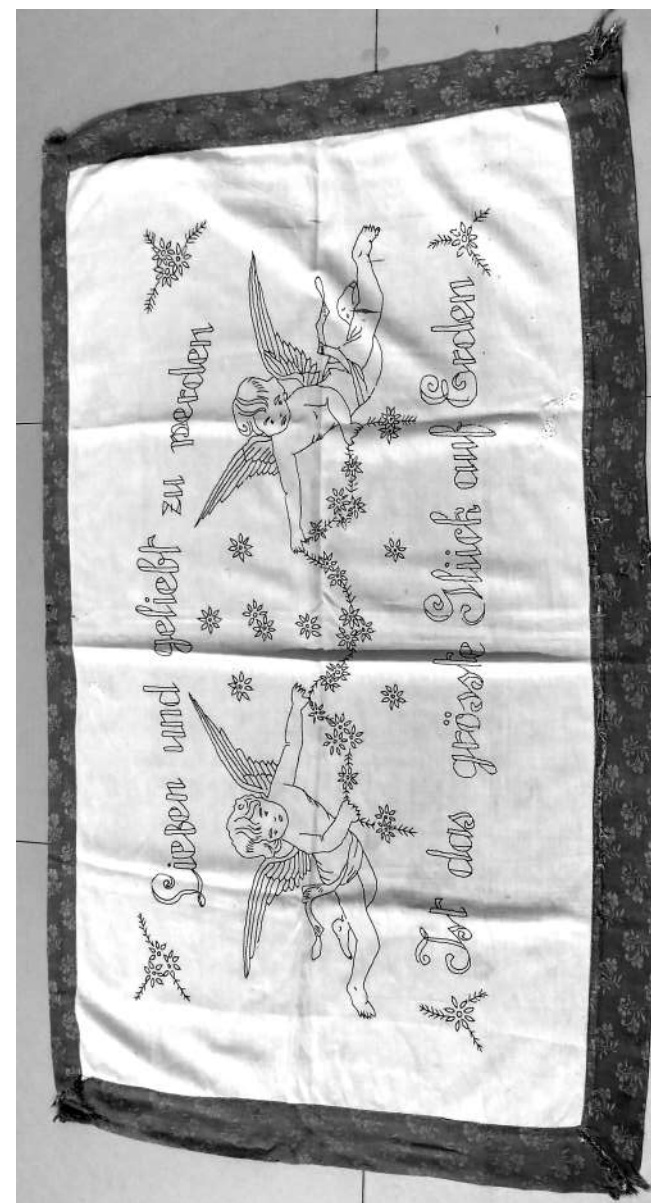

Рис. 2. КП-1075, ДП-358 Шпрук «Lieben und Geliebt zu werden, ist das grösste Glück auf Erden» («Лю-
бить и быть любимым – это наивысшее счастье на земле»). Таврическая губерния, Перекопский уезд,
с. Александровка. 80-е гг. XIX в. Из коллекции КЭМ.

Д. А. Прохоров

КАРАИМСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ГБУ РК «КРЫМСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ»

Аннотация. В фондах ГБУ РК «Крымский этнографический музей» история караимских общин полуострова представлена различными экспонатами. В коллекции хранятся различные документы и материалы, относящиеся к истории отдельных караимских семей Симферополя и других городов Крыма. Среди экземпляров хранения – предметы одежды, быта и декоративные произведения ремесленников, использовавшиеся в повседневной жизни караимских семей конца XIX – середины XX в. Имеются более полусотни фотографий XIX–XX в., отражающих географию расселения караимов на территории Российской империи. Общее число экспонатов караимской коллекции ГБУ РК «КЭМ» – более 100 экземпляров.

Ключевые слова: Крым, старожильческое население, караимы, музейные коллекции.

Изучение истории старожильческих народов Крымского полуострова, одним из которых являются крымские караимы, является одним из приоритетных направлений в области научной реконструкции его прошлого. Важным аспектом в этом процессе следует назвать мероприятия, направленные на изучение и научную систематизацию коллекций, хранящихся в музеях Республики Крым. В частности, в фондах Государственного бюджетного учреждения Республики Крым «Крымский этнографический музей» (ГБУ РК «КЭМ», г. Симферополь) собраны уникальные предметы, связанные с историей и культурой караимов. Общее число экспонатов караимской коллекции ГБУ РК «КЭМ» составляет более 100 экземпляров, представленных фотографиями, документами и материалами, относящимися к истории отдельных караимских семей Симферополя, других городов Крыма и Российской империи. В составе коллекции – предметы одежды, быта и декоративные произведения ремесленников,

использовавшиеся в повседневной жизни караимских семей конца XIX – середины XX в.

Среди предметов религиозного культа в коллекции имеются две сумочки для Библии или молитвенника (Крым, конец XIX в.; КЭМ КП-347, ДП-142; КЭМ КП-348, ДП-143). В фондах музея в основном собраны артефакты, относящиеся к быту караимских семей; большинство из них датировано концом XIX – серединой XX вв. Значительную часть составляют вещи, приобретённые музеем в начале 1990-х гг. Некоторые экземпляры преданы в дар ГБУ РК «КЭМ» непосредственно членами караимских семей Симферополя и Евпатории. Прежде всего, это предметы обихода, кухонная и столовая утварь. Например, среди экземпляров, собранных в коллекции, имеется традиционная посуда для приготовления и подачи блюд, бытовавшая как в караимских семьях, так и в семьях представителей других народов полуострова – крымских татар, греков, армян. Прежде всего, это медные кованые сковороды-тазы (*тава*), казаны, большие круглые и квадратные подносы (*сини*), медные тазы (*леген*), кувшины (*гугум*, *куман*), кофеварки (*джезве*) и пр. Большая часть артефактов изготовлена в Крыму местными ремесленниками. Помимо традиционной утвари, в караимских семьях также использовались бытовые вещи, связанные с достижениями европейской цивилизации. В числе прочих обращают на себя внимание предметы столовой сервировки: вилка, тарелка, горчичница, кофейник, кофейная чашка и блюдце, ваза для фруктов, различные бытовые принадлежности (шкатулки, визитница, конверт для перчаток, зеркала – настенные и дамские, часы, декоративные керамические скульптуры и т.п.), изготовленные как в России, так и в некоторых странах Западной Европы (например, в Австрии, Германии) [3, с. 103-104, 282–289].

С помощью архивных материалов появляется возможность осуществить научную реконструкцию элементов повседневной жизни караимской семьи второй половины XIX – начала XX в. Например, в числе подобных документов имеются ходатайства караимов по возмещению ущерба после Крымской войны, направленные в «Симферопольский уездный комитет, учреждённый для оказания вспоможения жителям уезда, потерпевшим от войны 1853-1856 гг. Главного комитета, учреждённого в г. Одессе для оказания вспоможения жителям, потерпевшим от войны» (1856-1858 гг.). Они представляют интерес не только с исторической, но и с этногра-

фической точки зрения, что позволяет воссоздать реалии быта караимской семьи того времени. Так, в прошении евпаторийского мещанина караима Ильи Черкеза, поданном на имя таврического губернатора генерал-лейтенанта Г.В. Жуковского 11 декабря 1856 г., приведён список имущества, утраченного им во время оккупации неприятелем Евпатории, а также его приблизительная оценочная стоимость. И. Черкез сообщал, что из принадлежавшего ему разрушенного дома с пристройками, а также дома, находившегося в имении у дер. Голумбей было похищено: пять кастрюль медных на сумму 25 руб., десять сковород – 15 руб., пять казанов медных и двое весов – 54 руб. 75 коп., три подноса – 3 руб., два мангала – 24 руб., пять тазов – 50 руб., 27 тарелок – 27 руб., три кружки – 6 руб., два самовара с прибором и «погребцом» – 45 руб., пять сундуков – 84 руб. (два из них были из орехового дерева; кроме того, из имения был украден один сундук с хранившимися в нём вещами на сумму 240 руб.), два бочонка с железными обручами – 8 руб., один диван – 15 руб., два стола, один шкаф, двенадцать стульев – 18 руб., шесть графинов – 5 руб., дюжина рюмок – 6 руб., полторы дюжины тарелок английских – 9 руб., восемь ковров – 70 руб., 24 тюфяка и подушки – 60 руб., три шёлковых одеяла – 66 руб., пять пальто – 10 руб. Кроме того, похищено «полсаженя» дров, угля на сумму 14 руб. 25 коп., полотна, бумаги и льна – на 12 руб., две четверти пшеницы и одна четверть муки – 22 руб., разных мелочей на 18 руб. и один вексель на сумму 110 руб. И. Черкез помимо всего прочего лишился садового инструмента и прочего инвентаря (железных лопат, бочек, посуды для давления вина), дров, угля, кирпичей, досок, дверей и окон, 200 пудов яблок, сена и муки, находившихся в его опустошённом уже войсками русской армией имении. Общую сумму ущерба сам И. Черкез оценил в 4075 руб. [1, л. 5]. Таким образом, можно утверждать, что уже к середине XIX в. в караимских семьях бытовали предметы, связанные не только с традиционной культурой, но также и с европейской, и, в частности, русской.

Содержателен и разнообразен фонд фотографической коллекции музея. В ГБУ РК «КЭМ» история караимских общин полуострова представлена в основном фотографиями конца XIX – первой половины XX вв. Среди них: жанровые, бытовые и семейные фотографические снимки, а также их фотокопии. Присутствуют фотографии

деятелей караимского просвещения, фотоснимки участников национально-культурных объединений 1920-х – 1930-х гг. и пр. Всего же в фондах музея насчитывается более 50 фотографий, отражающих историю караимских общин Крымского полуострова.

Некоторые из фотоснимков коллекции представляют безусловную ценность с исторической точки зрения. Например, на одном из них (КП-3623, Ф. 868; ориентировочно 1920-1925 гг.) запечатлены представители караимской молодёжи, члены симферопольского караимского клуба, члены правления «Крымского объединения караимских общин» (КрымОКО), созданного активистами караимского общественного движения в 1924 г.: М. С. Синани (отв. секретарь объединения), И. Минай, Б. Бабаджан, Ф. Майтоп, Д. Авах и М. И. Авах (впоследствии сотрудник караимского журнала «Бизым Йол»/«Наш путь», единственный номер которого увидел свет в 1927 г.). На обороте снимка – автографы, по всей видимости, некоторых из присутствующих на фото (пометы: карандаш, чернила черные и фиолетовые. Из различных фамилий: Л. Прик, С. Шамаш, С. Шайтан, Д. Авах, М. Авах, Б. Бабаджан). (Рис. 1)

На других портретных фотографиях из коллекции ГБУ РК «КЭМ» запечатлены члены караимских общин Симферополя, Феодосии, Мелитополя, Евпатории. Непосредственно сами фотографические снимки изготавливались в фотомастерских вышеназванных городов. Например, на лицевых сторонах картонных паспарту фотографических портретов (КП-3458, Ф. 826; КП-3456, Ф. 807) присутствует знак фотомастерской, а также вензель, тиснённый золотом: «М. Киватицкій. Мелитополь». Есть в коллекции фотографические снимки караимов, изготовленные в Карасубазаре. На одном из них (КП-271, Ф. 46; ч/б фотобумага, картон, паспарту) – погрудный портрет неизвестной девушки-караимки (которая также присутствует на фото КП-272, Ф. 47). На лицевой стороне паспарту – фамилия владельца мастерской, тиснённая золотом: «С. Я. Берманъ. Карасубазаръ». На экземпляре КП-272, Ф. 47 – ростовой портрет двух неизвестных девушек-караимок, на обороте типографским способом выполнен экслибрис фотомастерской: «Фотографія С. Я. Берманъ в Карасубазарскѣ. Негативы хранятся. Хд. Тайфер Одесса». На групповом фотопортрете караимской семьи Оксюз (Севастополь, начало XX в. Фото М. П. Мазура), на обороте паспарту типографским способом нанесён экслибрис фотомастерской: «М. Мазуръ. Удосто-

ень Высочайших наградъ Е. И. В. Государя Императора и Е. И. В. В. К. Александра Михайловича. Севастополь» (КП-557, Ф. 80). На групповом портрете караимов Евы и Кальфа Борю (КП-558, Ф. 81), на его лицевой стороне – знак фотомастерской, вензель, оттиски медали (аверс), тиснение: «Ф. Петлоренко въ Симферополь». На обороте типографским способом нанесён экслибрис фотомастерской: «Фотографія Ф. Петлоренко в Симферополь. Негативъ сохраняется навсегда».

На фотопортрете КП-5528, Ф. 1874 (фотобумага ч/б, печать, картон; Крым, начало XX в.) изображена караимка Биана Абрамовна Айваз. По некоторым сведениям, в 16-летнем возрасте Б. А. Айваз получила приз за красоту – золотые часы [2, с. 40]. Девушка приходилась племянницей М. А. Айвазу, председателю «Общества попечения о бедных караимах» (г. Евпатория). В коллекции ГБУ РК «КЭМ» присутствуют также фото, выполненные в мастерских «А. Вознесенский и К. Князьков» (Симферополь – КП-560, Ф. 83; КП-562, Ф. 85; НВ-3425), «Зейферт», «Рихтер» (Евпатория – КП-2129, Ф. 424; КП-5526, Ф. 1872), «С. Гопельников (Одесса – КП-3625, Ф. 870; КП-5526, Ф. 1872) и др.

В середине XIX в. в связи с активным развитием таких отраслей экономики, как торговля и табачная промышленность, где были задействованы и караимы, значительное число семей караимов-купцов и предпринимателей покидали Крым, переселяясь в экономические развитые города Российской империи. Вскоре их присутствие наблюдается в Москве, Санкт-Петербурге и в ряде других, менее крупных промышленных центрах. Эту тенденцию иллюстрируют и фотографические снимки, имеющиеся в коллекции ГБУ РК «КЭМ». Так, на фото КП-563, Ф. 86 (ч/б фотобумага, картон, паспарту, типографский шрифт, рукописные пометы синими чернилами) запечатлена семья караима Иосифа (Осипа) Казаса – с женой Раисой Казас, детьми Ильёй и Верой (Рис. 2). На лицевой стороне – знак фотомастерской, вензель, тиснение белой краской: «Рембрандтъ. Юзовка». На обороте типографским способом экслибрис фотомастерской, текст: «Фотографія Рембрандтъ Я. Шуралея въ Юзовкѣ Екат. Губ. Негативы сохраняются». Очевидно, эти члены этой караимской семьи в конце XIX – начале XX в. входили в местную общину с. Юзово Бахмутского уезда Екатеринославской губернии. На фото КП-3457, Ф. 808 (фотобумага, ч/б печать, картон, паспарту),

изготовленном в Екатеринославе в конце XIX – начале XX в., на его лицевой стороне – знак фотомастерской, вензель, тиснение золотом: «Г. Я. Бикъ. Екатеринослав».

Караимская коллекция ГБУ РК «КЭМ» (80% всех экспонатов которой подарены или переданы жителями Крыма) является информативным источником по истории караимских общин Крыма. Аргументированный научный анализ контента коллекции позволяет заполнить многие лакуны в истории одного из малочисленных народов Крыма, которым являются караимы. Ценность музейных экспонатов состоит также и в том, что они являются связующим звеном между поколениями, служат культурно-просветительским и воспитательным целям.

Литература

1. ГАРК. – Ф. 128. – Оп. 1. – Д. 46. – Л. 5.
2. Караимская народная энциклопедия: в 10-ти т. / редкол.: М. С. Сарач (гл. ред.) и др. – Т. 6. Караимский дом: (в 2-х ч.), Ч. 1. – М., 2000. – 268 с.
3. Прохоров Д. А. Музейные коллекции по истории и культуре крымских караимов. – Симферополь: Бизнес-информ, 2016. – 320 с.

D. A. Prokhorov

KARAITE COLLECTION OF THE CRIMEAN ETHNOGRAPHIC MUSEUM

Abstract. *The funds of the Crimean Ethnographic Museum represents the various exhibits about the history of the Karaite communities of the Crimean peninsula. The collection contains various documents and materials related to the history of Karaite's families of Simferopol and other Crimean cities. Among the items of storage are items of clothing, everyday life and decorative works of artisans used in the daily life of Karaite families in the late 19th - mid-20th centuries. There are more than fifty photographs of the XIX-XX centuries, reflecting the geography of the settlement of the Karaites on the territory of the Russian Empire. The total number of exhibits in the museum's Karaite collection is over 100 items.*

Keywords: *Crimea, old-time population, Karaites, museum collections.*

1. Групповое фото караимской молодежи, активистов КрымОКО (ГБУ РК «КЭМ», КП-3623, Ф. 868).

2. Групповой портрет караимской семьи Казас (ГБУ РК «КЭМ», КП-563, Ф. 86).

Э. И. Сейдалиев, Д. Э. Сейдалиева

**ДЕТСКАЯ ГИГИЕНА
В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО
ТЮРКСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КРЫМА
(О РЕДКОЙ ГРУППЕ ГЛАЗУРОВАННОЙ КЕРАМИКИ
ИЗ РАСКОПОК ЗОЛОТООРДЫНСКОГО СОЛХАТА)¹**

Аннотация. В ходе археологических исследований золотоордынского Солхата на ряде объектов было выявлено значительное количество керамического материала. Среди этих находок выделяется керамика специального назначения – туваки (так называемые «детские горшки»), которые делятся на пять типов, по признакам, связанным с технологией их изготовления. Всего в статье анализируются 20 находок, датированных 50-ми гг. XIII – 50-ми гг. XIV в. Обобщение и систематизация рассматриваемых в статье археолого-этнографических материалов позволяет лучше узнать традиционную культуру тюркского населения Крыма и выяснить некоторые вопросы, связанные с происхождением и развитием крымскотатарской культуры и этногенезом крымских татар в целом.

Ключевые слова: Золотая орда, Солхат, глазурованная керамика, туваки, этногенез крымских татар.

Этногенез крымских татар неразрывно связан с историей и культурой средневекового тюркского населения Крыма. У тюркских кочевых народов младенец в первые месяцы своей жизни находился в подвешенной колыбели. Колыбель представляла собой низкобортный деревянный ящик, с отверстием на дне. Чтобы ребёнок

¹ Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (РНФ), в рамках проекта № 20-18-00076 «Эволюция городов на Внутренней гряде Крымских гор в Средние века и Новое время». Авторы выражают благодарность доктору исторических наук, руководителю Старокрымской экспедиции Государственного Эрмитажа М.Г. Крамаровскому за возможность самостоятельной публикации археологического материала.

не выпал из колыбели, он всегда лежал на спине, туго пристегнутый ремнями. Таким образом, конструкция колыбели и тугая фиксация ребенка не позволяла ему выпасть, даже если колыбель переворачивалась. Так кочевники перевозили детей во время долгих переходов, а на стоянках ребенка «освобождали». Пелёнок не было, на дно колыбели стелили подобие матраса; сверху ребенок укрывался одеялом. Во время кочевых переходов не всегда удавалось поменять матрас и одеяло после исправления естественных надобностей. Для того, чтобы обеспечить гигиеническую чистоту, в матрасе и в донной части колыбели делали отверстие, в которое вставляли или к которому привешивали сосуд особой формы, получивший в научной литературе название «тувак» (ряд исследователей используют для его обозначения термины «сунак» или «сувак», что не совсем верно). В отверстие на дне колыбели была вставлена мочеотводная трубка – «сунак», широким концом подведенная к телу ребенка. Делали трубку либо из стекла, либо из полый трубчатой кости, возможно, птицы. Для фиксации сосуда в колыбели были предусмотрены широкие, горизонтально отогнутые закраины. По мере заполнения содержимое тувака выплёскивалось. Данные сосуды использовались в колыбелях типа «бешик».

Туваки представляют собой стакановидные неорнаментированные горшки, имеющие отогнутый почти под прямым углом широкий край и неширокое плоское дно [9]. Диаметр дна сосудов варьируется от 9,5 до 11,0 см, диаметр верхнего края в пределах 14-20 см, толщина стенок горшка 0,8-0,9 см, его высота около 15,0-20,0 см. Туваки впервые появляются в Средней Азии в IX в.; в XI-XII вв. они известны во многих городах Закавказья (Тбилиси, Двин, Орен-Кала) [4, с. 120].

На территории Солхатского городища найдено относительно небольшое количество туваков местного производства. Фрагменты так называемых «детских горшков» встречались на территории практически всех исследованных объектов: архитектурный комплекс караван-сарай; ремесленное поселение Бокаташ II; поселение Кринич-ки II; архитектурный комплекс медресе-мечети хана Узбека; баня на поселении в Георгиевской балке. Большинство из них происходят из закрытых археологических комплексов и датируются нумизматическим материалом (см. Приложение 1). Самый ранний комплекс с находкой туваков датируется серебряной монетой 50-х гг. XIII в. [6],

самый поздний комплекс – медной монетой 50-х гг. XIV в. времени правления хана Джанибека [7].

Для нашего исследования отобраны наиболее показательные вещи местного производства из раскопок гончарных мастерских на поселении Бокаташ II и караван-сарая, покрытые глазурью. Продукция группы «Солхат-Бокаташ», вероятнее всего, поступала на городской рынок. Черепок изделий в изломе имеет насыщенно-красный цвет, достаточно плотное глиняное тесто с примесью крупно дробленного шамота и известняка. Глазурь на туваках только монохромного зеленого (цвета варьируется от темно-зеленых, светло-зеленых до болотных оттенков) цвета и, как правило, нанесена на их внутреннюю поверхность. Продукция группы «Солхат-Караван-сарай» поступала на городской рынок, но в то же время, на наш взгляд, найденные обломки сосудов выполнены более качественно, чем на Бокаташе. Черепок в изломе имеет красный цвет, глиняное тесто более «пластичное», хорошо промешанное, с большой концентрацией крупно дробленного шамота и известняка. Здесь встречается покрытие также только зеленого цвета (оттенки глазури варьируются от темно-зеленого до светло-зеленого), нанесенное на внутреннюю поверхность сосудов. Мы относим туваки к категории керамики специального назначения. Морфологически выделяются пять типов таких сосудов [5, с. 191].

Тип I. Туваки красноглиняные с примесью крупно дробленного шамота и известняка. Корпус сосудов каплевидный; край небольшой, горизонтально отогнутый. Внутренняя поверхность и край покрыты монохромной зеленой глазурью. Встречаются сосуды, снаружи частично покрытые белым ангобом (группа «Солхат-Караван-сарай») (Рис. 1, 1).

Тип II. Туваки красноглиняные с примесью крупно дробленного шамота и известняка. Корпус сосудов каплевидный; край широкий, горизонтально отогнутый. Внутренняя поверхность и край покрыты монохромной зеленой глазурью. Встречаются сосуды, снаружи покрытые частично белым ангобом (группа «Солхат-Караван-сарай») (Рис. 1, 2-3).

Тип III. Туваки красноглиняные с примесью крупно дробленного шамота и известняка. Корпус сосудов каплевидный; их устье широкое, горло не выражено, покатые плечи переходят в отогнутый широкий горизонтальный край. Изнутри поверхность изделия покры-

та монохромной зеленой глазурью (группа «Солхат-Караван-сарай») (Рис. 1, 4-11; 2, 1-2, 5).

Тип IV. Туваки красноглиняные с примесью крупно дробленного шамота и известняка. Корпус сосудов каплевидный, несколько сплюсненной формы. Устье горшков широкое, горло не выражено, покатые плечи переходят в отогнутый наружу широкий горизонтальный край. Изнутри поверхность и борта изделия покрыты монохромной зеленой глазурью (группа «Солхат-Караван-сарай») (Рис. 2, 4).

Тип V. Туваки с черепком насыщенно-красного цвета, плотного теста с примесью шамота и известняка. Корпус сосудов каплевидной формы (ближе к овалу), устье широкое, горло не выражено, покатые плечи переходят в отогнутый наружу широкий горизонтальный край. Изнутри поверхность и борта изделия покрыты монохромной зеленой глазурью (группа «Солхат-Бокаташ») (Рис. 2, 3, 6-8).

Туваки были распространены в основном на территории степных регионов [1, с. 160]. В XIV-XV вв. эти узко специализированные сосуды встречаются и на территориях с оседлым населением, например, на Мангупском городище, хотя исследователи часть этих находок относят к «турецкому времени» [2, с. 388; 3, рис. 6, 6-7]. Связано это, скорее всего, с переходом большей части средневекового кочевого населения к оседлости, вследствие чего такая форма колыбелей и использование туваков постепенно теряют свою актуальность. Тем не менее, среди этнографических материалов, характеризующих культуру и ремесленное производство крымских татар в конце XIX – начале XX вв. подобные материалы встречаются.

Среди этнографических материалов также известны колыбели – «бешик» (бесик) с отверстием для крепления тувака [10, с. 300] и цех «бешикчи-ве-сандыкчи» (дословно – «колыбельщиков и сундучников»), который фиксируется у крымских татар У.А. Боданинским и в позднее время [8, с. 74]. Известно использование бешиков и туваков в странах Средней Азии вплоть до настоящего времени.

Узкая датировка сосудов-туваков остается крайне затруднительной. Близкие по форме изделия встречаются среди местной керамики Солхата уже в комплексах и культурных горизонтах конца XIII – середины XIV вв. Наибольшее количество туваков при раскопках городища найдено на территории архитектурного комплекса медресе-мечети хана Узбека и ремесленного поселения Бокаташ II в округе памятника. Верхняя дата таких горшков определяется концом тре-

тей – началом последней четверти XV в. В комплексах османского времени в истории Солхата преобладают горшки уже иной формы – с цилиндрическим корпусом, горизонтальным венчиком и одной или двумя ручками, предназначавшиеся, вероятно, не только для маленьких детей. Изредка встречаются и «классические» младенческие экземпляры, отличающиеся от средневековых крымских туваков более вытянутыми пропорциями.

Обобщение и систематизация рассматриваемых в статье археолого-этнографических материалов позволяет лучше узнать традиционную культуру тюркского населения Крыма и выяснить некоторые вопросы, связанные с происхождением и развитием крымскотатарской культуры и этногенезом крымских татар в целом.

Литература

1. Волков И. В. Керамика золотоордынского города Маджар // Материалы Первого Маджарского археологического форума (г. Пятигорск, г. Будённовск, 24-25 сентября 2012 г.). / ред.-сост. Ю.Д. Обухов. – Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2016. – С. 139-222. – (Серия: Археология евразийских степей, вып. 23).
2. Герцен А. Г. Стратиграфические исследования на юго-восточном склоне мыса Тешкли-Бурун (Мангуп) / А. Г. Герцен, А. Ю. Землякова, В. Е. Науменко, А.В. Смокотина // МАИЭТ. – 2006. – Вып. XII. – Ч. 2. – С. 371-494.
3. Герцен А. Г. Поливная керамика из раскопок цитадели Мангупа / А. Г. Герцен, В. Е. Науменко // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X-XVIII вв. Т.1. / ред. С.Г. Бочаров, В.Л. Мыц. – Киев: Стило, 2005. – С. 257-287.
4. Зеленев А. Ю. Золотоордынские города Поволжья: возникновение, время существования и этнокультурная характеристика // История и современность. – 2010. – №1. – С. 113-122.
5. Кокорина Н. А. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV веков (к проблеме преемственности болгарской и болгаро-татарской культур). – Казань: Институт истории, 2002. – 383 с.
6. Крамаровский М. Г. Отчет о полевых исследованиях 1993 г. на городище Солхат (Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа // Архив отдела Востока ГЭ. – Старый Крым – СПб., 1994. – 160 с.
7. Крамаровский М. Г. Отчет о полевых исследованиях 2000 г. на городище Солхат (Крым) археологической экспедиции Государственного Эрмитажа // Архив отдела Востока ГЭ. – Старый Крым – СПб., 2001. – 212 с.

8. Крымские татары: Хрестоматия по этнической истории и традиционной культуре / авт.-сост. М. А. Араджиони, А. Г. Герцен. – Симферополь: ДОЛЯ, 2005. – 576 с.

9. Кузнецова О. В. Комплекс керамики со средневекового городища Чилик. – Режим доступа: URL: <https://articlekz.com/article/4563>.

10. Тюркские народы Крыма: Караимы. Крымские татары. Крымчаки / отв. ред. С. Я. Козлов, Л. В. Чижова. – М.: Наука, 2003. – 459 с.

E. I. Seidaliev, D. E. Seidalieva

CHILDREN'S HYGIENE IN THE TRADITIONAL CULTURE OF THE MEDIEVAL TURKIC POPULATION OF THE CRIMEA (IN A RARE GROUP OF GLAZED CERAMICS FROM THE EXCAVATIONS OF THE GOLDEN HORDE SOLKHAT)

Abstract. *In the course of archeological research of a number of objects of the Golden Horde Solkhat, significant amount of ceramic material was revealed. Among these, we simple out and analyze special purpose ceramics-tuvaki (the so called ("nursery pots") which we divide into five types, according to features associated with manufacturing technology the 50th years of the 13th century and 50th years of the 14 century. The generalization and systematization of the archeological and ethnographic materials considered in the article, makes it possible to better know the traditional culture of the Turkic population of the Crimea and to clarify some issues, related to the origin and development of the Crimean Tatar culture and the ethnogenesis of the Crimean Tatars in general.*

Keywords: *Golden Horde, Solkhat, glazed ceramics, tuvaki, ethnogenesis of the Crimean Tatars.*

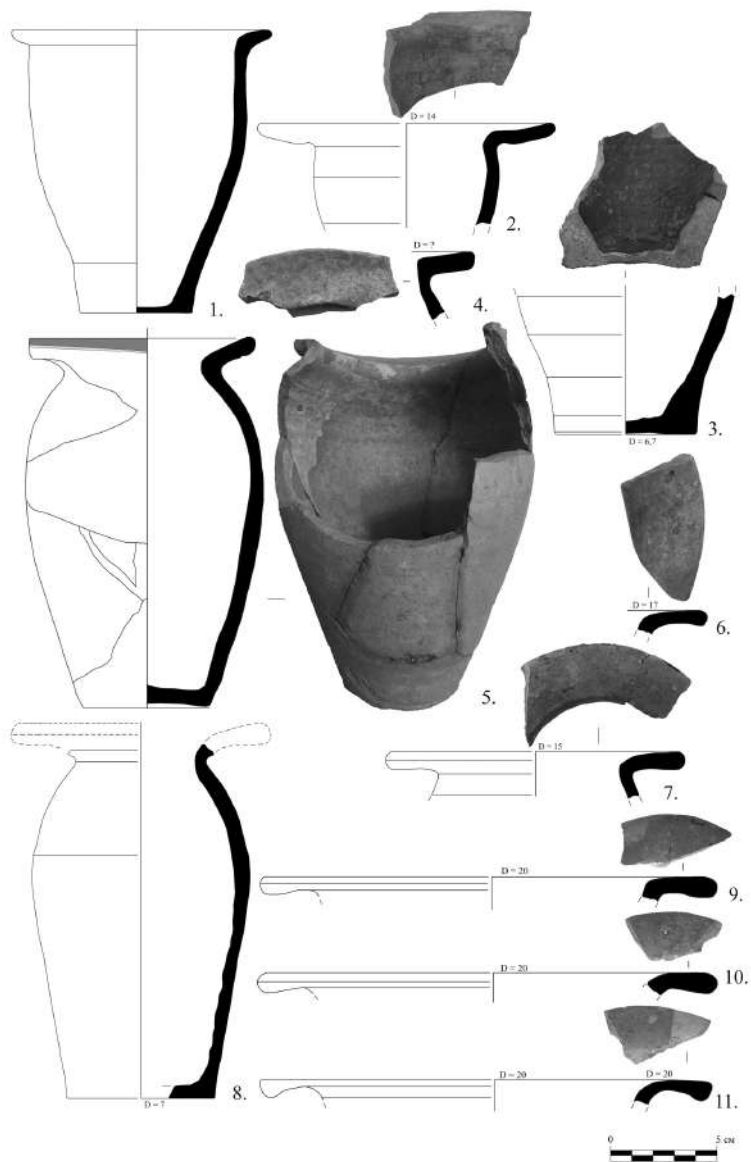

Рис. 1. Золотоордынский Солхат. Туваки.
Тун I – 1, тун II – 2-3, тун III – 4-11.

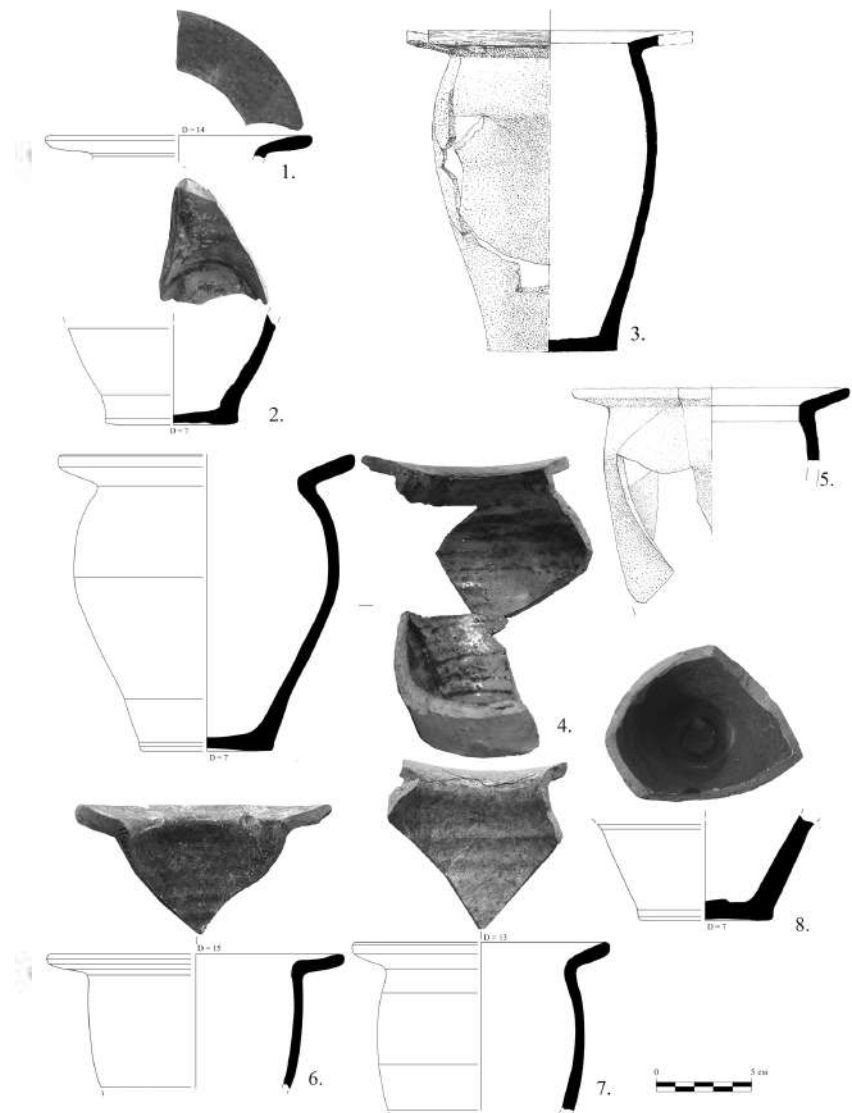

Рис. 2. Золотоордынский Солхат. Туваки.
Тун III – 1-2, тун IV – 4, тун V – 3, 5-8.

№	Объект и год исследования	Место находки	Датировка (по палеонтологическому материалу)	Кол-во находок
1.	Раскоп VI. Археологический комплекс мечети-медресе хана Улуба, 1981 г.	Участок 3Б У лужайки стены		1
2.	Раскоп VI. Археологический комплекс мечети-медресе хана Улуба, 1984 г.	Промышленка за северо-западным внешним углом медресе Улуба. Квадрат 85Б, штык 7-8.		4
3.	Раскоп XII. Территория археологического комплекса Караван-Сарай, 1989 г.	Квадрат Б1, северо-западный угол		1
4.	Раскоп XII. Территория археологического комплекса Караван-Сарай, 1989 г.	Квадрат Б2, центральная яма		1
5.	Раскоп XII. Территория археологического комплекса Караван-Сарай, 1990 г.	Квадрат 51, штык 2		1
6.	Раскоп XII. Территория археологического комплекса Караван-Сарай, 1990 г.	Квадрат 51, тапчар		1
7.	Раскоп XII. Территория археологического комплекса Караван-Сарай, 1990 г.	Квадрат 63, хозяйственная яма № 2		1
8.	Раскоп XII. Территория археологического комплекса Караван-Сарай, 1990 г.	Квадрат 64, штык 3		1
9.	Раскоп XII. Территория археологического комплекса Караван-Сарай, 1991 г.	Участок 63-51, бровка, яма	Золотая Орада, аноним, Крым, XIII в.	5
10.	Раскоп XII. Территория археологического комплекса Караван-Сарай, 1993 г.	Участок 50, землянка		1
11.	Раскоп XII. Территория археологического комплекса Караван-Сарай, 1993 г.	Участок 50, землянка, западной угол под каменки	Мелкая монета, Золотая Орада, Сарай ал-Джаиди, середина XIV в., Серебрянная монета, Золотая Орада, Токта, Крым, 50-е гг. XIII в.	1
12.	Раскоп XII. Территория археологического комплекса Караван-Сарай, 1994 г.	Участок 50, землянка	Мелкая монета, Золотая Орада, Крым, XIII в.	1
13.	Раскоп XXI. Кринички-II, 2000 г.	Соружение 1. Хозяйственная яма № 2.	Мелкая монета, агириграфная, гг. половина XIV в.; мелкая монета, Джалибиб, 50-гг. XIV в. (две аналогичные монеты)	1
14.	Плито I (находится на мосу составляющем высокое плато, которое находится между р. Фурку-Су и тл. ФГоры. Оно плавно опускается с ЮЗ на СВ в сторону водохранилища), 2000 г.	Хозяйственная яма № 1.		1
15.	Бокташ - II. Раскоп XXIII, 2004 г.	Хозяйственная яма № 4.	Серебрянная монета, Токта, Крым, 690 г.х. (1291 г.), мелкая монета, чекан Сарай, 748 г.х. (1347 г.), изображен двурукавый орел	1
16.	Бокташ - II. Раскоп XXIII, 2004 г.	Хозяйственная яма № 4.		1
17.	Раскоп 45. Археологический комплекс медресе-мечети хана Улуба, 2017 г.	Участок 2. Южный айван. Яма под черепицей		1
18.	Шурфовки в Георгиевской балке. Шурф 7, 2017 г.	Колодец		1
19.	Шурфовки в Георгиевской балке. Шурф 7, 2018 г.	Колодец. Северо-восточный суглинок с золой		1

Приложение №1. Золотоордынский Солхат. Перечень археологических комплексов с тувачками.

Л. А. Слестникова

КРЫМСКОТАТАРСКИЕ КЕРАМИСТЫ НАЧАЛА XXI ВЕКА (КРАТКИЙ ОБЗОР)

Аннотация. В работе отмечается разнообразие производившейся в Крыму на протяжении веков керамики. Приводятся причины появления в 1990-2010-х гг. в Крыму крымскотатарских керамистов, позиционирующих свое творчество как направленное на возрождение традиционной крымскотатарской керамики. Содержатся краткие характеристики творчества наиболее известных крымскотатарских керамистов.

Ключевые слова: крымские татары, декоративно-прикладное искусство, керамика Крыма, керамисты XXI в.

Депортация крымских татар 1944 г. стала одним из факторов, приведших к особо пристальному вниманию представителей этого народа к своей истории, этническому своеобразию и его проявлениям. В начале 1990-х гг. крымские татары получили реальную возможность массового возвращения на свою историческую Родину. Вернувшиеся в Крым они, в основном представители крымскотатарской интеллигенции, помимо решения вопросов, связанных с выделением земли под поселки и другими бытовыми проблемами, особое внимание в своей деятельности уделили возрождению своей национальной культуры, не только через восстановление традиционных праздников, обрядов, но и через развитие народных ремесел, осмысление символики национального орнамента. В эти годы стали организовываться курсы по обучению традиционной крымско-татарской вышивке и ткачеству, появились мастера-керамисты, позиционирующие свою деятельность, как направленную на возрождение традиционной крымскотатарской керамики.

Местное керамическое производство Крыма находилось под влиянием греческой культуры в эпоху античности и византийских культурных традиций в средние века. В VIII-IX вв. местные гончарные

центры производили в основном строительную, хозяйственную и тарную (амфоры, фляги) керамику, неполивную, иногда с рифлением [3; 4; 8]. Возникновение производства поливной посуды в Крыму, в первую очередь, в Кафе и Солхате, относится к XIII-XIV вв. Полива изделий была прозрачной, преимущественно зеленого, желтого и коричневатого цветов [7; 9]. В XV-XVIII вв. мастера полуострова продолжали производить хозяйственную и строительную керамику.

В начале XX в. в Крыму производилась керамика, в массе своей, неполиваная, по назначению чисто утилитарная, которая использовалась на полуострове в хозяйстве: строительная (трубы водопроводов и для подачи горячего воздуха в банях, черепица-*татарка*, плинфа), кухонная (горшки для приготовления и хранения пищи) и столовая (кувшины, блюда, тарелки, миски, кофейные чашки), а также курительные трубки и детские игрушки-свистульки в виде птичек [1, с. 159]. Некоторые образцы крымской керамической посуды этого времени были поливными, иногда глазурью покрывалась верхняя часть черепицы. Орнаментировались изделия крымских гончаров рядами линий и элементами геометрического орнамента. Престижной («парадной») посудой в крымскотатарских домах считалась поливаная керамика, в основном привозившаяся из Турции. Несмотря на то, что керамические изделия играли большую роль в быту крымских татар, в исследованиях о ремесленных производствах Крыма рубежа XIX-XX в. отмечается, что гончарное производство практически полностью угасло к началу XX в., поскольку его продукция вытеснялась более дешевыми привозными фабричными керамическими изделиями, а также фаянсовой, фарфоровой и металлической посудой [2, с. 314].

Работы крымскотатарских керамистов, выполненные в начале XXI в., дают некоторое представление о том, какие формы, декор, технологии изготовления из многовекового наследия керамического производства в Крыму приняты ими, как наиболее полно отвечающие понятию «традиционная крымскотатарская керамика». В работе будут названы далеко не все мастера, работающие в настоящее время на полуострове и декларирующие в качестве целей своего творчества возрождение традиций гончарного производства крымских татар. Выбраны имена лишь тех, чье творчество, по мнению автора, наиболее точно демонстрирует основные направления, в которых работают керамисты-крымские татары в настоящее время.

Из современных крымскотатарских керамистов наиболее известен Рустем Скибин. Он родился в 1976 г. в Узбекистане (в г. Самарканде) и в 1996 г. окончил Самаркандское училище искусств по специальности художник-педагог. В 1996 г. вернулся в Крым и с этого времени по 2000 г. работал главным художником на керамическом предприятии «Таврика» в г. Симферополе. Позднее занимался преподавательской деятельностью в детской студии «Чельмекчилер» в г. Бахчисарае, работавшей при «Фонде возрождения Крыма», создал творческую мастерскую «Эль-Чебер» («Страна мастеров») в г. Симферополе [5, с. 26-27; 11, с. 22-27]. Его основные изделия, как и большинства других крымскотатарских керамистов – орнаментированные блюда (*тапели*) и панно, светильники, фонтаны, музыкальные инструменты. Многие из этих изделий орнаментированы в технике полихромной росписи. Эту технику на керамическом предприятии «Таврика», где несколько лет работал Р. Скибин, внедрили львовские мастера; работают в ней и керамисты Турции (ПМА 2015). Она заключается в нанесении штихелем рисунка на сырую глину и заливке на образовавшуюся поверхность цветной глазури, с последующим обжигом. Получаются яркие многоцветные узоры, напоминающие среднеазиатские. В технике полихромной росписи сейчас работают отдельные художники и небольшие артели, выпускающие керамическую продукцию с видами Крыма. В интерьерах крымскотатарских гостиных и кафе можно встретить работы Р. Скибина и других крымскотатарских керамистов, выполненные в технике неполивной керамики: небольшие керамические скульптуры, сосуды с нанесенным штихелем орнаментом, развивающим мотивы крымскотатарских вышивок.

Еще одним мастером, стоящим у истоков возрождения в начале XXI в. производства крымскотатарской керамики, является Абдюль Сеит-Аметов. Он родился в 1970 г. в Узбекистане (г. Ташкент). Окончил Ташкентское художественное училище им. Бенькова, затем Харьковский художественно-промышленный институт по специальности «графический дизайн». В 1995 г. переехал в Крым и с 2011 г. руководил студией «Чельмекчилер» («Гончарь») в г. Бахчисарае [5, с. 10-11]. Сосуды для жидкостей, чайники его работы, лаконичные по декору, напоминают образцы крымской керамики XIX в. Но форма некоторых из них является результатом поиска новых декоративных решений.

Многие ныне работающие крымскотатарские керамисты являются учениками Рустема Скибина и Абдюля Сеит-Аметова. Как и их учителя, они владеют различными техниками гончарного ремесла.

Неполивные работы молодого крымского мастера Эльдара Гусенова по форме и лаконичности декора иногда напоминают образцы античной керамики. Э. Гусенов родился в 1985 г. в г. Самарканде, в 1991 г. переехал в Крым. Работе с глиной учился в студии «Чельмекчилер» у Абдюля Сеит-Аметова и Рустема Скибина. В 2008 г. в Симферополе окончил отделение дизайна и промышленной графики в Таврическом гуманитарно-экологическом институте [5, с. 38-39]. Эльдар Гусенов ставит перед собой задачу возрождения форм традиционной крымскотатарской керамики, ее утилитарности и функциональности. Его неполивные кувшины, заварочные чайники, пиалы, тарелки могут не только служить украшением интерьера, но и пригодны для употребления в быту. Кроме рельефных напылов его изделия украшают нанесенные штихелем узоры, являющиеся разработкой орнамента крымскотатарских вышивок. Также среди его работ есть полихромные глазурованные изделия.

Из керамистов, являющихся авторами чисто декоративных предметов, но использующих в своем творчестве крымские мотивы, наиболее известна Эльвиза Татарова. Керамистка живет в Крыму, ведет занятия, обучая гончарному ремеслу не только детей, но и взрослых [10]. Среди ее работ керамические панно с видами старинных крымских селений, татарских домов под черепичными крышами, а также композиции, где в глине воплощены традиционная татарская утварь и орнаменты вышивок. Она является призером фестиваля «Республика мастеров» в рамках Всероссийского фестиваля изобразительного и декоративно-прикладного искусства «Крымская мозаика» 2016 г.

Поскольку детство многих современных мастеров Крыма, которым сейчас 30-50 лет, прошло в Средней Азии, они не могли не впитать эстетику ее художественных образов, что, в большей или меньшей степени, нашло отражение в их творчестве. Наиболее отчетливо влияние монохромной среднеазиатской керамики проявляется в творчестве Шамиля Ильясова. Он родился в 1960 г. в поселке Колхозабад Кургантюбинской области в Таджикистане. Окончил отделение керамики Душанбинского художествен-

ного училища, работал преподавателем, а затем директором художественной школы в г. Нурек. В Крым вернулся в 1988 г., где в поселке Первомайское работал керамистом на малом предприятии, с 1993 г. мастером в гончарном цехе Белогорской фабрики «Восход». В 1999 г. возобновил преподавательскую деятельность в Белогорской детской школе искусств. Его работы – мелкая керамическая скульптура в стиле среднеазиатской народной игрушки и монументальная пластика для интерьеров [5, с. 40]. Стилистику этой игрушки можно увидеть и в мелкой пластике керамистов, о которых речь шла ранее.

Опыт индустриально развитых стран показывает, что в начале XXI в. изделия мастеров традиционных народных промыслов в большинстве случаев востребованы в качестве предметов декоративно-прикладного искусства и служат сувенирами для туристов. Не являются в этом смысле исключением изделия крымскотатарских керамистов. Часть их работ выполняется на заказ, используется при оформлении интерьеров гостиниц и ресторанов в «крымскотатарском» стиле, часть – для свободной продажи. Изделия крымскотатарских керамистов приобретают сами крымские татары, как элемент убранства для дома, подчеркивающий этническую принадлежность его жителей, а также гости Крыма, видя в них сувенирную продукцию, сохраняющую память о крымской земле.

Современные крымскотатарские керамисты не копируют керамику прошлых веков, но в их работах можно увидеть отголоски форм древних сосудов. Этнический колорит их изделиям придает декор, в основном, орнамент крымскотатарских вышивок. Такой декор не был характерен для древней крымской керамики, но использовался, наряду с подглазурной росписью, мастерами керамических артелей в Крыму в 1930-е гг., при попытке возродить местное гончарное производство.

Несмотря на различие подходов, современные крымскотатарские керамисты выполняют одну важную задачу: своим творчеством развивают национальное орнаментальное искусство своего народа. Опыт их работы показывает, что это возрождающееся ремесло имеет шанс сохраниться, как еще один элемент народной культуры.

Литература

1. Вдовиченко И. И. Керамика в материальной культуре крымских татар // Этнография Крыма XIX-XX вв. и современные этнокультурные процессы. Материалы и исследования. Вып. 2 / отв. ред. М. А. Араджиони, Ю. Н. Лаптев. – Симферополь: СГТ, 2007. – С. 159-162.
2. Заатов И. Крымскотатарское декоративно-прикладное и изобразительное искусство. – Симферополь: Тарпан, 2003. – 336 с.
3. Иванова О. С. Амфоры позднеримского времени из раскопок Мангупа // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.): сборник научных статей / под ред. И. Н. Храпунова. – Симферополь-Бахчисарай: Доля, 2013. – С. 93-154.
4. Керамическое производство и античные керамические строительные материалы / отв. ред. И. Б. Зеест. – М.: Наука, 1966. – 158 с. (Серия: Археология СССР. САИ. Вып. Г 1-20).
5. Крымский стиль: каталог / сост. М. Чурлу. – Киев.: ВХ [студіо], 2011. – 40 с.
6. Тесленко И. Б. Поливная посуда Крыма XV в. (местное производство дотурецкого периода) // Древности 2010. Харьковский историко-археологический ежегодник. – Харьков: НТМТ, 2010. – Вып. 9. – С.216-234.
7. Тесленко И. Б., Сейдалиева Д. Э. Гончарное производство и керамический импорт Крыма конца XIII – начала XV вв. // Крым в золотоордынский период. Крымский Юрт Золотой Орды: наследие исчезнувшей империи: каталог выставки / ред. Э. И. Сейдалиев. – Симферополь: Тарпан, 2016. – С. 85-105.
8. Якобсон А. Л. Гончарные центры VIII-IX вв. в Таврике // КСИА. – 1977. – Вып. 150. – С. 42-48.
9. Якобсон А. Л. Средневековая поливная керамика как историческое явление // ВВ. – 1978. – Вып. 39. – С. 148-159.
10. Çamurda canlanğan nağmeler // Nenke Can. – 2013. – №10. – P. 24-29.
11. Skibin Rustem. Qirimni yaraştırğan çölmekçi // Nenke Can. – 2013. – № 11. – P. 22-27.

L. A. Slastnikova

CRIMEAN-TARTAR'S CERAMISTS OF THE BEGINNING OF XXI CENTURY (BRIEF REVIEW)

Abstract. *Our work is dedicated to emphasise the variety in ceramics, made in Crimea for centuries and underline new wave (1990-2010) of craftsmen, who's creativity is to restore crimean ceramic crafts nowadays. Also in this article we characterise crafts of the most well-known Crimean ceramists.*

Keywords: *Crimean Tatars, arts and crafts, ceramics of Crimea, 21st century ceramists.*

М. В. Сухарев

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПОСТУКРАИНСКОМ КРЫМУ

Аннотация. В статье анализируются особенности развития национальных общин и религиозных объединений в Крыму в 2014–2017 гг.

Ключевые слова: русские, украинцы, крымские татары, Украинская православная церковь, мусульмане, Хизб ут-Тахрир.

Возвращение Крыма в состав Российского государства весной 2014 г. дало толчок определённым этноконфессиональным процессам, связанным с изменением политического статуса полуострова. В первую очередь, это коснулось положения русского населения Крыма. Если в украинском Крыму русские составляли большую часть населения, но титульным этносом являлись украинцы, то теперь русские по праву занимают место главной государствообразующей национальной группы в Республике Крым и г. Севастополе. В связи с этим с русского языка были сняты все дискриминационные ограничения, введённые Украинским государством; он стал доминирующим языком делопроизводства и рекламы на полуострове, что следует рассматривать как восстановление исторической справедливости. К началу марта 2017 г. в крымских школах на русском языке обучалось 186,5 тыс. детей или 96,9 % от общего числа обучающихся [3].

В более сложных условиях оказались крымчане, идентифицирующие себя с украинской культурой. В российском Крыму украинский перестал быть единственным государственным языком, а в связи с русификацией делопроизводства, практическая потребность в нём резко снизилась. Следствием этого стало многократное уменьшение украиноязычного сегмента школьного образования на полуострове. В этой связи уместно сравнить статистические сведения. Так, в 2013 г. в Автономной Республике Крым украиноязычными были 7 школ, 875 классов, 13589 школьников (6,5 %). В марте

же 2017 г., по данным министра образования Республики Крым Н. Гончаровой, на украинском языке в республике обучался всего 371 школьник (0,1 %) [3]. Частично украиноязычной можно считать только одну школу в г. Феодосии (9 классов, 132 учащихся). В 12 школах республики функционируют 19 классов с украинским языком обучения (239 учащихся). Кроме того, в крымских школах факультативно изучают украинский язык 12892 учащихся. Как видим, за четыре года количество украиноязычных школьников в Крыму снизилось многократно. Этот процесс не является следствием дискриминационной политики российских властей в отношении украинского языка в Крыму. Просто в новых условиях, когда Украина более не имеет возможности искусственно насаждать свой государственный язык в Крыму, он занял на полуострове свою естественную нишу, которая определяется тем, что крымские украинцы являются этническим меньшинством и в подавляющем большинстве относятся к русскоязычным гражданам.

Из крымских книжных магазинов практически исчезла литература на украинском языке. В последние два года украинские активисты не имели возможности проводить 9 марта официальные мероприятия в годовщину рождения Т. Шевченко, так как на подобном мероприятии в Симферополе в 2015 г. его участники использовали запрещённую в Крыму украинскую государственную символику и провозглашали сепаратистские лозунги о необходимости возвращения полуострова в состав Украины.

Серьёзные трудности испытывает и Украинский культурный центр в г. Симферополе. Из-за финансовых проблем в мае 2017 г. он временно приостановил свою деятельность. Как неоднократно утверждал основатель этой организации Леонид Кузьмин, культурный центр существовал как волонтерский проект, лишённый политической основы. В нём собирались крымчане для изучения украинского языка и литературы, для ознакомления с новинками украинского кино [4]. За аренду помещения приходилось платить 12 тыс. руб. в месяц. Украина никакой финансовой помощи этому центру не оказывала. В начале января 2017 г. активисты обратились к депутатам Верховной Рады Украины с просьбой о финансовой поддержке, однако помощь так и не поступила. Крымская власть не отреагировала на данную ситуацию из-за опасений политической неблагонадёжности участников Украинского культурного центра.

На Украине и в других зарубежных странах периодически звучат заявления о якобы имеющих место притеснениях крымских татар в российском Крыму. Однако, жизненные реалии свидетельствуют об обратном. После «Крымской весны» на полуострове продолжают функционировать все 15 школ с крымскотатарским языком обучения. Шестнадцатая подобная школа не так давно была введена в эксплуатацию в посёлке Фонтаны Симферопольского района. Суммарно это 201 класс и 3,6 тыс. учащихся [3]. В 37 крымских школах действует 137 классов с крымскотатарским языком обучения для 1730 учеников. Кроме того, факультативно крымскотатарский язык изучают 19254 школьника. Сохранение сети крымскотатарских школ и Крымскотатарского театра в постукраинском Крыму, на фоне существенного сокращения сегмента украиноязычного образования и перепрофилирования Украинского театра, свидетельствуют о значительно большей востребованности на полуострове крымскотатарского языка, нежели украинского, о сугубо административном характере насаждения украинского языка в Крыму властями Украины в период с 1992 по 2013 гг.

После возвращения Крыма в состав России практически урегулирован вопрос с земельным обеспечением крымских татар. Наряду с другими народностями Крыма, на них распространился Президентский указ о незаконно репрессированных по национальному признаку лицах. После скандального закрытия сепаратистского телеканала АTR с сентября 2015 г. в Крыму вещает крымскотатарский телеканал «Миллет». Каждый год 18 мая на республиканском уровне проводятся траурные мероприятия в годовщину депортации крымских татар. На железнодорожной станции Сирень сооружается мемориальный комплекс в память о депортированных. После запрета деятельности в России сепаратистской организации «Меджлис крымскотатарского народа» тема депортации 1944 г. перестала использоваться в Крыму в спекулятивных политических целях. В Конституции Республики Крым закреплён государственный статус крымскотатарского языка. В Государственной Думе Российской Федерации в 2016 г. у крымских татар появился свой представитель – депутат от партии «Единая Россия» Руслан Бальбек. При этом власти Украины не оставляют попыток дестабилизировать ситуацию в Крыму путём воздействия, в первую очередь, на крымских татар.

Смена государственной принадлежности Крыма в 2014 г. повлекла за собой изменения в этническом составе населения полуострова. Они зафиксированы в материалах переписи населения в Крымском федеральном округе, проводившейся в октябре 2014 г. В приводимой ниже таблице сопоставляются сведения о численности крупнейших этнических групп Крыма по украинской переписи 2001 г. и российской переписи 2014 г. [6, с. 85]:

Население	2001 г.	2014 г.
Всё	2401209	2284769
Русские	1450394 (60,4 %)	1492078 (65,3 %)
Украинцы	576647 (24 %)	344515 (15 %)
Крымские татары	245291 (10,2 %)	232340 (10,2 %)

Таблица свидетельствует о том, что за 13 лет удельный вес русских в Крыму вырос на 5%, украинцев снизился на 9%, а процентная доля крымских татар существенно не изменилась. Приведённые показатели имеют своё объяснение. В российском Крыму русские вновь стали титульной нацией. При этом на полуострове множество смешанных русско-украинских семей. Часть крымчан со смешанными этническими корнями ради принадлежности к титульной нации в 2001 г. причисляла себя к украинцам, а в 2014 г. уже идентифицировала себя как русских. Кроме того, начался некоторый отток крымских украинцев на Украину и приток русских в Крым из материковых регионов России. Реальный удельный вес крымских татар в населении Республики Крым в 2014 г. мог быть больше, так как не все из них под влиянием меджлиса принимали участие в переписи, особенно в местах компактного проживания. Ведь то, что в абсолютных цифрах крымских татар за 13 лет стало меньше, маловероятно. Впрочем, это может объясняться переездом проукраински настроенных крымских татар на Украину. Примечателен также факт существенного роста численности поволжских татар в Крыму. Если в 2001 г. их было 13602 чел., то перепись 2014 г. фиксирует проживание в Крыму уже 44996 татар [6, с. 85]. Возможно, в украинской переписи многих из них причисляли к крымским татарам. В целом при сохранении тенденций последних лет в ближайшей перспективе крымские татары могут стать вторым по чис-

ленности крымским этносом, опередив украинцев. Подобное соотношение уже существовало в первой половине XX в.

Изменение государственного статуса Крыма сказалось и на деятельности региональных религиозных организаций. Крупнейшая из них – Крымская митрополия Украинской православной церкви (УПЦ) Московского патриархата, состоящая из трёх епархий: Симферопольской и Крымской, Феодосийской и Керченской, Джанкойской и Раздольненской. Крымская митрополия осталась составной частью УПЦ, но при этом перерегистрировалась в соответствии с российским законодательством [1]. Митрополит Крымский и Симферопольский Лазарь по-прежнему канонически подчинён предстоятелю УПЦ, митрополиту Киевскому и всея Украины Онуфрию. Московская патриархия отказалась напрямую переподчинить Крымскую митрополию Русской православной церкви из-за опасений потерять контроль над автономной УПЦ. Ареалы православных церквей не всегда совпадают с территориями тех или иных государств.

Не признаваемая в православном мире УПЦ Киевского патриархата лишилась на полуострове нескольких приходов. Это были храмы, связанные с воинскими частями. Однако, в Симферополе продолжает действовать принадлежащий ей храм свв. Владимира и Ольги, ставший, по сути, духовным центром украинских сепаратистов, не желающих признавать российскую принадлежность Крыма. Арбитражный суд Республики Крым принял решение о передаче в государственную собственность первого этажа здания, где располагается указанный храм. 31 августа 2017 г. оно было исполнено [7]. В ответ Киевская патриархия заявила о преследовании её паствы в Крыму. Очевидно, что конфликт имеет политическую подоплёку и связан с русофобской деятельностью неканонической УПЦ. В постукраинском Крыму сократилось и количество общин данной религиозной организации – с 40 до 9. Как правило, они проводят богослужения в арендуемых помещениях и квартирах.

Практически все священники Украинской греко-католической церкви за последние три года покинули Крым. Это связано с тем, что в установленные сроки – с 1 июля по 31 декабря 2014 г., униатские общины не прошли перерегистрацию в соответствии с российским законодательством [5]. Поэтому они утратили право осу-

ществлять религиозную деятельность. В отличие от униатских, римско-католические приходы успешно прошли перерегистрацию и имеют теперь возможность приглашать священнослужителей из-за рубежа.

В российском Крыму созданы благоприятные условия для развития ислама. На территории полуострова свободно действуют более 1000 мечетей. Под патронатом В.В. Путина в Симферополе началось строительство Крымской соборной мечети. Мусульманское духовенство Крыма наладило тесные связи с мусульманами Поволжья, Северного Кавказа, Москвы и других регионов России. Растёт число крымских мусульман, совершающих хадж. Если в 2016 г. таковых было 365 чел., то в 2017 г. их будет порядка 500 паломников [2]. Муфтий Крыма Эмиралы Аблаев неоднократно подчёркивал в публичных выступлениях, что и федеральные, и региональные власти всячески содействуют посещению крымчанами святых мест Саудовской Аравии.

После возвращения Крыма в состав России на полуострове ужесточилась борьба с радикальными мусульманскими группировками. К примеру, в Крыму, по аналогии с остальной Россией, была запрещена деятельность Хизб ут-Тахрир, выступающего за создание всемирного халифата. На Украине эта организация разрешена. В этой связи в Крыму ФСБ произвела целый ряд задержаний членов Хизб ут-Тахрир. В ответ Меджлис, власти Украины и их западные партнёры обвинили Россию в нарушении прав крымских татар, что не соответствует действительности, поскольку последователи указанной религиозной организации преследуются по закону на территории всех субъектов Российской Федерации. Более того, среди арестованных в Крыму тахрировцев были не только крымские татары, но и лица узбекской, таджикской и даже русской национальности.

Литература

1. Бакканский Э., Чинкова Е. Кому достались церкви Крыма? / Комсомольская правда в Украине. 21 июня 2015 г. – Режим доступа: URL: <https://kp.ua/life/503914-komu-dostalys-tserkvy-kruma>
2. В 2017 году в хадж из Крыма отправятся почти в два раза больше мусульман / КрымPRESS. 20 марта 2017 г. – Режим доступа: URL: <https://crimeapress.info/v-2017-godu-v-hadzh-iz-kryima-otpravlyatsya-pochti-v-dva-raza-bolshe-musulman/>

3. В Крыму на русском языке обучаются почти 97 % школьников – Минобраз / РИА Новости Крым. 4 марта 2017 г. – Режим доступа: URL: <https://crimea.ria.ru/society/20170304/1109340573.html>

4. Глава Украинского культурного центра в Крыму: за три года Киев не дал ни копейки / РИА Новости Крым. 3 февраля 2017 г. – Режим доступа: URL: <https://crimea.ria.ru/society/20170203/1108995327.html>

5. Ильинский А. Как униаты сами себя из Крыма выселяют: история одной провокации / ИА REGNUM. 6 декабря 2014 г. – Режим доступа: URL: <https://regnum.ru/news/economy/1874020.html>

6. Сеитова Э. И. Перепись населения 2014 года в Крымском федеральном округе: основные итоги // УЗ записки КФУ им. В.И. Вернадского. – 2016. – Т. 2 (68). – № 4. – С. 80-87.

7. Червоненко В. Как в Крыму исчезают церкви Киевского патриархата / BBC Украина. 1 сентября 2017 г. – Режим доступа: URL: <https://www.bbc.com/ukrainian/features-russian-41129973>.

M. V. Suharev

ETHNO-CONFESSIONAL PROCESSES IN THE POST-UKRAINIAN CRIMEA

Abstract. *The article analyzes the peculiarities of the development of national communities and religious associations in the Crimea in 2014-2017.*

Keywords: *Russians, Ukrainians, Crimean Tatars, Ukrainian Orthodox Church, Muslims, Hizb ut-Tahrir.*

E. E. Taratukhina

ЗНАКИ СЧАСТЛИВОЙ СУДЬБЫ НА ЖЕНСКИХ РУБАХАХ ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ КОЛЛЕКЦИИ ГБУ РК «КРЫМСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ»)

Аннотация. *В статье изучается и вводится в научный оборот коллекция женских рубах Воронежской губернии из собрания Крымского этнографического музея. В работе проведен анализ орнаментальных мотивов вышивки, определена связь знаков и символов с религиозно-мистическими воззрениями древних славян.*

Ключевые слова: *музей, коллекция, символика, вышивка, русский костюм, рубахи.*

Орнаменты, знаки, символы – удивительная книга о верованиях и жизни наших далеких предков, листки которой большей частью утеряны. В вышивках присутствует значительное количество орнаментальных мотивов, которые в древности отражали элементы символики различных культов, поклонение божествам, просьбы о счастье, добре, урожае, помощи в трудной жизни. Кроме этого, человек пытался защитить себя от негативного влияния непознанных сил. Для этого он прибегал к орнаментам как своеобразным заговорам. На протяжении веков конкретный смысл символов на вышивках потерялся, на первое место вышла её декоративная функция. Однако традиции использования символики в вышивке не исчезли. Несмотря на то, что орнаментальные формы дошли до нас несколько измененными, более абстрактными, семантика их в основном сохранилась. В XIX – начале XX вв. мастерицы-вышивальщицы не всегда уже могли точно объяснить сохраняемые ими орнаментальные композиции, но благожелательность древних узоров они сознавали.

Целью данной работы является изучение и раскрытие глубинного смысла орнаментальных мотивов и символов на женских рубахах Воронежской губернии, пышно украшенных наиболее архаичным линейно-геометрическим орнаментом, коллекцию которых музей приобрел в 2017 г.

В современном административно-территориальном делении России ареал черно-узорной вышивки охватывает восточные районы Белгородской области (Алексеевский (ранее Бирюченский), Красногвардейский, Красненский районы и прилегающие к ним села Новооскольского и Старооскольского районов) и западные районы Воронежской области (Острогожский, частично Репьевский, Каменский районы). Вышивку рубах этого региона отличает графическая четкость в исполнении мельчайших деталей орнамента, выполненного черной нитью и органично соединенного с белым фоном. Черный цвет – излюбленный в Воронежском крае. Он символизировал землю, вечный покой и особенно был почитаем русскими людьми, живущими в Центральной полосе, так как для них черный цвет символизировал еще и плодородный чернозем [6].

Техника исполнения вышивки – лицевая счетная гладь («набор»), когда стежки узора располагались вертикально (вдоль основы), строго параллельно, каждый новый ряд – со сдвигом на одну нить. Для вышивки наших сорочек преимущественно использованы фабричные тонкие шерстяные нитки – шлёнка, наиболее выгодно подчеркивающие узор изделий [9].

Орнаменты расположены на оплечьях (часть на полике, часть на рукаве), вокруг прорези от шеи до груди, на воротнике-стойке. Боковые швы, соединяющие полики и стан, также полностью закрывались вышивкой. Такое ее расположение было не случайно. По мнению исследователей, вышивкой украшались те части костюма, через которые, по представлениям наших предков, злые силы могли проникнуть к телу человека. В рубахах «охранительным» узором покрывались ворот, рукава (особенно запястья), подол, разрезы. Это оберегало жизненно важные части тела человека. Возможно, именно старинные шейные (съёмные) украшения частично перешли со временем в вышивку на горловине, воротнике и в нагрудную вышивку сорочки, украшения запястьев – на вышивку низа рукавов, а со временем и манжеты. Что касается вышивки ру-

кавов и оплечий, то здесь речь, скорее всего, идет о почитании работающих рук, придании им силы и ловкости [4, с. 52].

Очень важно то, что рубахи были предметом, используемым во многих магических обрядах и ритуалах от рождения человека до его смерти. Отсюда, кроме охранительных знаков, на них вышивались элементы символики различных культов, зашифрованные просьбы о счастье, любви и благополучии, которые, как и защитные знаки, являются темой нашего исследования.

Узорам воронежской вышивки свойственна простота форм, тонкое чувство ритма, строгость композиционного построения и разнообразие деталей. Исходными элементами орнамента служат всевозможные геометрические фигуры. Узор составляется из квадратов, ромбов, треугольников, многогранников, ломанных и перекрещивающихся линий. Вышивка представляет собой многорусную композицию, каждый элемент которой имел свое традиционное название, общее для большинства сел региона. Узор условно делят на несколько комплексов – основной узор или ремень, расположенный по центру, подузорники, расположенные от него по бокам и ниже, и лапы, которыми завершалась композиция [10].

Узоры сорочек фондовой коллекции состоят из «шишечек», «четверти белокося», «гребенки», «мужичков и бабочек», «арепюшек», волнообразных линий поверх мережки.

По своей сути мотивы геометрического орнамента можно разделить на несколько типов – солярные знаки и кресты, символы плодородия и богатства, знаки водной стихии, обереги, знаки гармонизации и единения.

В орнаменте наших рубах наиболее часто встречается изображение ромбовидных фигур, основное из которых в виде решетки или ромба с четырьмя лучами – «репей» (или «арепой» – местное название). Два других изображения – это ромб с двумя отростками под названием «лягушка» и ромб, разделенный на четыре части крестом. Очень часто в центр ромбов помещают точки или крестообразные фигуры.

Ромб у древних славян считался универсальным символом плодородия и деторождения, символом женского начала в природе, был неразрывно связан с представлениями о Матери-прародительнице, Матери-Сырой Земле, богине Макоши. Происхождение символа с материалистической точки зрения вполне объяснимо, ведь землю

как участок, дающий урожай, люди представляли в виде квадрата, прямоугольника, покрытого густой сеткой, то есть вспаханную и засеянную. А поскольку плодородие земли и женщины было неразрывно связано между собой, то символ стал универсальным. Точка же в центре ромбов означала именно зачатие (как засеянное поле), то, что может родить и является источником благополучия и изобилия [7, с.108-109]. Этот узор связан со свадебной обрядностью и с жизнью молодой замужней женщины, поэтому ромбо-точечная композиция в вышивке рубах имела возрастное ограничение. Эта композиция украшала предплечья только на рубахах молодых женщин.

Символы плодородия ромб – «репей», «лягушка» являются и сильными оберегами. Объяснение этому можно найти в следующем. Для земледельца четыре стороны света связывались, со сторонами его прямоугольного жилища. Известно, что в избе бревна в срубе укладывались с остатком, этот остаток выглядел как рогатина, развилка. С укладкой первого венца упорядочивалось пространство, обеспечивалась его замкнутость и непроницаемость для внешних, недобрых сил, хаос превращался в космос (то есть порядок). Примечательно, что даже когда избу рубили без остатка, первый венец, наземный, был обязательно рогатый. По-видимому, непосредственная близость к «земле-преисподней», «дому мертвых» требовала обеспечения безопасности от такого соседства, от возможных недобрых «происков» «жителей подземного мира». Таким образом, получается, что ромб – «репей» (или «малая решётка») с продленными по углам сторонами и с отмеченной серединой, символизировали сруб, огороженное пространство с очагом либо алтарем – местом обитания предков, тем самым обеспечивая человеку защиту от непознанных сил (Рис.1) [8, с. 74-75].

К символам плодородия относятся и так называемые «шишечки» (бобы, пупушки) в виде ромба с четырьмя отростками в одну сторону, почти сплошь покрывающие оплечья одной из рубашек. Шишка как плод вечнозеленого дерева в античной и древнеславянской традиции рассматривалась как символ бессмертия, а ее фаллическая форма была связана с мужским плодородием [5, с. 332-334].

Ромбы в изображениях очень часто сопровождаются крестами, которые являются солярными знаками и оберегами. В славянском деко-

ративно-прикладном искусстве прямой равноконечный крест, круг и квадрат считались символами солнечной стихии. Среди солярных знаков нет ни одного, приносящего вред, они связаны с приобретением духовных и материальных благ, преумножении их. С крестом связана идея процветания, удачи, поэтому практиковалось многократное воспроизведение креста с целью усиления и увеличения благополучия. Крестовый орнамент в вышивке использовался и в качестве оберега. Чаще всего, встречается косой крест и равноконечный (греческий). Правильный (равноконечный) крест символизирует принцип соединения и взаимодействия двух начал: женского (горизонтальная черта) и мужского (вертикальная), а также может служить примитивной моделью Мирового Древа, где вертикальная черта – Мировое Древо, а горизонтальная – мир Яви. Косой крест олицетворял мягкое творческое начало, сотрудничество и гармонию [2, с. 58].

Узоры под названием «четверть белокоса», «во всю гребенку» имеют в своем изображении несколько сходных элементов – это треугольники и зигзагообразные линии (Рис. 2). Треугольник является счастливым знаком, символизирующим в различных мифологических системах плодородную силу земли, брак, обеспеченность [5, с. 231-234].

Что касается зигзагообразных линий, то они, как и волнообразные, связаны со стихией воды. С языческой точки зрения у воды много сакральных аспектов, что, естественно, отражается на ее символике. Во-первых, она дает жизнь всему живому, ведь именно при помощи небесной воды урожай не засыхает, а цветет и плодоносит. Во-вторых, она несет в себе сакральный смысл очищения. Перед важными делами и ритуалами человек должен был помыться, очиститься духовно и физически, буквально переродиться обновленным. В-третьих, вода речная выступает как символ течения времени, жизни. Философское сравнение понятно – вода неизбежно утекает, как и утекают дни, годы, века. Знаки воды («хляби небесные») – волнообразные и зигзагообразные линии, расположенные горизонтально или вертикально, очень часто встречаются в вышивке праздничных и обрядовых женских рубах, давая женщине защиту этой стихии, плодородие, здоровье, гибкость и гармоничное течение жизни [9].

Очень глубокую сакральность несут в себе узоры под названием «мужички и бабочки». Во-первых, это один из символов

единения мужского и женского начал. Во-вторых, фигурка в виде кустика не что иное, как упрощенное изображение Берегини, дающей плодородие, защиту и благополучие. Миниатюрные, сильно схематичные женские фигуры изображены целыми строчками в виде орнаментальной полосы. Иконография достаточно архаична: головы изображены в виде ромба (цветка), руки (отростки) подняты вверх, юбки в виде треугольника, фигуры фронтальны и очень условны. «Пророщенность» изображения богини тут объясняется ее слиянием с Древом жизни, являющегося осью мироздания, символом процветания Рода, духовного развития и мудрости. Возможно, в мотиве «мужички и бабочки» скрыт и древнейший сюжет славянской вышивки – изображение Богини с всадниками [11, с. 119-132]

Собственно, с Древом жизни можно связать и узоры под названием «гребенки» и «лапы» в виде колосков или елочек. Но здесь проявляется еще один аспект. В славянской традиции сосна и ель были связаны с бессмертием, верой и магией, символом обращения к богам. Изображение узора в виде «елки» в четырех направлениях напоминает древнескандинавские агисхьяльямы, которые давали ведение Высших сил и мощную защиту [5].

Итак, мы видим, что в орнаменте отразилась тысячелетняя мудрость народа, зачатки его мировоззрения и первые попытки человека воздействовать на таинственные для него силы природы. В древних узорах не было ни одной лишней линии, все имело в нем свое значение и смысл. Это как древнее послание, разгадать которое является важной задачей, ведь информация о жизни и верованиях наших далеких предков большей частью утеряна.

В настоящее время вышивка воспринимается как декоративный элемент одежды, но даже в этом контексте она несет информацию о назначении рубахи, возрасте, социальном статусе и этнической, региональной принадлежности владелицы костюма. Поэтому изучение вышивки и введение ее в научный оборот расширяет наши знания не только об орнаментальных мотивах, но и о быте и культуре русского народа, является познавательным процессом.

Последнее поколение вышивальщиц, владеющих традиционными технологиями черно-узорной вышивки – это женщины 1910-1920 гг. рождения, которые в молодости изготавливали рубахи для

себя. Распространившиеся в начале XX в. в печатных альбомах для вышивки крестом более модные орнаменты пришли на смену традиционным, что привело к угасанию народных мотивов, возродить которые сейчас достаточно сложно [10]. В связи с этим, изучение и популяризация музейных коллекций народной вышивки является актуальной задачей.

Литература

1. Амброз А. К. О символике русской крестьянской вышивки архаического типа // СА. – 1966. – №1. – С. 69-72
2. Гангур Н. А. Орнамент народной вышивки славянского населения Кубани. – Краснодар: Советская Кубань, 1999. – 80 с.
3. Климова Н. Что означали древние образы для крестьян в XIX веке // Декоративное искусство СССР. – 1974. – №10. – С. 42.
4. Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX вв. – М.: Наука, 1984. – 215 с.
5. Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х томах. Т.1. / гл. ред. А. С. Токкарев. – М.: Советская энциклопедия, 1991. – 671 с.
6. Редчун В. Этнический узор // Словесница искусств. – 2011. – № 1(27). – Режим доступа: URL: <https://slovoart.ru/node/847>.
7. Рыбаков Б. А. Религия и миропонимание первых земледельцев Юго-Восточной Европы (IV-III тысячелетия до н. э.) // VII Международный конгресс доисториков и протоисториков. Доклады и сообщения археологов СССР / отв. ред. Б. А. Рыбаков. – М.: Наука, 1966. – С. 106-120.
8. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. – М.: Наука, 1981. – 607 с.
9. Символика воды у древних славян. – Режим доступа: URL: <http://ruspravda.info/Simvolika-vodi-u-Slavyan-510.html>.
10. Сысоева Г. Я. Технологии традиционной черноузорной вышивки в селах Воронежско-Белгородского пограничья. – Режим доступа: URL: https://vk.com/wall-43310606_3636.
11. Фалеева В. А. Женский персонаж в русской народной вышивке // Фольклор и этнография Русского Севера / отв. ред. Б. Н. Путилов, К. В. Чистов. – Л.: Наука, 1973. – 280 с.

E. E. Taratukhina

**SIGNS OF A HAPPY FATE ON WOMEN'S SHIRTS
OF VORONEZH PROVINCE OF THE LATE XIX -
EARLY XX CENTURIES (BASED ON COLLECTION
OF THE CRIMEAN ETHNOGRAPHIC MUSEUM)**

Abstract. The article examines and introduces into scientific circulation the collection of women's shirts of the Voronezh province from the collection of the Crimean Ethnographic Museum. The work analyzes the ornamental motifs of embroidery, identifies the connection of signs and symbols with the religious and mystical views of the ancient Slavs.

Keywords: museum, collection, symbols, embroidery, Russian costume, shirts.

Рис. 1. Узор ромб – «репей» (или «малая решётка»).

Рис. 2. Узоры «четверть белокоса», «во всю гребенку».

Е. В. Черняева

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРЫМА И Г. ЕВПАТОРИИ В РАБОТЕ ЕВПАТОРИЙСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Аннотация. Целью статьи является обзор основных направлений деятельности Евпаторийского краеведческого музея по изучению, сохранению и популяризации историко-культурного наследия народов Северо-Западного Крыма и Евпатории за 1921-2017 гг.

Ключевые слова: *Евпаторийский краеведческий музей, культурное наследие, народы Крыма.*

В Евпатории на протяжении веков проживали люди многих национальностей: русские, украинцы, греки, караимы, крымские татары, крымчаки, армяне, евреи, немцы и другие. Каждый из них внес свой вклад в развитие экономики и культуры края. Многие из народов Евпатории и в настоящее время сохранили свою традиционно-бытовую культуру и активно популяризируют свое историко-культурное наследие.

Популяризация историко-культурного наследия, традиций народов Крыма и г. Евпатории является одним из главных направлений деятельности Евпаторийского краеведческого музея. На протяжении всего своего существования музей проводит большую работу по сохранению, изучению и экспонированию традиционной культуры различных этносов Крыма.

Созданный в 1921 г. Евпаторийский краеведческий музей собрал богатую этнографическую коллекцию. Музей искусства старины [1, л. 200; 2, д. 1] – таким было его первоначальное название. В 1923-1929 гг. он стал называться Евпаторийским Государственным археолого-этнографическим музеем [4, д. 11], в нем были созданы пять отделов, из них два этнографических – караимский и татарско-но-

гайский. Известный краевед Полина Яковлевна Чепурина, будучи заведующей Евпаторийским музеем в 1923-1928 гг. [3, д. 10], занималась сбором и изучением крымскотатарского орнамента, выступала с публичными лекциями и докладами по этой теме в Крыму, в Москве и Харькове, поддерживала связи с Музеем этнографии народов СССР (г. Ленинград), с Российским обществом по изучению Крыма (РОПИК), являясь членом его Евпаторийского отделения [9].

В 1980-е гг. в план научно-исследовательской работы музея были включены вопросы по изучению этнографии народов Евпатории. В 1989 г. была открыта этнографическая экспозиция [8, с. 96]. В ней нашли отражение памятники материальной и духовной культуры караимов, крымских татар и украинцев. Это документы и старые фотографии, предметы быта: мебель, посуда, одежда и вышивка.

В результате проведения музеем в 1990-х гг. – начале 2000-х гг. научно-исследовательской и собирательской работы, направленной на изучение этнографии народов Северо-Западного Крыма, комплектуются фонды и расширяется музейная экспозиция. В 2002 г. в музее был открыт раздел экспозиции, посвященный крымчацкому народу, в котором представлены документы, фотографии и личные вещи крымчаков, жителей Евпатории.

Ежегодно в музее создаются выставки, посвященные народам, проживающим в Евпатории. В них используются не только материалы музея, но и личные коллекции членов национально-культурных автономий: фотографии, документы, вещи из семейных архивов. Так, в 2016 г. в залах музея проводились дни греческой, крымчакской, немецкой культур, в рамках которых открывались художественные и этнографические выставки. В 2016 г. были открыты выставки картин петербургской художницы Наталии Герман, в работах которой нашли отражение натюрморты на крымскотатарскую тематику, Валентина Перевозчикова, члена немецкой культурной автономии «Людвигсбург», пейзажи Греции и Крыма в работах Павла Голика. В честь года Греции в России в 2016 г. был разработан и проведен тематический вечер «Греки Евпатории». В открытии выставок активное участие принимали члены национально-культурных автономий города.

Большое внимание в музее уделяется массово-просветительской работе, направленной на популяризацию историко-культурного наследия народов края.

Еще в 1995 г. на базе музея и по его инициативе был создан Общественный совет по работе с национальными общинами и национальными культурно-просветительскими обществами города [5, с. 129-130]. Целью его работы являлась координация деятельности национальных обществ на принципах толерантности и этнического согласия, популяризация истории, культуры, быта, традиций, национальных праздников и обрядов народов Евпатории. В настоящее время музей систематически консультирует национально-культурные автономии, оказывает практическую помощь в создании общественных этнографических музеев, в проведении мероприятий, посвященных культуре и традициям разных народов.

Деятельность Совета способствовала активизации работы с национально-культурными обществами, пополнению фондов музея, разнообразию форм массовой работы, охватывающей различные категории населения: подрастающее поколение, студентов, пенсионеров, военнослужащих срочной службы.

С 1996 г. ежегодно 10 августа в музее традиционно отмечается Международный день коренных народов: проходят тематические вечера, экскурсии, выставки. К участию в массовых мероприятиях музея активно привлекаются представители национально-культурных автономий города: немцев, греков, караимов, крымчаков, крымских татар, русских, армян [5, с. 130].

В 1999 – начале 2000-х гг., стремясь разнообразить формы культурно-массовой работы, музей впервые стал проводить фестивали национальных культур народов, живущих в Евпатории [5, с. 130] и Крыму, с целью углубления формирования культуры межнациональных отношений, интернационального и нравственного воспитания населения, популяризации культурного наследия народов. Впоследствии на основе этой инициативы музея, его разработок, под руководством города стал проводиться открытый фестиваль национальных культур и традиций народов Крыма «Гезлев къапусы».

Ежегодно к различным памятным датам в истории России и Крыма (ко Дню семьи, любви и верности, к Дням отца, матери и другим праздничным датам), в новогодние и рождественские дни в музее проводятся различные мероприятия, задачей которых является пропаганда традиций народов Крыма, их духовной культуры и фольклора.

Так, ежегодно, с 1999 г. в новогодние и рождественские дни в музее проходят тематические вечера «Традиции празднования Нового года народами Крыма» и «Рождественские праздники и обряды», мастер-классы по изготовлению новогодних игрушек, в которых принимают участие национально-культурные автономии города. На мероприятиях подробно рассказывается о традициях празднования Нового года у разных народов, исполняются национальные русские, греческие, крымскотатарские, караимские, немецкие песни и танцы. Тематический вечер «Рождественские праздники и обряды» посвящен русским святкам и традициям празднования Рождества Христова у православных и католиков. Присутствующие знакомятся с обрядами проведения святочных гаданий, исполнением колядок.

Уделяется внимание и духовному наследию, нашедшему отражение в религиозных традициях многих конфессий народов Крыма. Например, к празднику Пасхи создаются выставки «Пасхальные традиции народов Крыма». Ко Дню Крещения Руси в музее проводится урок «История христианства в Крыму». Создана выставка икон XVII – нач. XX вв. из фондов музея. В мартовские дни совместно с национально-культурными автономиями и творческими коллективами города в музее неоднократно проводился тематический вечер «Наврез – праздник весны».

В ноябре к Международному дню толерантности ежегодно проводится урок «Народы Северо-Западного Крыма». Мероприятия рассчитаны на разные возрастные категории. Так, для учащихся младших классов приоритетным становится осознание безусловной целостности семьи как первоосновы нашей принадлежности к многонациональному народу Крыма, понимание и поддержание семейных нравственных устоев, среди которых – взаимопомощь, милосердие, уважение, забота о других людях, ознакомление с семейными традициями народов, формирование представления о многонациональном составе жителей Крыма и Евпатории, привитие любви к своей малой родине – Евпатории. Для младших категорий в проведении мероприятий используются интерактивные игры, загадки, пословицы и поговорки народов Крыма. Для учащихся средних классов на первый план выходит освоение знаний об этнополитической истории Крыма, знакомство с особенностями этнокультуры народов, населяющих полуостров, овладение пози-

тивным опытом межнационального общения народов, накопленным в ходе исторического развития Крыма, принятие личностью традиций, ценностей, особых форм культурно-исторической, социальной и духовной жизни города и края. В мероприятиях используются цитаты из литературных произведений русских, украинских, греческих, крымскотатарских поэтов и писателей. Для старшеклассников и студентов особую ценность приобретают осознание единства культурно-регионального сообщества полуострова и Евпатории, как составной части российской гражданской нации, развитие гражданского самосознания на основе этнокультурной принадлежности по факту своего происхождения и начальной социализации; формирование способностей предупреждать межнациональные конфликты и разрешать их ненасильственными средствами; освоение культуры межнационального общения в современном мире.

Музей сотрудничает с МКУ «Методический центр обеспечения деятельности муниципальных образовательных организаций Республики Крым», под руководством которого на мероприятия приглашаются не только обычные школьники, но и дети из «группы риска», склонные к антисоциальному поведению. Особое внимание уделяется учащимся, которые состоят на учете в Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав. Также к урокам и тематическим вечерам в музее привлекаются дети-сироты, лишенные родительского попечения, находящиеся на отдыхе в РСРЦ (Республиканском санаторно-реабилитационном центре) в Евпатории.

Для взрослых – военнослужащих, пенсионеров, жителей и гостей города, лекции, экскурсии и тематические вечера направлены на углубление знаний по этнографии Крыма и Евпатории, расширение кругозора, применение культуры межнационального общения в повседневной жизни.

Популяризация этнокультурного наследия народов направлена на формирование культуры межнационального общения, путь к которой лежит через изучение истории и этнографии народов полуострова и приобщение к их культурному наследию. Музейные коллекции хранят память о представителях различных народов, проживающих в Крыму и потенциально могут стать тем уникальным педагогическим инструментом, который позволит осознать необходимость ува-

жительного поведения, научат молодое поколение конструктивно общаться друг с другом и чувствовать себя наследниками традиций своего города.

В целях совершенствования и систематизации работы музея по популяризации историко-культурного наследия народов Крыма в 2016 г. сотрудниками краеведческого музея была разработана программа «В семье единой», направленная на формирование культуры межнационального общения у подрастающего поколения. Программа охватывает все направления работы музея, определяет тематику научно-исследовательской работы, план научного комплектования, экспозиционную и массово-просветительскую работу. В основу всех мероприятий положены идеи единства и дружбы народов, межнационального согласия, патриотизма. Программа музея рассматривается в качестве помощи по внеклассной работе школы в системе поликультурного образования как ядра духовно-нравственного развития и воспитания и включает проведение различных мероприятий (уроки, тематические вечера, лекции, тематические экскурсии по экспозиции и выставкам музея, показ тематических фильмов). Мероприятия раскрывают историю появления тех или иных народов на Крымском полуострове, констатируют их вклад в развитие региона, особенности их материальной и духовной культуры с постоянным акцентированием внимания на положительном историческом опыте общения народов, населяющих Крым.

Сотрудники музея собирают, изучают и экспонируют культурные традиции народов Крыма, используя разнообразные формы массово-просветительской работы, проводят мероприятия, способствующие воспитанию у молодежи культуры межнационального общения, сохранению и пропаганде традиционных форм национальной культуры, сближению народов, укреплению дружбы между ними и популяризуют историю и культуру народов Крыма, принимая участие в информационных, культурно-досуговых, социально-значимых городских мероприятиях, в СМИ, интернет ресурсе.

Литература

1. ГАРК. – Ф. Р-138. – Оп. 1. – л. 200.
2. ГАРК. – Ф. Р-138. – Оп. 1. – Д. 1.
3. ГАРК. – Ф. Р-138. – Оп. 1. – Д. 10.
4. ГАРК. – Ф. Р-138. – Оп. 1. – Д. 11.
5. Дубинина Л. И. Деятельность Евпаторийского краеведческого музея по изучению, сохранению и развитию традиционной культуры проживающих в Евпатории народов // Вестник [Евпаторийского краеведческого] музея. – 2004. – Вып. 4. – С. 137-149.
6. Из истории Евпаторийского краеведческого музея / Вестник музея. Тематический выпуск к 75-летию Евпаторийского краеведческого музея. – Евпатория, 1996. – С. 95-96.
7. Мусаева У. К. Подвижники крымской этнографии, 1921–1941: историографические очерки. – Симферополь: Таврия, 2004. – 214 с.– (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; Вып. 2).

E. V. Cherniaeva

POPULARIZATION OF THE ETHNO-CULTURAL HERITAGE OF THE NORTH-WESTERN CRIMEA AND THE CITY OF YEVPATORIA IN THE WORK OF THE YEVPATORIA MUSEUM OF LOCAL LORE

Abstract. The purpose of the article is to review the main activities of the Yevpatoria Museum of Local Lore for the study, preservation and popularization of the historical and cultural heritage of the peoples of the North-Western Crimea and Yevpatoria in 1921-2017.

Keywords: Yevpatoria Museum of Local Lore, cultural heritage, peoples of Crimea.

Фрагмент раздела экспозиции Евпаторийского краеведческого музея, посвященного этнографии Северо-Западного Крыма

Л. З. Чубукчиева

ИНСТИТУТ ГАРЕМА В КРЫМСКОМ ХАНСТВЕ

Аннотация. В статье выявлены основные аспекты жизни женщин в ханском гареме. Рассмотрены титулы, иерархия, устои, принятые в Крымском гареме. Описано участие женщин в дипломатической переписке, протокол, правила. Раскрыты сведения о свадебных традициях, избранниках ханских родственниц.

Ключевые слова: анабеим, улу-хани, гарем, Ханский дворец, дипломатическая переписка, иерархия.

Гарем – запретное, священное место, женская половина в мусульманском доме, закрытая, охраняемая часть жилища. Подобное толкование слова «гарем» встречаем в отечественной и зарубежной научной литературе. По мнению большинства, гарем олицетворяется с наслаждением, усладой, средоточием большого количества прекрасных женщин в едином пространстве. Подобное суждение является ошибочным, неким штампом, сравнивающим жизнь в гареме только с удовольствием и забавой. Действительно, в гаремах восточных властителей собирались самые красивые женщины, а преподнести в дар правителю молодую красивую девушку считалось дорогим, достойным подарком. Однако, за понятием гарем скрывается не только красота и блаженство, а целый мир со своими законами, традициями, потребностями и пр.

Анализ литературы и источников позволяет нам утверждать, что гарем крымских ханов отличался от других восточных гаремов, был более скромным, скорее, напоминал большую семью, в которой действовали свои правила и устои. Вместе с тем среди родственниц ханского дома существовала определенная иерархия. Кроме того, участие ханской матери, жен, сестер, дочерей в заседаниях Государственного совета, в дипломатической переписке служит подтверждением высокого статуса и значимой роли женщин в

жизни Крымского ханства. Рассмотрим некоторые аспекты из жизни этих женщин.

Бахчисарай – бывшая столица и резиденция Крымского ханства, в истории которого сохранились имена знаменитых женщин – матерей, жен, дочерей, известных своей дипломатической и благотворительной деятельностью. Женщины из дома Гиреев проживали на женской половине дворца – в гареме.

Старые схемы и планы дворца показывают, что в бывшем Гаремном дворе располагалось несколько небольших зданий, а за стеной – второй двор с разнообразными постройками, так называемый «Малый гарем». В подписях к этим схемам обозначены клумбы, виноградники, фруктовые посадки, два других гаремных корпуса, помещения для евнухов, несколько фонтанов, гаремная кухня, а также баня.

Почти все перечисленные здания гарема были утрачены в 1820-х гг. во время так называемых «Колодинских ремонтов». И.Ф. Колодин, архитектор, присланный в Крым из С-Петербурга для ремонта дворца к очередному императорскому визиту, вместо реставрации покосившихся зданий Гарема предпочел снести их, чтобы ускорить и удешевить работы [4, с. 139].

В настоящее время уцелевший корпус гарема состоит из трех комнат, когда-то являлся отдельным дворцом в Ханском дворце и был закрыт для посторонних [5, с. 147]. После гибели Крымского ханства во дворце некоторое время еще хранились остатки гаремного имущества – гардеробы ханских жен, туфли, опахала, но к середине XIX в. и эти вещи были утрачены [2, с. 26].

Сложно сказать, сколько женщин проживало на территории ханского гарема. В их число входили не только родственницы хана, но и наложницы – *бикечи* и женская прислуга. Известно, например, что у Саадета IV Гирея (1662-1732) было 27 *бикечей* [4, с. 140], а гарем Крым Гирея (1717-1769) насчитывал 48 женщин [6, с. 59]. Весьма интересным является описание переезда гарема Крым Гирея в ханский дворец в молдавском городке Каушаны. Ханские родственницы, жены, дочери и наложницы прибыли во дворец до приезда хана. Женщины совершали путешествие в закрытых повозках в сопровождении евнухов, процессию возглавлял главный евнух в окружении охраны. Во дворец женщины входили через потайной вход, евнухи прикрывали их от любопытных взглядов развернутыми суконными покрывалами [6, с. 59].

Согласно сведениям французского ученого, дипломата и политического деятеля Ш. Пейссонеля, ханские дочери до замужества проживали обычно в гареме близкого родственника [9, с. 14]. Претендентом на руку ханской дочери или родственницы мог быть только представитель знатного рода. Чаще всего, их выдавали замуж за мурз из рода Ширин, иногда за дворян других высокопоставленных родов и очень редко за знатных турок. Известно, что дочь крымского хана Менгли I Гирея (1445-1515) Айше в 1511 г. вышла замуж за турецкого султана Селима I Явуза (1465-1520). Турецкий путешественник Эвлия Челеби, посетивший Крым в середине XVII в., писал об этом: «Ширин-беи происходят от ханских дочерей и принадлежат к роду Чингизидов. Эти Ширин-беи раньше ханов завладели Крымом. Все Крымские ханы отдают своих дочерей за Ширин-беев. Поэтому они являются свойственниками ханам» [11, с. 106].

Об избранниках для крымских принцесс Ш. Пейссонель сообщал: «Когда хан выдает замуж одну из своих дочерей или свою близкую родственницу, он выбирает всегда очень бедного дворянина, чтобы помочь ему разбогатеть. Приданное принцессы, выдаваемой замуж ханом, весьма значительно: необходимо, кроме того, что он дает деньгами и другими предметами, чтобы в приданном имелось еще то, что называется тогус или девять, т.е. 9 раз 9 шуб, 9 раз 9 тюфяков, покрытых золотыми, серебряными и шелковыми тканями, 9 раз 9 покрывал, чрезвычайно богатых и 9 раз 9 пар простынь. Если хан не в состоянии сделать эти затраты, эти принцессы не выйдут никогда замуж» [9, с. 14].

Об особенностях свадебных традиций в ханский период известно, что, когда хан выдавал замуж одну из своих дочерей или родственниц, бей Яшлавов, маршал бракосочетания, заботился о том, чтобы все происходило согласно правилам, и на него возлагалась обязанность сопровождать принцессу к месту ее назначения [9, с. 27]. Свадебный кортеж состоял из целого ряда богато украшенных повозок с приданным и сопровождался почетными гостями.

Несмотря на большое приданное и причастность к ханскому роду, свадьба для мурз являлась своеобразным почетным пленом. Французский дипломат считал, что они теряли свободу и покой, лишались своих наложниц, становились рабами гордости и ревности своих жен: «Некоторые из них дошли, по отношению к их мужьям, до крайностей... Один Ширин мирза по прозвищу Хаджи-Тиши,

который женился на дочери Девлет Герая хана, сестре нынешнего хана, был принужден бежать и долгое время странствовать, чтобы укрыться от гнева своей жены» [9, с. 15-18].

Рассмотрим титулы, которыми наделялись женщины дома Гиреев. Известно, что титул *анабеим* присваивался матерям, а позже женам, тетям и старшим сестрам правящих ханов. Они присутствовали на заседаниях дивана (Государственный совет Крымского ханства) и имели право голоса. В случае смерти *анабеим* ее титул мог быть передан сестре или иной близкой родственнице хана. *Анабеим* имела скромный, но полностью от нее зависимый круг придворных, из ханской казны ежегодно отчислялась ей солидная сумма [1, с. 30]. Кроме того, *анабеим* имели нечто вроде юридических полномочий над своими подданными. Они разрешали распри гражданского характера, заключали виновных в тюрьму или налагали денежные штрафы. Юридическими администраторами с их стороны являлись *киайи*, они заседали у *Чукуркапы*, одной из дверей ханского дворца, ведущей в гарем [9, с. 19]. Известно, что в XVII в. на территории Ханского дворца находились в четырех местах мощные и прочные железные ворота. Ворота *Ени-кёрюнюш-капы* вели в гарем. Там стояли черные аги (евнухи), которые охраняли большие гаремные ворота [11, с. 103].

Титул *улу-хани* присваивался старшей из сестер или дочерей хана. Они имели доходы с пяти деревень, и подушную подать с части местного населения. Об этом известно: «Улу-хани, сестра Хаджи Селим Герая хана, имела доктора еврея, спасшего ее от болезни, угрожавшей ей несомненной смертью. Эта принцесса разрешила попросить ему в вознаграждение все, что он захочет. Доктор ограничился мольбой о том, чтобы она выпросила у хана приказ об освобождении евреев крепости, его соотечественников, от некоторых обязанностей, от которых ныне они свободны. Принцесса получила это. С тех пор подушная подать с евреев прикреплена к сану Улу-хани и евреи, в благодарность за это благодеяние, доставляют принцессе, которой пожалован этот сан, все необходимое для ее дома, как дрова, уголь, кофе и многие другие припасы этого рода» [9, с. 48].

Третий сан в иерархии ханского гарема – это *каснадар-бикеше* или казначей внутренних покоев дворца. Данный титул ниже первых двух, тем не менее, хан жаловал его одной из своих жен [9, с. 19].

Большой интерес представляет участие ханских жен и дочерей в дипломатической переписке. Наиболее подробно изучена переписка представительниц ханского дома с российским двором. Здесь также наблюдается своеобразная иерархия. Так, например, по своему положению *анабеим* стояла выше ханских жен, поэтому в наказах послам и гонцам о передаче «поклонов» и в росписях «поминков» их грамоты предшествовали грамотам ханских жен и дочерей [8, с. 219]. Большинство посланий женщин дома Гиреев краткие, стандартные, с формально-стереотипными заверениями в дружбе [8, с. 220]. В переписке обычно женщины заказывали ткани для одежды и русские меха [10, с. 265]. Известно также, что они не только заказывали, но и сами преподносили подарки в знак уважения. Так, например, жена крымского хана Менгли I Гирея (1445-1515) Нур-Султан вела постоянную переписку с великим князем Московским Иваном III. Она обычно просила для себя дорогие ткани и меха, но и сама не оставалась в долгу. В 1494-1495 гг. Нур-Султан совершила паломничество к святыням мусульман, после чего прислала русскому князю в подарок своего иноходца, на котором совершила хадж. В письме к Ивану III она писала: «Сухой бы поклон не был, молвя, к Мекке на котором иноходце сама ездила, с Ахчюрою есми к тебе послала» [3, с. 10-11]. В очередном письме Ивана III к Менгли I Гирею высказывалась благодарность его супруге Нур-Султан за преподнесённый ею великому князю подарок «зерно жемчужное велико» [8, с. 215]. Примечательно, что ни одна из жен даже самых крупных крымских сановников, происходившая не из рода Гиреев, не посылала гонцов с грамотами, как «царевны» [8, с. 220].

В Главном архиве древних актов в Варшаве находится одно из крупнейших в мире собрание документов Крымского ханства XVI-XVII вв. В данном архиве сохранился комплекс документов матерей, жен и дочерей крымских ханов – всего 32 письма [7]. Эти документы написаны арабской вязью на староосманском языке. Предположительно, письма готовились в ханской канцелярии, подтверждением тому являются их стилистика и однотипность. Один из документов был заверен печатью – это письмо Ханике великому князю литовскому и королю польскому Сигизмунду II Августу от 17 июня 1572 г. В основном в письмах авторы поздравляли монархов Речи Посполитой с коронацией, либо

требовали от королей и членов польского правительства уплаты традиционной дани, но и призывали их жить в мире с ханом. Характерно, что жены крымских ханов направляли письма с собственными гонцами, входившими в состав многочисленных посольств Крымского ханства в Польшу. Среди гонцов известны имена Типи-бека, Тав-мурзы, Миколы, вероятно, из числа крымских украинцев [7].

Дополнением к дипломатическому протоколу может служить артефакт – золотое кольцо, обнаруженное на территории Бахчисарайского Ханского дворца во время археологических исследований 2018-2019 г. Кольцо имеет сердоликовую вставку, на которой сохранилась надпись на арабском языке «Кая (или Кыя)-султан». И. В. Зайцев предполагает, что оно принадлежало дочери хана Селим-Гирея II (1743-1748)), умершей в 1718 г. и похороненной на мезарлыке Ханского дворца [12, с. 317, рис. 3; 13, с. 427-428, рис. 9]¹. В эпитафии этого надгробия сказано: «У Хаджи-Селим-хана была невинная дочь. Судорожный страх поразила мою душу, когда я услышал о ее смерти. Так как тленный мир от ветхости клонился к разрушению; то Кайя-ханым, хронограмму которой пусть... выразит философ: вселенную никогда не перестраивали; оставила ветхое это здание мира. 1130 (1718 г. по Р.Х.)» [4, с. 522, №90].

Существуют сведения о том, что ханские грамоты и ярлыки заверялись перстневыми печатями. В XVI в. использовались квадратные или стационарные печати, позже появились перстневые. В данном случае обнаружен перстень-печать, что является большой редкостью. А его принадлежность женщине подтверждает уникальность.

Таким образом, сведения о титулах, иерархии, содержании, полномочиях женщин, принятых в гареме крымских ханов, служат свидетельством их уважения и почитания. Участие в дипломатической переписке подтверждает значимую роль женщин дома Гиреев не только внутри Крымского ханства, но и за его пределами. Поднимаемая тема сложна и многогранна, нуждается в более глубоком изучении. Данная статья является лишь скромной попыткой приоткрыть тайную завесу из жизни ханского гарема.

¹ Раскопки проводились археологической экспедицией КФУ им. В. И. Вернадского под руководством А. Г. Герцена и В. Е. Науменко.

Литература

1. Абдулла Г. Правительницы ханского дома Гираев // Qasevet. – № 33. – С. 28-30.
2. Берг Н. В. Бахчисарай. (Отрывок из походных заметок) // Библиотека для чтения. – 1857. – Т. СХLI. – Отд. 1, январь. – С. 1-30.
3. Бережков М. Нур-Салтан царица Крымская. Историко-биографический очерк. // ИТУАК. – №27. – 1897. – С. 1-17.
4. [Борзенко А. А., Домбровский Ф. М., Кузьмин В. П., Негри А.Ф.]. Бахчисарайские арабские и турецкие надписи // ЗООИД. – 1848. – Т. 2. – С. 489-528.
5. Ибрагимова А. М. Бахчисарайский Ханский дворец XVI-XVIII вв. – Киев: Видавец Олег Филук, 2015. – 360 с.
6. Клеман Н. Э. Клеманово путешествие из Вены в Белград. – СПб: Государственная военная коллегия, 1783. – 250 с.
7. Мыцык Ю. Страницы истории Крыма. Женские письма XVI-XVII вв. // Достлукъ. – 1991. – 18 октября. – с. 4.
8. Некрасов А. М. Женщины ханского дома Гиреев в XV-XVI вв. // ДГВЕ. – М.: «Восточная литература» РАН, 2000. – С. 213-221.
9. Пейссонель Ш. Записка о состоянии гражданском, политическом и военном Малой Татарии. – Симферополь, 1927 г. – 73 с.
10. Хорошкевич А. Л. Русь и Крым: от союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 336 с.
11. Челеби Э. Книга путешествия. Крым и сопредельные области: извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII века. – Изд. 3-е, исправл. – Симферополь: ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гаспринского», 2017. – 312 с.
12. Науменко В. Е., Герцен А. Г., Ганцев В. К. Архитектурно-археологические исследования Бахчисарайского Ханского дворца в 2018-2019 гг.: основные итоги проекта // ИАК. – 2020. – Вып. XIII. – С. 315-326.
13. Науменко В. Е. Введение в османскую археологию Крыма. О предмете научной дисциплины и основных направлениях современных исследований // Археология евразийских степей. – Казань: АН РТ, 2020. – №6. – С. 418-461

L.Z. Chubukchieva

INSTITUTE OF THE HAREM IN THE CRIMEAN KHANATE

Abstract. *The article reveals the main aspects of the life of women in the khan's harem. The titles, hierarchy, foundations adopted in the Crimean harem are considered. The participation of women in diplomatic correspondence, protocol, rules are described. Information about wedding traditions, chosen ones of the khan's relatives has been disclosed.*

Keywords: *anabeim, ulu-khani, harem, Khan's palace, diplomatic correspondence, hierarchy.*

Н. А. Шаврова

ЖЕНСКИЕ ПОЯСА РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ КРЫМСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Аннотация. В статье содержится общая характеристика коллекции женских поясов Рязанской губернии конца XIX – начала XX веков из фондов Крымского этнографического музея. В работе используются и вводятся в научный оборот новые материалы музея.

Ключевые слова: пояс, орнамент, символика, узор, Рязанская губерния, Крымский этнографический музей, коллекция.

В фондах Крымского этнографического музея насчитывается 35 русских женских поясов – широких и узких, с украшениями и без них, изготовленных из шерсти, плетенных и тканых, из Белгородской, Вологодской, Воронежской, Калужской, Курской, Пензенской, Рязанской и Тамбовской губерний Российской империи. Экспонаты поступили в результате закупки коллекции русских костюмов в 2016–2017 гг. за счет бюджетных средств, выделенных Министерством культуры Республики Крым. Некоторые пояса приобретены в составе костюма, однако, большая их часть является самостоятельным элементом одежды. В данной работе предполагается рассмотреть коллекцию женских русских поясов Рязанской губернии, относящихся к концу XIX – началу XX вв.

Традиционный южнорусский костюм был довольно красочным. В нем сочетались украшения различных видов: тканые, вышитые, нашивные, бисерные. Все убранство отличалось полихромностью, интенсивностью колорита, плотным заполнением фона геометрическими узорами [7, с. 344]. Для большей части Рязанской губернии характерен понёвный комплекс одежды, представленный яркими цветовыми и орнаментальными мотивами, деталями и покроем.

Узор из крупных синих, золотисто-желтых, зеленых и белых гребенчатых фигур, контрастно подчеркивал насыщенно-красный и вишневый фон, придавая праздничный характер одежде. Дополнением женского костюма являются разнообразные пояса – тканые, плетеные, с бисером.

Пояс является важной частью русского традиционного костюма, который выполнял множество функций: практическую – поддержание и фиксация на талии одежды, защитную, символическую, магическую, знаковую, эстетическую [1]. На Руси пояс служил родительским благословением и передавался по наследству. В высших сословиях пояса имели большую материальную ценность и по своему материалу, и по отделке.

Тканый пояс, который имел вид полосы, ленты, символизировал дорогу – жизненный путь. Завязанный вокруг тела человека пояс представлял собой замкнутый круг, который, согласно народным поверьям, защищал от нечистой силы, от дурного глаза и болезней.

У русских пояс преимущественно завязывали, а не подтыкали, поэтому концы пояса отделяли бахромой, кистями, помпонами из шерсти. Существуют два способа повязывания пояса: высоко – под грудью, и низко – под животом. Пояс, обернутый вокруг корпуса, завязывался чаще сбоку, иногда спереди или сзади, нарядными концами вниз. Женские пояса нередко обертывались несколько раз вокруг талии. У русских концы закладывали под пояс только у кушаков, главным образом при ношении их с верхней одеждой.

Издавна у русских в быту и обрядах поясу придавалось большое значение. Многообразная символика пояса обусловила ту важную роль, которую он играл во всех обрядах жизненного цикла.

Символика женского пояса была тесно связана с зачатием и рождением детей. Сочетание в поясе двух символов – круга и узла, с одной стороны, защищавших от злых сил (круг), а с другой – обеспечивавших замкнутость этого пространства (узел) [1]. В родильных ритуалах использование пояса было направлено на облегчение процесса родов. Длинные тканые и плетеные пояса использовались в качестве «сповивачей» для младенцев. Новорожденного впервые подпоясывали после крещения, что обозначало его отделение от потустороннего мира и вхождение в мир людей [2].

Пояс, надетый на ребенка при рождении/крещении, как и крест, был оберегом, который могли носить, не снимая, всю жизнь. Человек носил два пояса: данный при крещении (под одеждой), и второй – поверх одежды. В данном случае, главным был скрываемый под одеждой пояс-оберег [2, с. 9].

Пояс использовался также в гаданиях, любовной магии. Процесс подпоясывания часто упоминается в заговорах от болезней и испуга. В народных представлениях отсутствие пояса свойственно колдунам, колдуньям и русалкам.

Особую значимость имели пояса в свадебном обряде. По древней традиции, они должны были быть красными, поскольку этот цвет охранял жениха и невесту от злых сил и дурного глаза. Ношение красных поясов означало силу, долголетие и жизнестойкость их владельца [6, с. 254]. В Рязанской губернии, например, когда свадебный поезд был готов к отъезду, дружка возвращался в избу специально за кушаком, чем подчеркивалось его особое значение. Связывание жениха и невесты поясом или кушаком имело широкое распространение у восточных славян. В Рязанской губернии в Касимовском уезде, связав жениха и невесту, – стучали их головами, «чтобы жили ладно да гладко». Причем кушак с себя снимал крестный отец невесты, а потом повязывал его себе через плечо [5, с. 46].

Среди музейной коллекции рязанских поясов встречается пояс «кушак» (КП-8479, ИБ-4183) широкий, украшенный полосами белого, коричневого, черного, серого и зеленого цветов. Концы кушака обшиты красной тканью.

Во время сватовства на полу перед невестой клали красный пояс в виде круга, и если невеста была согласна на брак, она прыгала с лавки в середину круга. Если невеста передала жениху пояс, то уже не имела права изменить решение и отказать жениху [4].

Пояс использовался и в похоронном обряде, символизируя связь между миром живых людей и миром мертвых. Мужчин и женщин обязательно подпоясывали; иногда подвязывали рубаху у ворота и запястий. Пояс был важной составной частью похоронной «смертной» одежды [5, с. 87].

Коллекция рязанских поясов в количестве 13 единиц (семь тканых, пять вязаных иглой и один плетеный) в собрании Крымского этнографического музея – это пример праздничных, а именно сва-

дебных поясов, имевших особое название на территории Рязанской губернии – «ясный» пояс.

В качестве украшений на «ясных» поясах – разноцветный бисер и блестки. Использование ярких цветов красного, кораллового, терракотового, бордового, зеленого, фиолетового и желтого – одна из характерных черт поясов Рязанской губернии.

Концы рязанских поясов декорировались. Варианты поясов без отделки концов редки. Наиболее простой способ украшения – бахрома из оставшихся нитей основы пояса. Такой вид украшения представлен на рязанском поясе (КП-8436, ИБ-4140), хранящимся в коллекции музея. Пояс сплетен из белых и зеленых нитей, на концах которого кисти.

Разнообразны по своему оформлению кисти рязанских поясов. Среди них тяжелые подвески из цветного бисера и легкие из гаруса. Среди интересных примеров декорирования пояса – украшение на рязанский пояс «хвосты» (КП-8179, ИБ-4179), которое состоит из четырех полос ткани, украшенных вышивкой и блестками, соединенных между собой бисерным переплетением. Снизу к ним пришиты две колоколовидные детали из атласа малинового цвета, украшенные блестками. Вверху полосы подшиты и в них продет плетеный из нитей шнур (Рис. 1).

Особенностью свадебных поясов Рязанской губернии является наличие ритуального узла, символизирующего защитную функцию. Такие узлы представлены на двух поясах (КП-8286, ИБ-4056; КП-8287, ИБ-4057) из музейной коллекции.

Праздничные (ясные) пояса отличаются от будничных яркостью расцветки и украшениями. Пояса для молодых женщин и девушек делали более нарядными, на концах украшая кистями. Примером такого пояса является рязанский пояс (КП-8290, ИБ-4060), к концам которого пришиты кисти из ярко-розовых, зеленых, бежевых и черных нитей.

Кисти, украшающие рязанские пояса, достаточно разнообразны. Среди них тяжелые подвески – декоративные детали из цветного бисера, оплетенные разноцветными нитями. В коллекции пять поясов (КП-8292, ИБ – 4062, КП-8293, ИБ – 4063, КП-8294, ИБ – 4064, КП-8295, ИБ – 4065, КП-8288, ИБ – 4058) украшены подобным образом.

На рязанских поясах присутствуют геометрические орнаменты, среди которых преобладают солярные знаки: сложные ромбы, кре-

сты, свастики, розетки. Геометрические изображения – это древний орнамент, связанный с символами солнца, земли, воды, хорошего урожая, благополучия и здоровья.

Одним из распространенных элементов в орнаменте являлся ромб. Эта геометрическая фигура изображалась в разных вариациях и имела различные значения. Символический рисунок усиливал защитную роль пояса. В чистом виде в орнаменте поясов ромб встречается редко. Он мог быть дополнен маленькими ромбиками или усложнен гребенчатым орнаментом – крючками (известным под названием «лягушка»), который рассматривался как символ плодородия, связанный с представлением о земле, о зарождении жизни. Учитывая место его расположения в различных композициях, этот символ мог обозначать землю, растение и женщину одновременно [3, с. 261].

Часто узор из ромбов заканчивался крестами. Так славяне считали, что распространяют счастье и благо на все четыре стороны света. Сочетание ромбов и крестов встречается на узком длинном рязанском поясе КП-8287, ИБ-4057, выполненном из нитей малинового, зеленого, бежевого и черного цветов. К концам пояса пришиты декоративные детали, состоящие из плотных полос розовой ткани, соединенных и расшитых мелким прозрачным бисером и блестками с кистями из бирюзовых, малиновых нитей с разноцветным бисером.

Геометрический тканый орнамент в три полосы, состоящий из стилизованного изображения мелких листьев, украшает два рязанских пояса (КП-8295, ИБ – 4065; КП-8288, ИБ – 4058) из коллекции Крымского этнографического музея.

Богато украшены следующие три свадебных пояса (КП-8292, ИБ – 4062; КП-8293, ИБ – 4063; КП-8294, ИБ – 4064) декоративными тяжелыми подвесками, представляющими собой оплетенные разноцветными нитями полосы, соединенные между собой и обшитые цветным бисером. На пересечениях – узор из бисера в виде мелких крестиков.

Из представленной музейной коллекции два пояса (КП-8285, ИБ – 4055; КП-8289, ИБ – 4059) декорированы тканым узором в виде пересеченных двух линий с загнутым концом. Возможно, данный узор связан с пожеланием плодородия, хорошего урожая и блага.

Однозначно, самыми распространенными были символы, которые приносили счастье. Орпей (или Арпей) является одним из них. Такое название гребенчатый ромб получил в Рязанской области. В других регионах России он известен как дубок, колодец, репей или репейник. Сам ромб в славянской орнаментальной традиции имеет множество значений: земледелие, плодородие, солнце. Ромб-репей в фольклоре сравнивался с дубом – священным деревом у многих народов и являлся олицетворением молнии, которая поражает нечисть и оберегает скот [3, с. 261].

Орепей в сочетании с «ромбом-лягушкой» – символом женского начала и плодородия, представленные на рязанском поясе (КП-8291, ИБ-4061), являются мощнейшим оберегом и талисманом для женщины. Пояс выполнен из нитей розового и зеленого цвета. К узким концам пришиты пышные кисти из ярко-розовых, зеленых нитей с черным и белым бисером (Рис. 2).

Куль оленя был распространен очень широко в славянской мифологии. «Оленьи рога» – знак удачного брака, обильной жизни, плодородия. Подобные геометрические узоры изображены на трех поясах (КП-8465, ИБ-4169; КП-8284, ИБ – 4054; КП-8286, ИБ – 4056) из собрания музея.

Коллекция рязанских поясов в собрании Крымского этнографического музея невелика, однако, дает достаточно полное представление о видовом и цветовом многообразии поясов в рязанском женском костюме. Каждый пояс интересен и как элемент одежды, и как атрибут обрядов. Символика и орнаментальные мотивы, яркие цвета и краски рязанского пояса отличают его от поясов других русских губерний.

Литература

1. Байбурун А. К. Пояс (к семиотике вещей) // Из культурного наследия народов Восточной Европы: Сборник МАЭ. XLV / отв. ред. Т. В. Станюкович. – СПб: Наука, 1992. – С. 6-13.
2. Калашникова Н. М. «Пояса со словесами...». Коллекция поясов из собрания Российского этнографического музея / Н. М. Калашникова. – М.: Северный паломник, 2014. – 264 с.
3. Калашникова Н. М. Роль орнаментальных композиций в декоре традиционной одежды народов России // Орнаментика в артефактах традици-

онных культур: Материалы Пятнадцатых XV Международных Санкт-Петербургских этнографических чтений (Санкт-Петербург, 13-15 декабря 2016 г.) / ред. В. М. Грусман, Е. Е. Герасименко. – СПб: ИПЦ СПГУТД, 2016. – С. 259-265.

4. Лебедева А. А. Значение пояса и полотенца в русских семейно-бытовых обычаях и обрядах XIX-XX вв. // Русские: семейный и общественный быт / отв. ред. М. М. Громыко, Т. А. Листова. – М.: Наука, 1989. – С. 229-248.

5. Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX- начала XX в. – М.: Наука, 1984. – 220 с.

6. Русский традиционный костюм: иллюстрированная энциклопедия / авт.-сост. Н. Н. Соснина, И. И. Шангина. – СПб: Искусство – СПб, 2001. – 400 с.

7. Русские / отв. ред. В. А. Александров, И. В. Власова, Н. С. Полищук. – М.: Наука, 2005. – 828 с.

N. A. Shavrova

WOMENS BELTS OF THE RYAZAN PROVINCE OF THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES FROM THE CRIMEAN ETHNOGRAPHIC MUSEUM

Abstract. *This article contains a general description of the collection of womens belts of the Ryazan province of the late XIX – early XX centuries from the Crimean Ethnographic Museum. New museum materials are used and introduced into scientific circulation.*

Keywords: *belt, ornament, symbolism, tracery, Ryazan province, Crimean Ethnographic Museum, collection.*

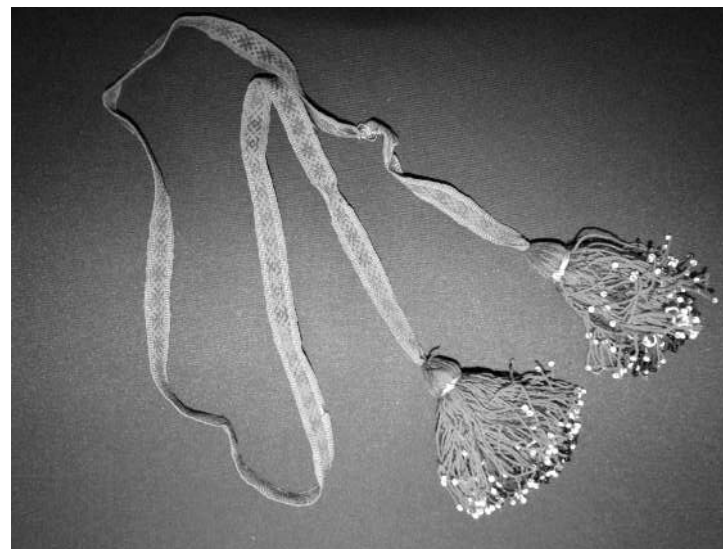

Рис. 2. Изображение Орлепа в сочетании с «ромбом-лягушкой» на рязанском поясе КП-8291, ИБ-4061. Из коллекции КЭМ.

Рис. 1. КП-8179, ИБ-4179 Хвосты - украшение на рязанский пояс. Из коллекции КЭМ.

Список сокращений

ВВ – Византийский Временник
ДГВЕ – Древнейшие государства Восточной Европы
ГАРК – Государственный архив Республики Крым
ГМИР – Государственный Музей истории религий
ЗООИД – Записки Одесского Общества любителей истории и древностей
ИАК – История и археология Крыма
ИТОИАЭ – Известия Таврического Общества истории, археологии и этнографии
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
ЖУК – Журнал любителей открыток
ИСЭПИ – Институт социально-экономических и политических исследований
ИТУАК – Известия Таврической Ученой Архивной комиссии
КИО – Крымское историческое обозрение
КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН
КФУ – Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
КЭМ – Крымский этнографический музей
МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МГИМО – Московский Государственный институт международных отношений
НА РТ – Научный архив Республики Татарстан
РГИА – Российский государственный исторический архив

РГО – Русское Географическое общество
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СЭ – Советская этнография
УЗ – Ученые записки
ЦДАВОВУ – Центральный державний архів вищих органів влади та управління України
ЦДАГОУ – Центральный державний архів громадських об'єднань
ЭО – Этнографическое обозрение

Сведения об авторах

1. **Абдураманова Сафие Наримановна**, старший научный сотрудник ГБУ РК «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник».

2. **Алпашкина Оксана Николаевна**, главный хранитель ГБУ РК «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник».

3. **Баранова Евгения Михайловна**, заведующая отделом информации и культурно-просветительной работы ГБУ РК «Крымский этнографический музей».

4. **Вибе Петр Петрович**, доктор исторических наук, директор БУК «Омский государственный историко-краеведческий музей».

5. **Газизуллин Ильнур Рашитович**, старший научный сотрудник отдела вещевых источников ГБУК «Национальный музей Респу-блики Татарстан».

6. **Гайворонская Ольга Борисовна**, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела этнографии народов Крыма ГБУ РК «Крымский этнографический музей».

7. **Гогунская Татьяна Александровна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России ТА ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского».

8. **Демидович Валерия Викторовна**, методист по музейно-образовательной деятельности отдела информации и культурно-просветительной работы ГБУ РК «Крымский этнографический музей».

9. **Джемилева Садиха Муниверовна**, заведующая отделом научно-экспозиционной работы ГБУ РК «Крымскотатарский музей культурно-исторического наследия».

10. **Дмитриев Владимир Александрович**, доктор исторических наук, научный сотрудник главной категории ФГБУК «Российский этнографический музей».

11. **Ельяшевич Вячеслав Алексеевич**, руководитель Местной религиозной организации «Караимская религиозная община города Симферополя», независимый исследователь.

12. **Кашовская Наталья Васильевна**, заведующая отделом «Религии Востока» ФГБУК «Государственный музей истории религии».

13. **Керимова Алие Тальатовна**, научный сотрудник отдела научно-экспозиционной работы ГБУ РК «Крымскотатарский музей культурно-исторического наследия».

14. **Киселева Наталья Васильевна**, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук и международных отношений ТА ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского».

15. **Кондратюк Григорий Николаевич**, доктор исторических наук, профессор кафедры истории ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова», ведущий научный сотрудник ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ».

16. **Конкин Денис Валериевич**, кандидат исторических наук, заведующий отделом Новой истории Крыма Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма ТА ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского».

17. **Ледяева Марина Владимировна**, старший научный сотрудник отдела вещевых источников ГБУК «Национальный музей Республики Татарстан» *(на момент 2017 года)*.

18. **Манаев Александр Юрьевич**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России ТА ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского».

19. **Марусенко Михаил Александрович**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», главный

научный сотрудник Института прикладной русистики ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена».

20. **Марусенко Наталия Михайловна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

21. **Миронова Наталья Викторовна**, заведующая отделом учета и хранения фондов ГБУ РК «Крымский этнографический музей».

22. **Науменко Людмила Анатольевна**, заместитель директора ГБУ РК «Крымский этнографический музей».

23. **Николаева Елена Николаевна**, старший научный сотрудник ФГБУК «Государственный музей истории религии».

24. **Павлун Алла Андреевна**, научный сотрудник научно-исследовательского отдела этнографии народов Крыма ГБУ РК «Крымский этнографический музей».

25. **Прохоров Дмитрий Анатольевич**, доктор исторических наук, старший научный сотрудник, доцент кафедры документоведения и архивоведения ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского».

26. **Самарина Марина Сергеевна**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет».

27. **Сейдалиев Эмиль Исаевич**, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет им. Февзи Якубова», старший научный сотрудник ФГБУН «Институт археологии Крыма РАН», старший научный сотрудник Крымского научного центра ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ».

28. **Сейдалиева Джемиле Эльвировна**, младший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского».

29. **Сластникова Людмила Александровна**, научный сотрудник высшей категории ФГБУК «Российский этнографический музей».

30. **Сухарев Максим Владимирович**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского».

31. **Таратухина Елена Евгеньевна**, хранитель музейных предметов 1 категории отдела учета и хранения фондов ГБУ РК «Крымский этнографический музей».

32. **Черняева Екатерина Вячеславовна**, экскурсовод МБУК «Евпаторийский краеведческий музей».

33. **Чубукчиева Ленера Закировна**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ГБУ РК «Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник».

34. **Шаврова Наталья Александровна**, заведующая научно-исследовательским отделом этнографии народов Крыма ГБУ РК «Крымский этнографический музей».

35. **Шайтанов Сергей Игоревич**, член правления Союза общественных организаций караимов Республики Крым, независимый исследователь.

Научное издание

**IV МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ,
ПОСВЯЩЕННАЯ 25-ЛЕТИЮ
ГБУ РК «КРЫМСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ»**

***Этнография Крыма XIX–XXI веков
и современные этнокультурные процессы***

г. Симферополь, 28–30 сентября 2017 года

Материалы и исследования

ВЫПУСК 4

Технический и художественный
редактор *Е. В. Мажарова*
Вёрстка *Д. С. Орлова*

Подписано к печати 00.00.2021
Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 8,84
Тираж 00 экз.

Издательство «Антиква»
295000, Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, пер. Героев Аджимушкая 6, оф. 3,
тел. : +79788913701 e-mail: antikva07@mail.ru

Типография